

Е.Г. Гимпельсон

**ФОРМИРОВАНИЕ
СОВЕТСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ**

«Наука»

Е.Г. Гимпельсон. ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Е.Г. Гимпельсон

**ФОРМИРОВАНИЕ
СОВЕТСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ
1917-1923 гг.**

МОСКВА НАУКА 1995

ББК 66.01
Г 48

Ответственный редактор
доктор исторических наук Н.Ф. БУГАЙ

Рецензенты:
доктор исторических наук В.С. ЛЕЛЬЧУК,
доктор исторических наук А.К. СОКОЛОВ

Г 0500000000-033
042(02)-95 9-1995, I полугодие

ISBN 5-02-009605-9

© Е.Г. Гимпельсон, 1995
© Российская академия наук, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Под политической системой (или политической организацией) общества имеются в виду совокупность политических институтов и общественных организаций, их взаимодействие в осуществлении ими функций и требований, диктуемых политическими, социальными и идеологическими установками политического режима. В работах юристов понятие "политическая система" трактуется неоднозначно. Одни авторы считают, что проблему надо рассматривать в широком смысле, другие – в узком смысле. В широком – это все организации, участвующие в политической жизни, в том числе противостоящие друг другу и преследующие противоположные политические цели. В узком смысле – только государственные, политические и общественные организации, поддерживающие существующий государственный и общественный строй¹. Будучи сторонником понимания проблемы в широком смысле, я в данной работе все же рассматриваю преимущественно политические и общественные организации, близкие по своим политическим целям. И по одной причине: вскоре после Октябрьской революции все меньшевистские объединения – одни раньше, другие несколько позже – были или ликвидированы, или должны были находиться на нелегальном положении. Следовательно, они уже не могут считаться субъектами политической системы.

Главное звено политической организации общества – государство, которое, в свою очередь, состоит из функциональных властей: законодательной, исполнительной и судебной. Применительно к первым годам формируемой советской политической системы в ней выделяются следующие компоненты: государство, политическую основу которого составили Советы и на их базе строившиеся административные и хозяйственные органы управления; большевистская партия, ставшая правящей и осуществлявшая государственные властные функции; профсоюзы и кооперация. Следует ли в эту систему включить комсомол? Вряд ли. Эта организация являлась подсобным механизмом большевистской партии, она действовала под ее руководством и по ее инструкциям.

Партия большевиков по вопросу о сущности, формах предполагаемой политической системы к моменту прихода к власти исходила из нескольких основополагающих идей марксизма. Первая из них – новая политическая система должна базироваться на общественной собственности на средства производства. Вторая – политическая система будет иметь пролетарско-классовый характер, она призвана осуществлять "диктатуру пролетариата". Третья – в управление госу-

дарством будут вовлекаться сами трудящиеся, становясь одновременно управляющими и управляемыми; государственное управление постепенно станет самоуправлением трудящихся. У основоположников марксизма эти общие положения не получили конкретизации, если не считать их ссылки на опыт Парижской Коммуны, в которой они усмотрели форму "диктатуры пролетариата" и народовластия. Не конкретизировало их и руководство большевиков.

Уже накануне Октябрьской революции обнаружилось, что Парижская Коммуна не может быть образцом. Опыт Коммуны не давал большевикам ответа на вопрос, каким должен быть механизм новой власти. Коммуна являлась формой власти в одном городе, к тому же находившемся в положении осажденной крепости. Между тем в России большевикам предстояло создать государственный механизм на огромной территории, в регионах, отличавшихся множеством особенностей: национальным составом населения, его принадлежностью к различным конфессиям, уровнем экономического и культурного развития. Ленин, большевики считали, что формой власти, пригодной для всех разнообразных регионов страны, являются Советы. Они предполагали, что в форме Советов может быть реализована "диктатура пролетариата", которая явится осуществлением власти трудящихся.

Идейные, теоретические истоки большевиков содержали определенный демократический потенциал, но объективный ход исторического процесса, являвшийся следствием классовых целей победившей партии, советской революции и вызванной ею гражданской войной, делал его нереализуемым. Благие желания большевиков после их прихода к власти обернулись антидемократическим диктаторским режимом.

В предлагаемой монографии ставится задача рассмотреть условия, объективные и субъективные причины и предпосылки формирования в первые годы послеоктябрьской России административно-командной политической системы, наложившей свою печать на всю последующую советскую историю.

Важность проблемы определяется ее научной актуальностью и остротой дискуссий по относящимся к ней вопросам обществоведов и публицистов, ведущихся, как правило, без всестороннего учета и анализа исторической конкретики.

В работе исследуются процессы создания и функционирования основных звеньев государства "диктатуры пролетариата", официальных органов государственной власти, их ужесточения и установления фактической диктатуры большевистской партии во главе с В.И. Лениным.

В центре монографии – приобретение советской политической системой таких специфических черт, как превращение Коммунистической партии в государственную структуру, однопартийность, крайняя централизация власти и управления, репрессивные методы решения политических и экономических задач, подавление инакомыслия, "госу-

дарствление" профсоюзов и кооперации*", бюрократизация. Ведется поиск ответа на вопросы об объективных и субъективных обстоятельствах, заложенных в самой сущности созданной политической системы, предопределивших неудачу новой экономической политики и перерождение диктатуры партийной в диктатуру "вождя", а в перспективе – установление режима сталинщины.

В полном объеме проблема монографии в историографии не освещалась, не осмыслена. Изучались лишь вопросы становления отдельных звеньев политической системы: Советов, государственного аппарата управления, профсоюзов, возникновения однопартийности. По этим вопросам в историографии накоплен значительный объем фактических данных. Но советская литература, создававшаяся в основном в 30–80-е годы, современного читателя не может удовлетворить. И прежде всего идеологической зашоренностью. Ее базисными и априорными стереотипами являются утверждения о "вечности" и универсальности, пригодности для всех времен и народов положений Маркса, Энгельса и Ленина о "диктатуре пролетариата", их представлений по вопросам государства, перехода к социализму и о самом социализме.

Один из общих недостатков – подход в освещении деятельности руководства партии и государства как абсолютно безошибочной, исходящей из глубоко научного познания законов общественного развития. Игнорировался тот факт, что эта деятельность нередко не соответствовала даже самим теоретическим положениям марксизма и что воплощение в жизнь принимавшихся Советской властью законов, государственных актов часто совсем не походило на задуманное и провозглашенное.

В историографии господствовала апологетика всего, что было связано с деятельностью Ленина, Коммунистической партии и Советского государства. Отсюда выборочный, односторонний подбор и анализ документов эпохи.

О недостатках советской историографии, отмеченных знаком времени, когда она создавалась, написано уже довольно много. Следует признать, что и работы автора этих строк не являются исключением. О влиянии меняющихся событий на воззрения историка прекрасно сказал английский историк Эдвард Карр в книге "Что такое история?": "Историк – часть истории... продукт истории... Не только события постоянно меняются. Сам историк постоянно меняется. Когда вы берете историческое сочинение, недостаточно посмотреть на имя автора на титульном листе: посмотрите также на дату публикации или написания работы – иногда это имеет большее значение. Если философ прав, что мы никогда не сможем дважды войти в одну и ту же реку, то, видимо, верно и то, что две книги не могут быть написаны абсолютно одним и тем же историком"².

---

* Другие оставшиеся общественные организации не рассматриваются, так как не заняли существенного места в формировавшейся политической системе: больничные и страховые кассы, научные общества, Российское общество Красного Креста и Красного Полумесяца, различные культурно-просветительные общества.

Советским же историкам, как и представителям других общественных наук, приходилось следовать "духу времени", придерживаться канонов правящей партии. К тому же им были недоступны многие документы, хранившиеся в закрытых архивах. В результате общественведы оказались в положении мальчика Кая из сказки "Снежная королева". Избавившись от наваждения злой силы, он увидел эфемерность великолепия чертогов Снежной королевы и бежал от них.

Ныне, когда глаза историка освободились от шор, когда сама концепция социализма перестала быть зоной, запретной для критики, стало возможно более здраво взглянуть на события, относящиеся к проблеме монографии, и с новых позиций оценивать эксперименты пришедших к власти большевиков, глубже осмыслить их изначальный утопизм и историческую обреченность. В связи с этим – и показ в монографии роли В.И. Ленина как "генератора идей" большевиков, их трансформаций и его непосредственного руководства по их прагматически-практическому воплощению.

В российской историографии идет мучительная переоценка истории и значения Октябрьской революции, ее отдельных проблем, да и социализма в целом. Ученые преодолевают мифологизацию советской истории. Но не обходится без накладок, без крайностей, без учета объективных обстоятельств времени, "сознания" революционной эпохи.

Российские историки получили наконец возможность непредвзято относиться к обширной литературе, выходившей на Западе, освободиться от огульного зачисления ее в разряд "фальсификаторской". Эта литература отражает большой спектр мнений, научной добросовестности и политических пристрастий. Автор рассматривает ее в качестве составной части историографии проблемы становления советской политической системы. Она содержит немало материалов, документов, которые по тем или иным причинам были недоступны советским историкам или сознательно ими игнорировались. Сильная сторона многих работ западных авторов – объективное раскрытие ряда проблем, которые советские историки обходили. Некоторые из этих работ переведены на русский язык³.

Автор не считает обязательным, да и возможным дать в монографии анализ огромной многоплановой литературы по проблеме и ограничивается отдельными историографическими экскурсами в самую ткань исследования.

Кроме имеющейся историографии, для написания монографии использован большой круг источников. Это советское законодательство, материалы съездов Советов, органов управления, правоохранительных, военных учреждений, ЦК и съездов Коммунистической партии, центральных и местных организаций профсоюзов, кооперативов, партий меньшевиков и эсеров. Эти и другие источники извлечены из архивных фондов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а также многочисленных опубликованных сборников документов. Широко использована периодическая печать за 1917–1923 гг.

Особо следует отметить впервые ставшие доступными исследователям многие архивные фонды ЦК КПСС, Совнаркома, НКВД, других правительственных и партийных ведомств, которые позволят раскрыть ранее превратно освещавшиеся обществоведами события первых лет Советской власти. Источники показывают, насколько острой была политическая борьба по вопросам формирующейся политической системы между большевиками и другими партиями, а также внутри партии большевиков: о системе "диктатуры пролетариата", демократии, роли правящей партии, профсоюзов, о взаимоотношениях Советов и партии, "красном терроре" – все это вопросы, страстно дискутируемые в современной историографии и публицистике.

Исследование ведется по трем периодам: начальный – ноябрь 1917 – лето 1918 г.; лето 1918–1920 г. – время ожесточенной гражданской войны; 1921–1923 гг. – реформа в экономике (нэп) и политических структур.

Работая над монографией, автор стремился придерживаться методологического требования историзма, оценки всех фактов и явлений в контексте исторической эпохи – ее общей и политической культуры, общественного сознания.

¹ Политическая организация советского общества. М., 1967.

² Цит. по: *Ненароков А.П.* Вступительное слово к русскому изданию книги Э. Карра "История советской России. Большевицкая революция 1917–1923 гг." М., 1990. Т. 1/2. С. 11.

³ *Carr E.* The Bolchevik Revolution, 1917–1923. L., 1951. Vol. 1; L., 1952. Vol. 2 (*Карр Э.* Большевицкая революция, 1917–1923. М., 1990); *Cohen S.* Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938. N.Y., 1974 (*Коэн С.* Бухарин: Политическая биография (1888–1938). М., 1990); *Rabinowitch A.* The Bolsheviks come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. N.Y.; L., 1976 (*Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989).

СТАНОВЛЕНИЕ

"ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА". ГОСУДАРСТВО. ДЕМОКРАТИЯ

С марксистским учением о "диктатуре пролетариата" неразрывно связаны Октябрьская революция, планы и иллюзии большевиков, трагическая советская история страны и разочарования ее народов.

Идея "диктатуры пролетариата" была подчинена главной цели – социализму. На протяжении многих десятилетий советская обществоведческая литература – историческая, философская, юридическая – вслед за основоположниками марксизма представляла социализм как бесклассовое и неполитическое общество. Среди признаков, которыми оно характеризовалось, главным считалась общественная (государственная) собственность. Это общество будет находиться в состоянии непрерывного развития по пути реализации свободы, социальной справедливости и преодоления отчуждения трудящихся от средств производства и результатов труда. Для достижения такого общества неизбежна целая историческая полоса, в течение которой необходимо преодолеть сопротивление свергнутых классов и сформировать новые, социалистические производственные отношения. Это и составляет, по Марксу, содержание "диктатуры пролетариата". Никаких конкретных указаний о ее функционировании Маркс и Энгельс не давали, за исключением ссылки на Парижскую Коммуну. "... Диктатура пролетариата, – писал Энгельс во введении к работе Маркса "Гражданская война во Франции". – Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата"¹. В Парижской Коммуне виделся прототип "диктатуры пролетариата".

Одним из первых критиков идеи "диктатуры пролетариата" был М.А. Бакунин. И хотя эта критика велась с утопических позиций анархизма, его рассуждения не были лишены здравого смысла. Он считал эту идею невыполнимой: весь пролетариат управлять (быть диктатором) не может. Марксисты, писал М.А. Бакунин, под народным управлением "разумеют управление народа посредством небольшого числа своих представителей". Но они превратятся в привилегированное меньшинство и "станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом"².

Идея "диктатуры пролетариата" стала основанием для длительной полемики среди самих сторонников марксизма. Не вдаваясь в детали этой полемики, отметчу лишь, что только большевики безоговорочно

восприняли ее и абсолютизировали, превратив в догматический признак этого течения социал-демократии.

У В.И. Ленина мы находим множество определений "диктатуры пролетариата", причем вариации их связаны с определенными периодами. В 1917 г. и годы гражданской войны, когда решалась судьба революции, понятие "диктатура пролетариата" сводилось почти исключительно к насилию. В июне 1917 г. в статье "Эпидемия доверчивости" Ленин отождествлял это понятие со сломом сопротивления капиталистов. "Диктатура пролетариата есть термин научный, определяющий тот класс, который играет при этом роль, и ту особую форму государственной власти, которая называется диктатурой, – именно: власти, опирающейся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения"³. В "Государстве и революции" Ленин писал, что диктатура пролетариата – это власть, не разделяемая ни с кем и опирающаяся непосредственно на вооруженную силу масс⁴.

После Октябрьского переворота в статье "Запуганные крахом старого и борющиеся за новое" (декабрь 1917 г.): "... переходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство (т.е. особая система организованного насилия над известным классом), именно: диктатура пролетариата. А диктатура предполагает и означает состояние придавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти" Сопротивление капиталистов должно быть сломлено, оно будет сломлено, "такая ломка и называется, на научном языке, диктатурой пролетариата"⁵. И в «Детской болезни "левизны" в коммунизме» весной 1920 г.: "Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против более могущественного врага, против буржуазии, сопротивление которой удешевлено ее свержением... Диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть..."⁶ В конце 1920 г.: "Диктатура пролетариата не боится принуждения, имеет право на государственное принуждение, так как осуществляет его и во имя интересов всех трудящихся и эксплуатируемых"⁷.

Однако в "Детской болезни..." дано также определение "диктатуры пролетариата", которое не сводится к насилию, подавлению: "Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества"⁸. А после перехода к нэпу Ленин дает определение "диктатура пролетариата" как руководство политикой со стороны пролетариата⁹.

Обратим внимание на неоднократно повторяющуюся у Ленина мысль: диктатура пролетариата не считается (не связана) с формальными законами. Это означало, что законы подчинены диктатуре, ею обусловлены, следовательно, исключалась идея правового государства, гражданского общества. Не случайно понятия "гражданское общество", "правовое государство" были объявлены атрибутами буржуазного го-

сударства – они были несовместимы с диктатурой, неограниченной властью.

Интересны рассуждения Л.Д. Троцкого о "диктатуре пролетариата" Приведем его ответы на заданные ему вопросы в заседаниях комиссии Дьюи (1937 г.), расследовавшей обвинения, выдвинутые против Троцкого на фальсифицированных "московских процессах".

Член комиссии Д. Финерти попросил Троцкого пояснить, что такое "диктатура пролетариата".

«Троцкий. Диктатура пролетариата означает, что все эксплуататоры лишаются права определять судьбу страны и все элементы, поддерживающие их, автоматически устраняются. Только революционный пролетариат и выступающие в его поддержку эксплуатируемые массы имеют право определять судьбу страны.

Финерти. Я хотел бы узнать, заложен ли в это определение тот смысл, что правительство должно быть диктаторским?

Троцкий. Да, диктаторское правительство. Это правительство, которое представляет диктатуру пролетариата...

Финерти. Я хотел бы уточнить, не будет ли правильнее сказать "диктатура для пролетариата" вместо "диктатура пролетариата"?

Троцкий. Это вопрос о взаимоотношениях между партией и классом и между Центральным Комитетом и партией. Если партия пользуется полным доверием трудящихся, а выборы свободные, тогда эти формулировки совпадают, поскольку класс не может непосредственно формировать правительство. Цельный класс не может делать этого...

Финерти. Это демократический способ отбора диктаторов?

Троцкий. Мы называем это диктатурой пролетариата в качестве первого опыта подлинной пролетарской демократии.

Финерти. Но правительство по своей сути – это диктатура?

Троцкий. Диктатура? Это требует уточнения. Вопрос в том, направлена ли эта диктатура против народа: состоят ли функции ГПУ в том, чтобы подавлять массы, или, напротив, ГПУ и массы, обретшие новые права, выступают против эксплуататоров. Это самое простое определение.

Финерти. Хорошо, диктатура для лучших или худших целей, но это диктатура?

Троцкий. Формально да...»¹⁰

Таковы были догматические воззрения большевиков по вопросу о "диктатуре пролетариата". Даже опыт сталинщины 20–30-х годов их не поколебал, как это видно из высказываний ближайшего соратника Ленина Л.Д. Троцкого.

Интерпретируя марксизм, большевики возвели идею "диктатуры пролетариата" в сущность ортодоксального учения. Объяснение этому – в самом развитии России и революционной обстановке в стране начала XX в. Маркс, выдвинув идею "диктатуры пролетариата", имел в виду страны с высокоразвитым рабочим классом, составлявшим в населении большинство или значительную его часть. Там "диктатура пролетариата", по Марксу, должна являться властью большинства над

меньшинством, что не противоречило бы, по тогдашним представлениям, демократии^{*}. Ленин же перенес эту изначально несостоятельную идею в Россию, в страну, которая даже по марксистским канонам не была подготовлена к решению социалистических задач. Г.В. Плеханов предупреждал: в России еще не смолота мука, чтобы испечь из нее хлеб социализма. Ленин, конечно, отдавал себе отчет в этом. Он сам неоднократно указывал на незавершенность формационного развития капитализма в России, многоукладность и отсталость экономики, преобладание крестьянского населения, глубокие пережитки крепостничества, низкую культуру масс. Россия не прошла достаточной школы буржуазно-демократического развития.

Февральская революция не сняла все противоречия, вызывавшие острое недовольство масс. Продолжавшаяся мировая война явилась катализатором продолжавшегося в 1917 г. революционного процесса.

Один из центральных вопросов дискуссий обществоведов об Октябрьской революции – была ли она неизбежна? Приведу мнение писателя В. Розова, который, на мой взгляд, просто и убедительно дал ответ на этот вопрос. "Перечитывая документы предреволюционных месяцев, недель и дней, я чувствую, что запутаннейший сюжет драмы осени 1917-го через сотни значительных и незначительных событий, обстоятельств, через столкновение противоречивых интересов и убеждений шаг за шагом шел к естественному финалу–революции"¹¹.

А выдающийся философ Н.А. Бердяев сформулировал свое понимание события с учетом исторических традиций и социальных идей, борющихся в 1917 г. "... Самый большой парадокс в судьбе России и русской революции в том, что либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими". Большевизм же оказался "наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насильем"¹². Эти слова отражают более глубокий и широкий спектр обстоятельств, определивших Октябрьский переворот.

Идя на революцию, большевики прежде всего рассчитывали на "народную лавину", вызванную всеобщим недовольством империалистической войной, надвигающимся голодом, тяжелым экономическим положением рабочих и крестьян, нерешенностью аграрного вопроса, национальным неравноправием. Власть Временного правительства была в параличе. Большевики, прекрасно зная настроения масс, выдвинули популярные, отвечавшие их чаяниям, лозунги "Мир – народам!", "Земля – крестьянам!", "Фабрики – рабочим!" Это плюс искусство захвата власти помогло им победить.

^{*} Не учитывалось при этом, что и демократия большинства относительна: ведь "большинство" может быть увлечено демагогами, популистами, манипулирующими лозунгами, обещаниями.

Но сможет ли партия использовать взятую власть для строительства социализма в "недостаточно цивилизованной" стране?

Как бы продолжением предреволюционной полемики на этот счет является "Открытое письмо Г.В. Плеханова к Петроградским рабочим" от 28 октября 1917 г. в связи с Октябрьским переворотом в Петрограде. Оно представляет большой интерес, к тому же в советской литературе раньше не публиковалось. Вот почему позволю себе привести из него довольно большую цитату.

"Скажу вам прямо, меня эти события огорчают. Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души.

Наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России.

В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку со стороны крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того, хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма". Далее Плеханов предостерегал: последствия октябрьских событий "теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, еще того хуже, – одной партией"¹³.

Рассуждения же большевиков по вопросу о возможности перехода к социализму в России видны из ленинской статьи "О нашей революции", написанной, правда, позже, в 1923 г. по поводу книги Н.Н. Суханова "Записки о революции", в которой утверждалось, что Россия не достигла уровня развития культуры и производительных сил, при котором возможен социализм. Ленин исходил из возможности "видоизменения обычного исторического порядка": начать с завоевания революционным путем предпосылок для создания необходимого уровня экономического и культурного развития, а потом уже, "на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы" Он считал, что к социализму можно прорваться несмотря на незрелость материальных предпосылок и низкий уровень общей и политической культуры большинства народа, что эти неблагоприятные обстоятельства преодолимы путем инверсии исторического процесса: главное – взять власть, "ввязаться в бой", потом "наша сила, наша воля, наша власть" (из песни 20-х годов) сделают свое дело – переделают социально-экономические и политические отношения в стране в

соответствии с теоретическими установками большевиков. Отсюда упор на "диктатуру пролетариата", расчет на то, что она насильно потащит большинство населения в социализм, отсюда стремление большевиков превратить власть в свою монополию. В связи с этим приведу цитату из книги "Дорога к рабству", за которую Ф.А. Хайек получил Нобелевскую премию. В 1983 г. с сорокалетним опозданием после первого издания она вышла на русском языке в Лондоне. Опыт этих сорока лет позволил автору в предисловии к русскому изданию подтвердить одно из кардинальных положений исследования: "Представление, что наш коллективный разум достиг высот, где мы уже может заменить саморегулирующийся процесс сознательным руководством, оказалось на поверку всего лишь иллюзией"¹⁴.

Термин "диктатура пролетариата" определял классовый характер социалистической революции и неизбежную в России власть меньшинства над большинством, прежде всего крестьянством. Поэтому Ленин ввел понятие "диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства", что должно было дать большинство. Но сути дела это не меняло. Ведь осуществление революцией требований крестьян о передаче им помещичьей земли превратило бы, как предполагалось, бедноту в середняков, и "диктатура пролетариата" опять оказалась бы властью над большинством.

Согласно марксистскому учению, "диктатура пролетариата" как политическая власть рабочего класса непосредственно осуществляется государством, системой его органов власти и управления. Маркс и Энгельс считали, что при коммунизме государства не будет, оно отомрет уже при социализме. Произойдет это не сразу. В переходный период без государства не обойтись. Предполагалось, что этот период будет относительно недолгим, исходили при этом из перспективы одновременной победы революции в основных капиталистических странах. Этого убеждения придерживался и Ленин. В наиболее полном виде взгляды Ленина на государство незадолго до Октябрьского переворота были изложены в книге "Государство и революция".

Отличительная черта нового государства, по Ленину, широчайшее самоуправление трудящихся. Старый бюрократический государственный аппарат рабочие сломают до основания. В управление будут вовлечены большинство, затем "поголовно" все трудящиеся. Будут приняты меры: не только выборность, но и сменяемость в любое время; плата за выполнение управленческих функций не выше зарплаты среднего рабочего, все выполняют функции контроля и надзора, чтобы «все на время становились "бюрократами" и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом». "При социализме, – писал Ленин, – все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял"¹⁵. С этим утопическим, практически нереализуемым положением было связано представление, будто управление государством состоит из простейших операций учета, регистрации, проверки, выполняемых любым грамотным человеком; все граждане превратятся в служащих государства. В этом виделось благо. Не было, однако, понимания того, что в такой монополизации государством власти и

управления таится величайшая опасность для личной свободы граждан и возникновения огромного слоя бюрократии. При этом игнорировались суждения самого Маркса о существовании "азиатского способа производства", когда государство, будучи единственным монопольным собственником средств производства и всех ресурсов, становится всевластным, обращая всех подданных в "поголовное рабство".

Ставка на государственную власть, ее всеисилие неизбежно предполагала и оправдывала диктаторство государственных институтов, открывала путь к тоталитаризму. К этому следует добавить, что государственная власть рассматривалась в качестве "машины классового подавления".

Неудивительно, что небольшевистские партии, в том числе социалистические, отрекались от ленинского понимания сути государства, подчеркивая, что оно противоречит взглядам Маркса и Энгельса. Так, если "классики" отдавали приоритет экономике, то Лениным он по существу отдавался государству и его политике: всеисильное государство "диктатуры пролетариата" в состоянии видоизменить "обычный ход развития общества". Даже представители буржуазного лагеря, знакомые "не по наслышке" с учением "основоположников", подметили отход от него большевиков. Так, П.Н. Милюков по поводу ленинских новаций по вопросу о государстве писал, что К. Маркс и Ф. Энгельс «не думали ни сужать понятие государства до исключительно принудительной классовой организации, ни идти к социализму мимо демократии, ни разуместь под "диктатурой пролетариата" организованное насилие олигархического меньшинства над всем миром, ни в особенности насильственно вводить социализм без соответственного уровня экономического развития и т.д.»¹⁶.

Ленин, большевики считали, что постепенно путем перехода к народному самоуправлению, привлечения большинства граждан к повседневному управлению будут ограничиваться функции, роль государственного аппарата и в конечном счете произойдет отмирание государства. Процесс "отмирания" начнется сразу после победы пролетариата. Подавление эксплуататорских классов (меньшинства населения), осуществляемое государством "диктатуры пролетариата", все меньше будет касаться большинства населения и "надобность в особой машине для подавления начинает исчезать"¹⁷. Одним словом, новое государство – это уже не государство в собственном смысле, это "полугосударство", шаг за шагом отмирающее.

Трудно не согласиться с английским историком Э.Х. Карром, считавшим, что "Государство и революция" – одна из "самых знаменитых и самых утопических работ" Ленина¹⁸.

Осенью 1917 г., накануне Октябрьского переворота, Ленин в статье "Удержат ли большевики государственную власть?" делает явное отступление от того, что он говорил ранее. Он уже пишет о невозможности участия в управлении "всех трудящихся": "Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас вступить в управление государством"¹⁹. Массы надо обучать управлению. В этой же статье говорится не о сломе всего старого государственного

аппарата, а об использовании той его части, которая имеет чисто хозяйственные функции (банки, кредитная система и пр.).

Забегая несколько вперед, отмечу, что после победы революции позиция ее вождя по вопросу об отмирании государства меняется. Если накануне он еще считал, что победоносная революция является началом отмирания государства, то реалии новой обстановки вынудили отказаться от этой утопической мысли: стал формироваться новый государственный аппарат со всеми функциями принуждения, подавления. И его уже обслуживает "теория": начинать надо не с "отмирания" государства, наоборот, требуется сильное централизованное государство. На VII съезде РКП (март 1918 г.), возражая Н.И. Бухарину, он заявил: "Мы сейчас стоим безусловно за государство... заранее провозглашать отмирание государства будет нарушением исторической перспективы"²⁰.

Все же полного пересмотра теоретического построения об "отмирающем государстве" не было: оно будет отмирать, но при социализме.

Завоевать власть, удержать ее – это еще не главное. Надо еще, считали "классики", правильно ею пользоваться, а это зависит как от ее механизма, системы ее организации, так и от людей, осуществляющих власть, от их человеческих качеств^{*}, кто и как властью воспользуется. Предполагалось, что нейтрализовать возможные злоупотребления властью можно будет сочетанием диктатуры и демократии. Вопрос этот был поставлен еще в "Коммунистическом манифесте" Марксом и Энгельсом: "Первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии..."²¹ Под "завоеванием демократии" имелась в виду пролетарско-классовая демократия, демократия для большинства народа в противоположность буржуазной демократии (для меньшинства). Тут же отметим, что история однозначно показала несовместимость диктатуры и демократии, в какие бы одежды диктатура ни облачалась.

Большевики не считали демократию категорией универсального значения, к ней нужен классовый подход: чьи интересы, волю каких классов она выражает – главный критерий. "Пролетарская демократия" распространяется только на рабочих и крестьян. Не признавалось, что любая форма демократии, если это действительно демократия, включает общечеловеческие ценности, такие, как права граждан, политические свободы, верховенство законов, равенство всех граждан перед законом. По существу вопрос этот встал еще на II съезде РСДРП в 1903 г., когда речь шла об отношении социал-демократов к основным демократическим принципам (равные политические права, свобода волеизъявления, всеобщие избирательные права, решения – по большинству голосов при уважении интересов и прав меньшинства и т.д.). Одна часть делегатов (рабочедельцы, бундовцы) настаивала на абсолютной ценности принципов и институтов демократизма. Другая ("твердые искровцы") выступала против такого отвлеченного подхода. Г.В. Плеханов заявил: "Гипотетически мыслим случай, когда мы, соци-

^{*} История СССР подтверждает эту мысль, достаточно вспомнить сталинщину.

ал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права" Социал-демократы, по его мнению, должны руководствоваться правилом: "Успех революции – высший закон". "И если ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться"²². Делегат Егоров подал реплику: "Законы войны одни, а законы конституции другие. Мы пишем свою программу на случай конституции"²³.

Оба эти высказывания по-своему были верны. В случае насильственного политического переворота неизбежны ограничения демократии, в другое время революционные процессы могут протекать без ограничения демократии. В России революция была осуществлена в форме гражданской войны. Вступали в действие законы войны: насилие потеснило право, демократию.

Здесь и ответ на вопрос, почему социалисты европейских стран, а также российские меньшевики выступали против "диктатуры пролетариата" Они ориентировались на мирную, парламентским путем, революцию, без насильственного свержения старой власти. В этом случае, по их мнению, и дальнейшее политическое развитие пойдет на основе парламентской борьбы. Значит, "диктатура пролетариата" не нужна.

Большевики, ориентируясь на вооруженные методы осуществления революции, тем самым делали неизбежной упорную борьбу всеми средствами в защиту ее после победы. Получалось: весь смысл борьбы, ее конечная цель – бесклассовое общество, а путь к нему – насильственное преодоление "классовости" и ограничение демократии.

Только при полном социализме, по Ленину, ограничений не будет, демократия становится полной. В 1916 г. он писал: "Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию... Невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии". И накануне Октябрьской революции: "Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: 1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготавливается к ней борьбой за демократию, 2) нельзя победившему социализму удержать своей свободы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полной демократии"²⁴. Ведь при социализме, согласно теории, не будет классов, некого будет подавлять, значит, не будет и ограничений демократии.

Идея сочетания социализма с демократией изначально содержала в себе глубокое противоречие, так как социализм предполагал сосредоточение в руках государства всей основной собственности, превращения его в собственника-монополиста. Тем самым закладывалась "мина" под демократию, вело к ее отрицанию. Это противоречие, характерное вообще для социалистических теорий, подметил ряд ученых, в частности Н.А. Бердяев. Когда государство владеет всеми средствами производства и человек находится в полной зависимости от него, не может быть свободы, следовательно, и демократии.

Отступлением от "полной" демократии был и превращенный боль-

шевиками в основу "пролетарской" государственности принцип единства законодательства и исполнения законов, соединения законодательных, распорядительных и контрольных функций. В этом виделось одно из коренных отличий "пролетарской демократии" от "буржуазного парламентаризма".

Идея "разделения властей" была сформулирована великим французским философом Ш. Монтескье и в дальнейшем была воспринята конституциями демократических стран. Это должно было служить противоядием от абсолютизации, тоталитаризации власти. Суть идеи – "уравновесить" отдельные власти: законодательную, исполнительную, судебную, чтобы ни одна из них не стала монополюющей, всеобъемлющей и чтобы гарантировать подчинение деятельности всех государственных органов и должностных лиц закону.

"Разделение властей", как свидетельствует история демократических стран, неперемненное свойство демократического государства. Каждая из властей имеет свою сферу компетенции: законодательная формирует законы, исполнительная их реализует, судебная их защищает. Их взаимодействие и взаимозависимость создают систему сдерживания и противовесов, не позволяющую выходить за конституционные рамки, защищающую общество от посягток произвола.

Основоположники марксизма отдали предпочтение принципу "соединения властей" По существу он предоставляет государству неограниченную власть над всем и вся. В условиях России, где роль государства традиционно была велика, этот принцип неизбежно должен был сыграть особо негативную роль, что и случилось в советское время: монополизация власти государственными структурами не позволила обеспечить защиту граждан от их произвола.

Пропагандируя принцип "соединения властей", Ленин подвергал уничижительной критике буржуазный парламентаризм. Надо признать, что, исходя из реалий начала XX в., у него были основания для критики государственных институтов даже самых демократических буржуазных государств, не гарантировавших трудящимся от произвола господствовавших классов, развязывания ими войн и т.д. Вместе с тем Ленин видел выгоды, преимущества, которые буржуазный парламентаризм, буржуазно-демократические порядки давали для политического развития рабочего класса и его борьбы за интересы трудящихся. Однако вывод его о том, что эпоха буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии кончилась и ее сменила эпоха "пролетарской демократии", был в корне ошибочен, это подтверждено историей.

Где же выход из буржуазного парламентаризма с точки зрения задач пролетариата, как можно обойтись без него? Выход из парламентаризма, считал Ленин, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в "работающие" учреждения²⁵. Такими "работающими" и представлялись Советы: они и законодательствуют и исполняют законы.

До начала 1917 г. Советы рассматривались большевиками как возможная форма революционно-демократической власти. После Февраль-

ской революции, когда Ленин провозгласил необходимость перехода к социалистической революции и установлению "диктатуры пролетариата", естественно напрашивался вопрос о ее ("диктатуры пролетариата") государственной форме. Ответ на него был тут же им дан: ею станут Советы. Это и выразил его призыв "Вся власть Советам!", установление "Республики Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху".

"Открытие" Советов как государственной формы "диктатуры пролетариата" не было простой импровизацией. Изобретать ее не было нужды, она была подсказана революционным творчеством самих народных масс. Сделав ставку на Советы, большевики всячески доказывали их преимущества по сравнению с буржуазными органами власти, органами буржуазной демократии. В чем, по их мнению, преимущества заключаются? В частности, в том, что Советы – это новый государственный аппарат, тесно связанный с массами, с большинством народа, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, соединять в лице выборных представителей народа и законодательные функции и исполнение законов. Что в этих рассуждениях шло от благих надежд, искренних предположений – не будем судить, ответы могут быть – и в литературе действительно имеются – самые различные – от оценок, объявляющих их "гениальными", до самых уничижительных. Все же остается исторически несомненным фактом, что идея "Республики Советов" была воспринята не только большевиками, но и широкими массами трудящихся, пустила среди них глубокие корни, превратившись в один из важнейших факторов победы советской революции.

Установка на превращение Советов в органы власти "государства-коммуны" встретила решительное возражение меньшевиков, эсеров и других политических сил, доказывавших нежизненность этой идеи. Их доводы приводятся во всей историографии Октябрьской революции. Не пересказывая их, остановлюсь только на менее известной критике ленинского "открытия" государства-коммуны" со стороны крупного ученого, философа-социолога А.А. Богданова. По Ленину, писал он, Республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов – это государство-коммуна, образцом для которой является Парижская Коммуна. Но в чем тут сходство? "В той было выборное представительство, не отдельно от рабочих, от солдат, крестьян и т.д., а прямо от населения вроде того, как при демократических выборах в думы". Советы – это органы революционной борьбы, движения революции, т.е. "учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое. Теперь нам предлагают создать из них "новый тип государства" "Как постоянные и основные государственные учреждения, – считал А.А. Богданов, – Советы не годятся, поскольку они – выборное представительство общественных классов и групп, взятых по отдельности, с их особыми интересами. Выборная многостепенная система сложна и несколько беспорядочна"²⁶.

В исключительно сложной, во многом непредсказуемой обстановке

осени 1917 г. Ленин не исключал возможности комбинированного типа государственности, соединения Советов с Учредительным собранием. Идея такого собрания пользовалась огромной популярностью, это нельзя было не учитывать. Более того, такое соединение послужило бы фактором легитимизации Советской власти. Но эта комбинация рассматривалась Лениным как временная, переходная. Другое дело – Л.Б. Каменев и Г.Е. Зиновьев, высказавшиеся в октябре против вооруженного восстания, отрицавшие возможность его победы и ограничивавшиеся буржуазной революцией. В своем заявлении, сделанном 11 октября после их выступления накануне на заседании ЦР РСДРП(б), они писали: "Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем"²⁷ У Каменева и Зиновьева такая комбинация была доводом ненужности восстания, преждевременности установления в стране "диктатуры пролетариата". Но пройдет несколько месяцев, и мысль о возможном использовании Учредительного собрания была полностью отброшена. В январе 1918 г., когда кипели страсти вокруг Учредительного собрания, Ленин утверждал, что Советская власть выше Учредительного собрания: "В нее не входят ни парламент, ни референдум. Она выше этого..."²⁸ Выступая по самым различным поводам, он доказывал порочность парламентаризма. Правда, позже, в апреле 1919 г., в разгар гражданской войны он вдруг заметит: "Прекрасен парламентаризм, но только времена теперь не парламентские"²⁹ Что это – мимолетное прозрение? Не будем гадать.

Рассматривая Советы в качестве основы и костяка пролетарской власти, большевики тогда не строили каких-либо схем будущей политической системы в целом. В частности, мы не находим у их руководителей конкретных высказываний о месте и роли в ней своей партии. Хотя из того, что партия борется за власть, они не делали секрета. Вспомним заявление Ленина на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 4 июня 1917 г. о том, что партия большевиков немедленно готова взять власть в свои руки. Как понимать это заявление? Неудивительно, что многие делегаты съезда восприняли его однозначно: власть "целиком" должна принадлежать большевикам, их партии, а не многопартийным Советам. Именно так это понял Н.Н. Суханов. В апреле, читаем мы в его "Записках о революции", "большевицкий вождь призывал учиться быть в меньшинстве, иметь терпение, завоевывать Советы, добиваться в них большинства и передать им всю власть в центре и на местах. Ныне Ленин, не имея терпения, не добившись большинства, не завоевав Советов, требует против их воли всей власти, требует диктатуры для одной своей партии... Возможно, что в тайниках ленинской головы никогда и не было иного толкования первоначальных апрельских лозунгов. Но обнародовать это толкование он считал уместным и своевременным ныне впервые"³⁰. Возможно, так и было. И все же вся совокупность фактов, относящихся к борьбе большевиков в 1917 г. за "свою власть", говорит о предпочтительности иного понимания ленинского заявления: пока что партия будет направлять деятельность

"государства Советов", которое претворит в жизнь ее программу. Тогда большевики еще не предполагали, что партия, подменив Советы, сама будет осуществлять государственные функции, превратится в "партию-государство", как это потом случится, не предполагали, что "диктатура пролетариата" сведется к диктатуре их партии. Но случившееся было неизбежно. Благие намерения соединить диктатуру с демократией были несостоятельны. А роль, отводившаяся партии в "диктатуре пролетариата", усиливала разрыв с демократией.

Весь мир насилья мы разрушим
до основания, а затем
мы наш, мы новый мир построим –
кто был ничем, тот станет всем.

Разрушение "мира насилья" в соответствии с положениями марксизма началось со слома буржуазного государства, а строительство "нового мира" – с постройки "пролетарского" государства на основе большевистских идей о "диктатуре пролетариата" и Республике Советов.

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА "ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА"

Главное звено советской политической системы – государство "диктатуры пролетариата" – возникло в момент провозглашения Вторым Всероссийским съездом Советов перехода всей власти в стране к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. К тому времени они уже существовали почти во всех губернских и уездных центрах, заштатных городах, во многих поселках и волостях страны. Это не значит, что широкие массы, поверившие в идею власти Советов, отдавали себе отчет в содержании этой власти и ее "социалистических" задачах. Активный участник революции В.Н. Каюров в своих воспоминаниях рассказывал, как в октябре 1917 г. он с преданными большевикам рабочими Выборгского района Петрограда обсуждал письмо Ленина о том, что восстание для взятия власти назрело. Ранее, писал он, рабочие стремились к власти, не вдаваясь в последствия реализации их стремления. Теперь же, когда стало ясно, что власть может оказаться в наших руках, "у каждого стал в голове вопрос – что мы будем делать с властью"³¹.

Вопрос во многом оказался неожиданным не только для рядовых рабочих и членов партии, но и для самих ее вождей. События разворачивались с огромной быстротой и непредсказуемостью, развал власти и государственности России, происходивший в 1917 г., под ударом Октябрьской революции стал обвальным. Усилился процесс распада единого государства на его "составные части" – регионы, противопоставившие общегосударственным связям и интересам местные национальные, сословные, экономические интересы. Были сокрушены устои государственности: армия, административный аппарат, законы, поколеблена частная собственность.

Теоретические, абстрактные схемы и концепции большевистских руководителей были малопригодны для практических решений нальнувших проблем. Их пришлось как-то решать в круговерти собы-

тий, в поисках конкретных действий. Как правило, по основным вставшим вопросам ответы давал вождь революции Ленин исходя из теоретических посылок большевиков, а большей частью прагматически с учетом конкретной ситуации. Ленинские "разработки", выстраивавшиеся в "советскую политику", подавались в свете теоретико-идеологических постулатов.

Имея на Втором Всероссийском съезде Советов большинство голосов и встретив решительное неприятие социалистической революции со стороны меньшевиков и правых эсеров, большевики образовали правительство – Совет Народных Комиссаров (Совнарком) из своих однопартийцев* В какой-то мере это было вынужденно: накануне открытия съезда большевики предлагали лидерам социалистических партий войти в правительство – все отказались. Вопрос об этом обсуждался во время съезда на заседании ЦК РСДРП(б) 26 октября. Ленин, по свидетельству очевидца событий Джона Рида, «стоял незыблемо, как скала: "Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть тоvariщи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, что держим мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и соглашателям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело"³². "Соглашатели" принять большевистскую программу не хотели. Взаимная непреклонность, неуступчивость большевиков и их оппонентов – социалистов привели к уходу большей части последних со съезда, а это сыграло на руку большевикам. Н.Н. Суханов в своих мемуарах о революции об этом писал: "Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком арену революции. Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина"³³. К этому мнению мемуариста можно добавить: уход со съезда социалистов если не обеспечил, то во всяком случае облегчил большевикам создание своей монополии на власть, первым актом которой и было образование однопартийного правительства под председательством Ленина.

Уже в названии правительства – "рабочее и крестьянское" – был обозначен его классовый характер. Правда, в составе Совнаркома не было рабочих и крестьян. Все его члены были профессиональными революционерами, большинство вышло из интеллигентской среды, но, как и их партия в целом, они претендовали на роль истинных представителей и защитников интересов трудового народа, прежде всего рабочих.

---

* Члены правительства – народные комиссары: по внутренним делам – А.И. Рыков, земледелия – В.П. Милютин, труда – А.Г. Шляпников, по делам военным и морским – "коллективный нарком": В.А. Антонов-Овсеенко, Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко, торговли и промышленности – В.П. Ногин, народного просвещения – А.В. Луначарский, финансов – И.И. Скворцов (Степанов), иностранных дел – Л.Д. Троцкий, юстиции – Г.И. Оппоков (Ломов), продовольствия – И.А. Теодорович, почт и телеграфов – Н.П. Авиллов (Глебов), по делам национальностей – И.В. Сталин.

В первые же дни правительство, как и руководство большевистской партии (ее Центральный Комитет), оказалось в состоянии кризиса, вызванного расколом в его составе. Несколько членов Совнаркома (В.П. Милютин, В.П. Ногин, А.И. Рыков, И.А. Теодорович) и членов ЦК партии (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, В.П. Милютин, В.П. Ногин, А.И. Рыков) соглашались с требованием Всероссийского исполкома профсоюза железнодорожников (Викжеля), в котором преобладали меньшевики и правые эсеры, создать "однородно-социалистическое" правительство с включением в него меньшевиков, правых эсеров, народных социалистов. Это явилось бы реализацией идеи многопартийного демократического социалистического правительства, вынашивавшейся в 1917 г. левой частью меньшевиков и эсеров и встречавшей сочувствие ряда лидеров большевиков. Большинство членов ЦК во главе с Лениным отказались принять требование Викжеля, считая, что это переведет революцию на рельсы буржуазно-демократического, а не социалистического развития. Тогда народные комиссары В.П. Милютин, В.П. Ногин, А.И. Рыков, И.А. Теодорович оставили свои посты. "Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий... – писали они в заявлении во ВЦИК. – Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны"³⁴. Вместо подавших в отставку в правительство были введены большевики А.Г. Шлихтер (нарком земледелия и продовольствия), Г.И. Петровский (нарком внутренних дел), П.И. Стучка (нарком юстиции). Этот эпизод не был случайным. Он явился как был продолжением предоктябрьского спора в самой большевистской партии, а также этой партии с меньшевиками и эсерами по вопросу о готовности аграрно-крестьянской страны, где пролетариат составляет меньшинство населения, переходить к социализму, о возможности одной партии осуществлять свою социалистическую программу, чуждую для большинства населения страны.

Позицию вышедших из Совнаркома народных комиссаров советская историография традиционно квалифицировала как предательство и капитулянтство. Но дальнейшие события показали, что их опасения не были лишены основания³⁵.

После заключения соглашения большевиков с другой леворадикальной партией – левыми эсерами в конце ноября 1917 г. представители последней* вошли в Совнарком. Двухпартийное Советское правительство функционировало до конца марта 1918 г., когда левые

---

* А.В. Колегаев (нарком земледелия), И.З. Штейнберг (нарком юстиции), В.Е. Трутовский (нарком по местному самоуправлению), П.П. Прошьян (нарком почт и телеграфов), В.А. Карелин (возглавил комиссариат имущества), два левых эсера – наркомы без портфелей.

эсеры в знак протеста против заключения Брестского мира вышли из Совнаркома. В то время единогласия по ряду вопросов уже не было. Нередко споры на заседаниях Совнаркома принимали резкий характер.

Согласно решению Второго Всероссийского съезда Советов, высшим законодательным, исполнительным и контролирующим органом страны в период между съездами являлся Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). Он был создан на многопартийной основе в соответствии с партийным составом съезда и многопартийностью Советов. В первоначальный состав ВЦИК вошли 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов интернационалистов, 3 украинских социалистов, 1 эсер-максималист – всего 101 человек³⁶. Имея столь значительное преобладание, большевики, как правило, могли уверенно предлагать свои решения и принимать их вопреки своим оппонентам. Последующие изменения в количественном и персональном составе ВЦИК ситуацию не меняли³⁷. Представители небольшевистских партий подвергали действия Совнаркома резкой критике, даже ставили вопрос о недоверии ему. Но результат голосования всегда был предопределен в пользу большевиков. Первым председателем ВЦИК был Л.Б. Каменев, но уже 8 ноября вследствие его согласия с ультиматумом Викжеля он был смещен, на пост председателя ВЦИК был назначен Я.М. Свердлов, жестко и последовательно проводивший во всех вопросах политику большевиков, руководимых Лениным.

Обострению межпартийной борьбы во ВЦИК способствовало и отсутствие четкости в разграничении функций его и Совнаркома.

Совнарком являлся не только высшим органом управления, выполнявшим исполнительно-распорядительные функции; он сам принимал и документы законодательного характера, которые должны были затем рассматриваться и утверждаться ВЦИК. На практике Совнарком декретировал больше законов, чем ВЦИК, причем в ряде случаев ставил ВЦИК перед свершившимся фактом, публиковал их, не дожидаясь одобрения ВЦИК. Совнарком не считал нужным соблюдать "формальную законность", если она "могла затормозить или даже поставить под угрозу быстрое принятие срочного декрета" многопартийным ВЦИК. Это вызвало резкие возражения представителей небольшевистских партий, заявлявших, что предоставление правительством законодательных прав "несовместимо с демократией"

Через неделю после Октябрьского переворота, 4 ноября, во ВЦИК первым в порядке дня стоял вопрос о печати. Закрытие новой властью ряда буржуазных газет и принятие правительством декрета, санкционировавшего такие действия, встретили на заседании резкую критику. Обсуждение началось с внесения Ю. Лариным (большевик) проекта резолюции, первый пункт которого гласил: "Декрет Совета Народных Комиссаров о печати отменяется" Проект же резолюции фракции большевиков безоговорочно одобрял позицию Совнаркома и квалифицировал выступления, осуждавшие ее, как "претензии и домогательства, продиктованные мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересам контрреволюционной буржуазии". Левые

эсеры возражали: нельзя нарушать демократические принципы, один из которых – свобода печати. "Мы не смотрим на вопрос о свободе печати как на мелкобуржуазные предрассудки", – говорил А.В. Колегаев³⁸. Отстаивая декрет правительства, Л.Д. Троцкий пошел еще дальше, заявив: "Все средства печати должны быть переданы Советской власти" Отвечал ему левый эсер В.А. Карелин. Имея в виду недовольство большевиков преследованиями их печати во времена царизма, он сказал: "Существует готтентотская мораль: когда у меня украдут жену – это плохо, а когда я украду – это хорошо... Целесообразно ли применять намордник. История говорит нам, что когда по отношению к направлению мысли применялся гнет, ореол все возрастал. Запретный плод сладок"³⁹.

После одобрения декрета левые эсеры предъявили председателю Совнаркома запрос: "1. На каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение ЦИК. 2) Намерено ли правительство отказаться от произвольно установленного им совершенно недопустимого порядка – декретирования законов"⁴⁰. На это большевики отвечали, что момент слишком серьезный, и новая власть не может считаться со всеми формальностями. Большинством голосов была принята резолюция, "узаконившая" практику Совнаркома самостоятельно издавать декреты. Она, в частности, гласила:

"1. Советский парламент рабочих масс не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами и где представители правящего класса превращают регламент и наказ в орудие законодательной обструкции.

2. Советский парламент не может отказать Совету Народных Комиссаров в праве издавать без предварительного обсуждения Центральным Исполнительным Комитетом неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов.

3. В руках Центрального Исполнительного Комитета сосредоточивается общий контроль над всей деятельностью Совета Народных Комиссаров и возможность сменить Правительство или отдельных членов его"⁴¹.

Обращает на себя внимание противопоставление ВЦИК буржуазному парламенту. По смыслу резолюции во ВЦИК представлены классы (имеются, конечно, в виду рабочие и крестьяне) с одинаковыми интересами, тогда как буржуазный парламент – орган классов с противоположными интересами. Между тем сама идеология большевиков исходила из неодинаковости интересов рабочих и крестьян. Что же касается возможности ВЦИК сменить правительство, то практически ее не было.

В дальнейшем составы Совнаркома "формировались" на заседаниях ВЦИК (а не на съездах Советов), но процедура эта была чисто формальной: кандидатуры наркомов представлялись председателем правительства Лениным и утверждались неукоснительно.

Время от времени ВЦИК заслушивал доклады (отчеты) Совнаркома, отдельных наркоматов и также их неизменно одобрял. Так

обеспечивалось "единство" в деятельности двух высших органов власти (однопартийного и многопартийного) в проведении политики большевистской партии. Члены ВЦИК от других партий, на многих его заседаниях требовавшие прекратить практику узурпирования Совнаркомом законодательных функций, всегда оставались в меньшинстве. Принятый 17 ноября 1917 г. "Наказ о взаимоотношениях ВЦИК и СНК"⁴² лишь формально наметил разграничение в их функциях, но и он не соблюдался. Стремление Совнаркома быть независимым от многопартийного ВЦИК в декретном творчестве являлось одним из проявлений претензий большевиков на монопольную власть, владение всеми инструментами власти в формируемой политической системе.

Идеологические и эмоциональные заряды первых советских декретов ("О мире", "О земле", "Декларация прав народов России" и др.) падали на благоприятную социальную почву, вызывая к большевикам доверие трудящихся. Эту же роль играло само название органов власти – "Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов". Оправдался расчет на психологический эффект, который должен был способствовать укреплению позиций победителей. Этот эффект усиливался законодательными актами и указами центра, подтверждавшими полноту власти Советов – "полномочных представителей" трудящихся.

Однако Советы первоначально не представляли собой единой системы власти. В городах были Советы рабочих депутатов, в волостях и деревнях – Советы крестьянских депутатов, в национальных регионах – Советы, представлявшие коренное население (мусульманских депутатов и др.). Они не являлись социально однородной властью, выражали интересы разных революционных потоков (пролетарского, аграрно-крестьянского, национально-освободительного). Советами рабочих депутатов, как правило, руководили большевики, а большей частью крестьянских – эсеры. Между Советами не было политического и организационного единства, они нередко по-разному относились к указаниям и распоряжениям центральных властей. Большой разницей был в структурах и функциях создававшихся их исполнительных аппаратов.

В органы власти и управления пришли сотни тысяч "людей из народа", в массе своей малограмотные, далекие от понимания общегосударственных интересов, не имевшие элементарной политической культуры, с анархической психологией. Такой социальный состав органов новой власти не мог не оказывать влияние на ее деятельность, принимавшую характер митинговой демократии. С "революционной самодеятельностью" масс должны были считаться "верхи" при выработке политики, эта "самодеятельность" корректировала политику при ее проведении в жизнь.

Вскоре начала проявляться оборотная сторона лозунга "Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!". На местах он истолковывался в смысле независимости Советов от центральной власти (власть на местах "суверенна"). Это усиливало сепаратистские, местнические тенденции, начало которых восходило к дооктябрьскому времени. Местные власти не выполняли распоряжений центральных

органов, по своему усмотрению распоряжались общегосударственным имуществом. Весной, например, так поступали исполкомы в Смоленске, Вышнем Волочке, Рязске, Рыбинске, Вязме и других городах⁴³. 2 мая нарком внутренних дел Г.И. Петровский телеграфировал губернским Советам: в "Комвнудел все чаще и чаще поступают сведения о том, что местные Советы, в особенности волостные, уездные, предпочитают местные интересы общегосударственным, продолжают конфисковывать топливо, лесные материалы, предназначенные для железных дорог, фабрик и заводов. Заготовленные и заготавливаемые материалы, столь необходимые для Советской республики, захватываются, бесследно расхищаются"⁴⁴.

Проявлением сепаратизма было и провозглашение некоторых губерний, уездов, волостей самостоятельными "республиками" "Парад суверенитетов", развернувшийся в начале 90-х годов, имел предшественника, в своеобразной форме он стал проявляться и тогда, в конце 1917 – начале 1918 г. Правда, в ряде случаев сепаратизм был чисто внешним, не преследовал цели обособления от страны. Провозгласившиеся "республики" оставались по существу обычными административными территориальными единицами.

В октябре 1918 г. Я.М. Свердлов в лекции о Конституции отмечал, что взаимоотношения местных органов с центральными "складывались только путем целого ряда разногласий, борьбы, столкновений, примирений; с другой стороны, центральная власть должна была непосредственно вмешиваться в те или иные отдельные конфликты..."⁴⁵.

Руководство большевиков объявило одним из главных организационных принципов "власти Советов" демократический централизм. Сначала Ленин, касаясь этого принципа, делал ударение на демократизме, о централизме он говорил как о необходимости для государства, где должны быть единые для всех законы. К этому вопросу он возвращался неоднократно в связи с нападками на принцип демократического централизма как со стороны представителей других партий (анархисты, левые эсеры), так и некоторых большевиков ("левые коммунисты"). По их мнению, централизм подавит демократию. Ленин возражал: демократический централизм – панацея от бюрократического централизма и анархического распада, обеспечит местное самоуправление (в лице Советов), он не исключает и автономию, даже предполагает ее необходимость, ему не противоречит и федерация, если она "основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности"⁴⁶.

Эти рассуждения выглядели убедительными. Более того, они отвечали требованиям времени, когда необходимо было преодолевать сепаратистские тенденции местных властей. В той обстановке принцип демократического централизма воспринимался как противоядие от местного распада. Однако этот принцип не давал ответа на вопрос: как практически, в каких формах и в каком соотношении должны быть обе его составные части? Ответа на этот вопрос не дали и последующие 70 лет Советского государства. Образно на него ответил

писатель А. Гельман: «Если больше надавить на централизм, вылезает произвол, если оставить совсем без присмотра демократизм, явится "мать порядка" – анархия. А надо, чтобы "мать" с "отцом" жили вместе, помогали друг другу вести хозяйство»⁴⁷. В плане перспективы оказались правы оппоненты Ленина: централизм уже вскоре подавил демократию.

Важной вехой на пути создания единой государственной системы власти было объединение в ноябре–декабре 1917 г. ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с ЦИК Советов крестьянских депутатов, в январе 1918 г. соответствующих Всероссийских съездов Советов и к весне 1918 г. местных Советов рабочих и солдатских депутатов с крестьянскими Советами. "Достраивалась" и система съездов Советов. Она возникла еще в 1917 г., когда Советы возглавляли меньшевики и эсеры. Непрямые и открытые выборы, неравенство представительства на съездах рабочих и крестьян были явными "отступлениями от демократии". В советской историографии было принято оправдывать эти "отступления" остротой классовой борьбы, "ведущей ролью" рабочего класса, звучала "оправданием" и ссылкой на то, что "отступления от демократии" ввели еще меньшевики и эсеры в 1917 г. Но дело в том, что тогда Советы не являлись властью, они не формировались как государственные структуры. Когда же после Октябрьского переворота они стали властью, проблема демократичности Советов приняла другой характер – государственный. И большевики тут же добавили к оправданию "отступления от демократии" довод: при "диктатуре пролетариата" рабочие как руководящий класс должны иметь политические преимущества.

В бурное революционное время съезды Советов имели некоторые плюсы. Выборы делегатов проводились часто, и съезды (волостные, уездные, губернские, всероссийские) являлись форумами, дававшими представление о быстро меняющихся политических настроениях населения. К тому же съезды как бы связывали разобщенные еще Советы в масштабе административных единиц, регионов страны. Однако вскоре выявились их серьезные недостатки. Некомпетентность делегатов, склонность к "митинговой демократии" превращали съезды Советов по существу в формальные законодательные органы. В большинстве случаев их деятельность сводилась к обсуждению и одобрению политики "верхов" и постановлений своих исполнительных комитетов. Не являясь постоянно действующими, съезды Советов не могли систематически контролировать исполнение принятых ими решений. Это явилось одной из причин передвигки реальной власти к исполнительным аппаратам. К тому же подлинной властью, как будет показано, все больше становились большевистские партийные комитеты, определявшие политику Советов и их съездов.

В первое время после Октябрьского переворота законодательных актов о лишении избирательных прав людей по их классовой принадлежности не было. Правда, в "Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа" (ноябрь 1917 г.) провозглашался принцип: "Эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти"⁴⁸. Но и

после принятия "Декларации" законодательство лишения избирательных прав не предусматривало. Все же Народный комиссариат внутренних дел – центральный орган руководства строительством Советов – своими инструкциями требовал: кулаков, эксплуататоров в органы власти не допускать. Это создавало возможность манипулировать массовым сознанием и самими выборами, поскольку ясности и четкости в определении категории "кулак", "эксплуататор" не было. К тому же манипулированию выборами благоприятствовал их митинговый характер: сельские Советы избирались на сходах крестьян, городские – на собраниях рабочих и служащих по производствам и красноармейцев по воинским частям. Голосовали, как правило, открыто, поднятием рук. Какими курьезами это нередко сопровождалось, рассказывал в своих воспоминаниях питерский рабочий Б. Струмило, наблюдавший выборы на Урале: "На будущие выборы было объявлено, что выбирать и быть избранными имеют право только люди, признающие Советскую власть. Самые же выборы происходили весьма своеобразно. Объявлялся митинг, завод запирался, выступали представители большевиков, оглашали список, после чего спрашивалось: кто против? Голосовать против – охотников было мало ввиду наличности начальства, подкрепленного вооруженными с ног до головы красноармейцами, и тех слухов и угроз, которые распространяли большевики перед выборами"⁴⁹

Подобное случалось и в других местах. Преимущества, создававшиеся рабочим на выборах, обеспечивали им более высокий процент в Советах, чем в составе населения. В крестьянских Советах рабочих было мало, но, находясь под постоянным прессингом вышестоящих органов власти, имевших вооруженную силу, эти Советы вынуждены были следовать их "рабочей" политике.

Довольно высокий первоначальный авторитет Советов в значительной степени снижал привлекательность для рабочих и крестьян идеи Учредительного собрания. Непримиримость же позиций партий меньшевиков, правых эсеров, с одной стороны, и большевиков – с другой, исключавшая компромиссы, предрешала судьбу Учредительного собрания еще до его открытия 5 января 1918 г.

Л.Д. Троцкий в воспоминаниях о Ленине писал, как незадолго до созыва Учредительного собрания к ним зашел Марк Натансон, старейший член ЦК левых эсеров, и с первых слов сказал: "А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой.

– Bravo! – воскликнул Ленин. – Что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?

– У нас некоторые колеблются, но я думаю, что в конце концов согласятся"⁵⁰.

На заседании большевистской фракции, предшествовавшем открытию Учредительного собрания, в прениях о порядке его работы было высказано мнение о возможности длительного существования собрания. На это, вспоминая позже Ф.Ф. Раскольников, Н.И. Бухарин воскликнул: "Не будем же мы здесь терять целую неделю. Самое большее – мы просидим три дня"⁵¹.

Роль матроса А. Железнякова и его крылатой фразы: "Караул

устал!" – была в общем-то символическая, не пришлось прибегать к прямому насилию, ибо учредилловцы не имели возможности оказать серьезное сопротивление⁵². Однако последствия разгона Учредительного собрания не были однозначными. Был нанесен новый удар по имевшимся еще в народе надеждам в отношении Собрания, еще более укрепились позиции Советов. Вместе с тем враждебные большевикам силы получили дополнительное идейное оружие в борьбе против Советской власти под лозунгом Учредительного собрания.

Существует мнение, что роспуск Учредительного собрания привел к гражданской войне, явился чуть ли не причиной ее. С этим нельзя согласиться. Во-первых, народные массы отнеслись к этому акту Советского правительства довольно индифферентно. Во-вторых, гражданская война, пусть локальная, уже шла: на Дону – восстание Каледина, на Урале – Дутова. Однако в дальнейшем, по мере того как улетучивалась эйфория в отношении новых властей, принимавших вызывавшие недовольство крестьян продовольственные и другие непопулярные меры, роспуск Учредительного собрания стал играть роль бумеранга, способствовал расширению и ужесточению гражданской войны, свержению Советской власти в ряде районов и созданию в них антибольшевистских правительств.

Роспуск Учредительного собрания стал заключительным аккордом большевистской политики разрыва с парламентаризмом. Он был логичным следствием классовых установок и планов большевиков. По их теории для движения к социализму общенациональный орган власти непригоден. В проекте декрета о роспуске Учредительного собрания Ленин утверждал, что "старый буржуазный парламентаризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества"⁵³.

Расправа с Учредительным собранием была неодобрительно встречена не только врагами революции, но и многими ее друзьями. Так, Роза Люксембург осенью 1918 г. в "Рукописи о русской революции" посчитала этот акт большевиков ошибочным: вместо "устаревшего", "мертворожденного" надо было тут же объявить выборы нового Учредительного собрания, рассматривая это учреждение как высшую форму представительной демократии, которую новая власть должна была использовать⁵⁴. Таким образом, она как бы повторила дооктябрьский план большевиков сочетания Советов с Учредительным собранием. Но победителям такой компромисс уже не был нужен. Сочувствовавший партии большевиков французский социалист Жак Садуль (в конце 1918 г. он стал коммунистом) на другой день после роспуска Учредительного собрания писал: "Советский режим более действенный, гораздо более глубоко народный, более способный удовлетворить чаяния масс, более живой и гибкий. Но у всех этих преимуществ есть своя обратная сторона. Советский режим предполагает, как мне кажется, относительно развитую политическую и социальную культуру рабочих и крестьян. При отсутствии такой необ-

ходимой подготовки он рискует еще легче, чем буржуазный парламентский режим, склониться или к анархии, или к тирании горстки людей"⁵⁵. Прошло немного времени, чтобы пророчество подтвердилось.

Большевики не имели ни теоретической, ни практической разработок проблемы организации власти и управления в "пролетарском" государстве. При соприкосновении с действительностью обнаруживалась нежизненность марксистских представлений о ней. Идея "отмирания государства" оказалась в полном противоречии с реалиями жизни: вместо старого государственного аппарата пришлось создавать такой же аппарат, хотя и отличный от прежнего по социально-классовой сущности, но с прежними функциями. Утопичной оказалась и идея об отказе от чиновничества. О поставленной Лениным цели: "Бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся по отбытии 8-часового урока производительной работы" – не пришлось и заикнуться. Во всех сферах государственной жизни сразу потребовались аппараты со штатными оплачиваемыми чиновниками, получившими, правда, другое название: "советские служащие". Однако "старые" чиновники "рабоче-крестьянской" власти служить не хотели, создавая ей тем самым немалые трудности.

В советской историографии о саботаже чиновников говорится только на основе документов и материалов, исходивших из большевистского лагеря. Приведу свидетельство другой стороны, князя В.Н. Оболенского, члена антисоветского Комитета спасения родины и революции, одного из организаторов саботажа. В его воспоминаниях "В омуте Октябрьской революции" читаем: "Большевики, еще не привыкшие управлять, оказались благодаря саботажу чиновников как бы без приводных ремней к управлению Россией, и это очень затрудняло их положение. Чиновники подчинялись им только под прямыми угрозами, старались во всех прочих случаях не исполнять их распоряжений и работая в подчинении властям Временного правительства (бывшим. – Е.Г.), а через них – Комитету спасения"⁵⁶. Большевикам оставалось положиться на "революционную самодеятельность масс". Но эта самодеятельность часто превращалась в анархию, что, в свою очередь, обостряло переживаемую страной разруху и голод. Пришлось повести борьбу на два фронта: против контрреволюции и против стихии самой революции. Ленин, вспоминая Л.Д. Троцкий, был "мрачно настроен" "У нас каша, а не диктатура", – говорил он летом 1918 г.⁵⁷

Иллюзии, будто рабочие и крестьяне могут сами справляться с задачами государственного управления, рассеивались, и Ленин выдвинул новый тезис: нельзя смешивать вопрос о политическом господстве, о власти и вопрос об управлении государством. "Господство рабочего класса в Конституции, собственности и в том, что именно мы двигаем дело, а управление – это другое дело, это дело уменья, дело сноровки"; "от того, что данный класс является передовым классом, он не делается сразу способным к управлению"; "для управления, для государственного устройства мы должны иметь людей, которые обладают техникой управления, которые имеют государственный и хозяйственный опыт..."⁵⁸ Требования жизни оказались сильнее аб-

страктных теоретических схем, их нельзя было игнорировать. Был взят курс на привлечение чиновников прежних ведомств, различных "буржуазных специалистов" в органы государственного и хозяйственного управления. А с этим был связан отход и от первоначального принципа: плата всем чиновникам "не выше средней платы хорошего рабочего".

Для калейдоскопа декретного творчества Совнаркома самое характерное – это прагматизм. Декреты штамповались на "злобу дня" по самым различным – вплоть до мелких малозначащих – вопросам⁵⁹. Как вспоминал Л.Д. Троцкий, "каждое заседание Совнаркома первого периода представляло собой картину величайшей законодательной импровизации"⁶⁰. Но импровизация и прагматизм в деятельности правительства имели ориентир – курс на "строительство социализма", определивший принятие декретов о рабочем контроле, национализации предприятий, создание коллективных хозяйств в деревне и др.

Под руководством Совнаркома создавался центральный аппарат управления государства – народные комиссариаты, они, в свою очередь, руководили созданием местных органов управления и направляли их деятельность. Процесс формирования основных управленческих ведомств довольно подробно прослежен в историографии⁶¹, в данной работе ограничусь лишь некоторыми вопросами, важными для понимания исходных рубежей советской политической системы. Большинство отраслевых наркоматов (земледелия, финансов, продовольствия, юстиции, просвещения, по иностранным делам, почт и телеграфов) имели те же сферы деятельности, что и прежние министерства, но по своей классовой направленности от них сильно отличались. Важнейшим из центральных ведомств формируемой политической системы был Наркомат внутренних дел. Сохранив правоохранные функции прежнего министерства, он стал осуществлять и функции административного управления, по руководству деятельностью местных Советов.

Первоначальные задачи НКВД были слишком разноплановы, некоторые из них вообще не отвечали основному его назначению: наряду с вопросами административного управления он должен был заниматься местными хозяйственными делами, статистикой, медицинскими вопросами и такими, которые скорее относились к компетенции комиссариата иностранных дел. Постепенно, однако, функции наркомата уточнялись, шло их размежевание с функциями других наркоматов*

Органами управления на местах стали исполнительные комитеты областных, губернских, уездных и волостных съездов Советов, а также городских Советов. Они являлись основой, стержнем, скреплявшим все местные управленческие ведомства. Исполкомам были переданы дела и технический аппарат прежних органов местного самоуправления – дум и земств, состоявших в основном из противников большевиков – кадетов, меньшевиков и эсеров⁶². Постановление о повсеместной ликви-

---

* Так, управление медицинской частью наркомата превратилось в самостоятельный Наркомат здравоохранения, ветеринарный отдел вошел в состав Наркомата земледелия, Центральный статистический комитет вошел в состав Центрального статистического управления.

дации этих демократично избранных в 1917 г. органов НКВД опубликовал 6 февраля 1918 г.⁶³ Для непосредственного руководства отраслями местной жизни в исполкомах создавались функциональные отделы. Первоначально они строились и именовались по принципу "кто во что горазд". Не было четкого разграничения функций отделов, что привело к путанице и неразберихе. В дальнейшем НКВД своими инструкциями внес единство и определенный порядок в структурах исполкомов, предложив исполкомам реорганизовать отделы, так как население "при наличии разнообразных отделов с различными функциями и наименованиями... не знает, куда обратиться с теми или иными запросами"⁶⁴. Наиболее важные политические и административные вопросы были в ведении отделов управления исполкомов губернских и уездных Советов (до апреля 1918 г. они существовали под разными наименованиями: отделы гражданские, административные, по внутренним делам). Они находились в двойном подчинении: центра (НКВД) и местного Совета. Экономические отделы исполкомов (земельный, финансовый, продовольствия, советы народного хозяйства) также были в двойном подчинении, руководствуясь инструкциями соответствующих экономических наркоматов и решениями Советов.

Особую роль в становлении советской политической системы сыграли карательный, правоохранительный аппарат и армия. Выше отмечалось, что отсутствие у большевиков каких-либо конкретных схем организации государства "диктатуры пролетариата" и утопизм имевшихся представлений на этот счет вынуждали решать все возникавшие вопросы, руководствуясь обстоятельствами данной ситуации и даже вопреки "теоретическим принципам". Так было и с проблемами защиты новой власти от внутренних и внешних враждебных сил. Они практически возникли с первых дней ее победы (наступление на Петроград войск Краснова–Керенского, восстания юнкеров в городе, саботажи чиновников и т.д.). Большевики сразу начали создавать специальные органы по борьбе со своими врагами. Первый из них – Петроградский Военно-революционный комитет. Он существовал недолго. 7 декабря 1917 г. Совнарком учредил Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), этим было положено начало формирования аппарата государственной безопасности. Ее председатель Ф.Э. Дзержинский вошел в состав Совнаркома, что подчеркивало значение, которое придавалось этому ведомству. В задачи ВЧК входило пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили; предание суду революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними; комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения. Предусматривались меры наказания: "...конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д."⁶⁵. О применении террора в постановлении Совнаркома ничего не говорилось. "...Террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять", – говорил Ленин

несколько ранее, 4 ноября 1917 г.⁶⁶ Этой надежде, однако, не суждено было сбыться. В дальнейшем террор стал одним из важнейших атрибутов власти большевиков, деятельности ВЧК.

Функции ВЧК декретом о ее создании были определены противоречиво. С одной стороны, комиссия должна была вести только предварительное расследование и передавать дела суду революционного трибунала, другими словами, правом вынесения приговора она не обладала; в то же время ВЧК наделялась "полномочиями наказания (конфискация, выдворение и т.д.)", т.е. функциями судебными. Этой противоречивостью декрета ВЧК пользовалась с самого начала своей деятельности: руководствуясь "классовым правосознанием", наказывала виновных и невиновных.

Уточняя функции ВЧК, Совнарком 31 января 1918 г. принял постановление, устанавливавшее определенную грань в деятельности ВЧК и судебных органов. "В Чрезвычайной комиссии, – говорилось в нем, – концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступления, все же дальнейшее ведение дел, ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется следственной комиссии при трибунале"⁶⁷. Однако разграничение функций пресечения и судебных не соблюдалось. Позже, в феврале 1919 г., на заседании ВЦИК Ф.Э. Дзержинский говорил: "Раньше мы не имели возможности судить так же, как и на войне и на фронте, это не суд, а борьба-война, поэтому Чрезвычайной комиссии и были предоставлены полномочия расправы, полномочия войны"⁶⁸. "Полномочия войны" имели крайне негативные последствия, позволив ВЧК стать бесконтрольной и совершать массовые ничем не оправданные репрессии. Все же до осени 1918 г., когда ВЧК стала орудием "красного террора", к высшей мере наказания – расстрелу она прибегала относительно нечасто. По данным члена коллегии ВЧК М.И. Лациса, за первую половину 1918 г. таких случаев насчитывалось 22⁶⁹.

Местные чрезвычайные комиссии развертывали деятельность, не имея четких законодательных норм своих полномочий. С одной стороны, они являлись звеном в структуре губернских и уездных исполкомов Советов, формировались исполкомами, с другой – находились в полном подчинении ВЧК, что давало им возможность все меньше считаться с исполкомами. Вскоре в центр стали поступать сигналы, что в эти органы проникло немало людей, воспользовавшихся большими правами ЧК в корыстных целях. Сообщалось о расстрелах без суда. Не "либеральничать" с противниками революции – это исходившее от ЦК РКП(б), Совнаркома, ВЧК, а также от местных органов РКП(б) требовании изначально формировало репрессивный настрой чекистов. Диапазон же понимания того, кого считать "противником революции", был широк и во много зависел от их политических и субъективно-нравственных качеств.

"Буржуазный" суд, согласно марксистским установкам, являлся частью "машин унетения" и подлежал, как и эта "машина" в целом, "слому". "Раскрепощенные" революцией рабочие по призыву большевиков в ряде городов самочинно распускали судебные учреждения и со-

здавали свои "пролетарские" суды, судившие, руководствуясь "классовым правосознанием" и "революционной совестью" Чтобы покончить с возникавшим разнобоем в организации судов и их деятельности, Совнарком 22 ноября 1917 г. утвердил декрет о суде⁷⁰ (в литературу он вошел как декрет № 1). Упразднилась вся старая судебная система, и вводились единые правила организации новой. Провозглашалось, что новый суд должен стоять на страже "революционного правопорядка", "революционной законности". В овевянное революционным романтизмом время слово "революционный" стало неизменной частью пропагандистской фразеологии, государственных актов, юридических понятий. Так появились и понятия "революционный правопорядок", "революционная законность", которые охраняют не общечеловеческие ("буржуазные"), а классовые интересы трудящихся.

Институт мировых судей заменялся выборными местными судами, состоявшими из судьи и двух сменяемых заседателей. Прежние мировые судьи (многие из них были демократически настроены) при изъявлении согласия могли быть избраны, как и другие судьи, не имевшие юридического образования, "на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно – районными и волостными, а где таковых нет, уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов"⁷¹. Однако "прямые демократические выборы" не проводились. С самого начала судьи повсюду избирались (назначались) Советами и им были подотчетны. Тем самым исключался принцип: "Суд независим, он подчиняется только закону". Прокуратуру декрет о суде вообще упразднил. Уже при обсуждении проекта декрета встал вопрос о необходимости дать указания, на каких законодательных основах должны будут действовать судебные органы. Было очевидно, что декретами нельзя сразу охватить все вопросы общественных отношений и в правовых нормах неизбежно будут пробелы. На этот счет имелись различные точки зрения. Как вспоминал нарком юстиции П.И. Стучка, одни считали нужным сначала издать новые законы, а потом создавать суды. Это было нереально, так как нельзя было сразу пересмотреть все 16 томов старого свода законов. Нельзя было и просто отбросить законы и жить вообще без законов⁷². Декрет о суде решил вопрос следующим образом: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат "революционной совести и революционному правосознанию"». А в примечании к этому пункту указывалось: "Отмененными признаются все законы, противоречащие декретам Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабочего и крестьянского правительства, а также программе-минимум Российской социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров"⁷³. По свидетельству наркома юстиции П.И. Стучки, ссылка на программу эсеров была внесена по предложению Ленина⁷⁴. Объяснить это можно тем, что на том этапе революции программа левых эсеров, ставших

правительственной партией, не противоречила “правосознанию крестьянства”. Декрет предоставлял судам право самим в каждом отдельном случае решать, что принять из прежних законов, что не противоречит “революционной совести и революционному правосознанию”, а что отвергнуто революцией. Тем самым перестали действовать законы, актуализировавшие выработанные веками правовые нормы. Это открывало простор для юридической самодеятельности нередко малограмотных назначаемых судей.

Нельзя согласиться с встречающимися в литературе, особенно в публицистике, утверждениями, что декрет предусматривал применение наказаний не за вину, а за принадлежность к чуждым революции классам. Нет, наказания должны были применяться только за вину, другое дело, что на практике это не соблюдалось. Классовая ненависть оказывала влияние на судебные решения: вершившие суд часто выносили приговоры не на основании доказанности преступления, а руководствуясь убеждением, что обвиняемый из нетрудящихся классов мог его совершить. Как позже признавал П.И. Стучка, встречались “дикие, несоразные решения”⁷⁵.

Дальнейшее развитие советской судебной системы до середины лета 1918 г. осуществлялось на основе ряда новых законодательных актов: декрета о суде № 2 (15 февраля)⁷⁶, декрета о суде № 3 (20 июля)⁷⁷, а также инструкции Наркомата юстиции “Об организации и действии местных народных судов” (23 июля)⁷⁸. Они несколько расширили демократические начала в судебном производстве: в судах всех инстанций допускалось “судоговорение” на всех местных языках, предусматривалось участие защиты в стадии предварительного следствия и в самом судебном следствии, в судебном заседании могли участвовать присутствующие представители общественности; правами судьи наделены и народные заседатели – они решали не только вопрос о виновности, но и о мерах наказания. Таким образом, законодательство создавало подсудимому возможности для защиты и предотвращения судебной ошибки. Однако практическая деятельность судов мало считалась с демократическими элементами, содержащимися в законодательстве. Тем более что декрет о суде № 3 внес существенную поправку: еще более политизируя эти органы, он особое внимание обращал на их “классовую чистоту”, судьями могли быть только те, кто имел право избирать и быть избранными в Советы, т.е. люди политически надежные.

Как свидетельствовал заместитель наркома юстиции Д.И. Курский, к середине июля 1918 г. новые суды функционировали на 2/3 территории Советской республики⁷⁹. Однако и там, где они были, их работа налаживалась с большими трудностями: сказывались недостаток или во многих местах полное отсутствие в судах людей, хоть немного знакомых с юриспруденцией. Осенью 1918 г. представитель НКВД, обследовавший Тульскую губернию, сообщал, что до конца августа, “когда для работы были приглашены работники с юридической подготовкой... в деле юстиции царили хаос и беспорядки”⁸⁰.

Местные суды рассматривали дела по сравнительно небольшим

общеуголовным и гражданским преступлениям. Для судопроизводства по обвинениям в контрреволюционных преступлениях, мародерстве, саботаже, злоупотреблениях торговцев, чиновников декретом о суде от 22 ноября 1917 г. учреждались особые суды – “рабочие и крестьянские революционные трибуналы”. Если в качестве местных судей допускалось избрание бывших мировых судей, то в ревтрибуналы они не допускались, а общедемократические выборы в эти учреждения исключались. Члены ревтрибуналов избирались губернскими или городскими Советами, что должно было обеспечить надежный в классовом отношении состав. Декрет Совнаркома от 4 мая 1918 г. сохранил ревтрибуналы только в крупных центрах. На них возлагались дополнительно дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, шпионажем; из их ведения изымались дела общеуголовного характера. Декрет предусматривал учреждение при трибуналах коллегий обвинителей, избираемых местными Советами, устанавливал, что законченное следствием дело предъявляется обвиняемому или его защитнику⁸¹.

Вначале предполагалось, что революционные трибуналы обойдутся без суровых наказаний. Принятое в конце ноября 1917 г. Наркоматом юстиции “Руководство для устройства Революционных трибуналов” перечисляло возможные наказания: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылка за границу. Смертная казнь не предусматривалась⁸². В первое время так и было, примером чего являются приговоры Петроградского трибунала, рассматривавшего дела графини С.В. Паниной и В.М. Пуришкевича. Панина, бывшая товарищем министра просвещения Временного правительства, обвинялась в использовании денег министерства на финансирование саботажников. Приговор гласил: общественное порицание. Пуришкевич, обвинявшийся в том, что он возглавлял подпольную контрреволюционную организацию, был приговорен к четырем годам общественных принудительных работ условно (через несколько месяцев он был освобожден по амнистии).

Касаясь учреждения революционных трибуналов, П.И. Стучка в январе 1918 г. писал, что это “институт переходного времени”, “его роль – первоначально более обличительная – может превратиться в весьма сурово карающую”⁸³. Прошло немного времени, и это “предвидение” оправдалось. По мере расширения гражданской войны все чаще ими выносился приговор – “к расстрелу”.

Для поддержания правопорядка на подведомственной территории исполкомы Советов формировали свою милицию. Организация ее с централизованным управлением и на штатной основе сначала не предполагалась – ведь по марксистской теории считалось, что охрана общественного порядка будет осуществляться “всеобщим вооружением народа” Однако действительность и в этом вопросе внесла существенную поправку, и НКВД, в чье ведение была передана милиция, приходил к признанию необходимости постоянной милиции. Законодательно это было воплощено лишь осенью 1918 г.

Не пришлось отказаться и от армии, заменив ее “вооруженным

народом”, как этого требовала марксистская теория. Придерживаясь ее догм, большевики исходили из того, что победившей социалистической революции (предполагалось, что она произойдет одновременно в основных капиталистических странах и серьезной военной опасности для нее уже не будет) армия не потребуется.

Основные вехи организации Красной Армии в исторической литературе исследованы довольно обстоятельно. Остановлюсь лишь на некоторых моментах важных для темы монографии.

В условиях продолжавшейся мировой войны и угрозы со стороны кайзеровских войск становилось все более очевидным: без армии не обойтись. По отношению к Военному министерству с самого начала – вопреки принципу “все буржуазные” управленческие ведомства тут же отдавать “на слом” – руководство большевиков пыталось проводить более гибкую политику. Нужно было удерживать фронт, для чего крайне важны были функции Военного министерства по снабжению находившейся еще в окопах старой армии и разработке военно-стратегических и оперативных планов. Этим объясняется то, что отдельные части этого министерства просуществовали дольше, чем в других министерствах, хотя противодействие новой власти методами саботажа с его стороны было не меньше. Привлекая работников министерства, направляя туда на службу офицеров, унтер-офицеров и солдат, верных Советской власти, большевики сумели частично использовать аппарат Военного министерства, ликвидируя его постепенно.

Между тем шли поиски путей, форм, методов создания армии “диктатуры пролетариата”, которая бы строилась на основе “классового принципа”. Принятый 15 января 1918 г. Совнаркомом декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии провозглашал, что она “явится оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе” Декрет, таким образом, еще не отбрасывал утопическую идею замены армии “всенародным вооружением”, но “замена” произойдет не сейчас, а “в ближайшем будущем”. К тому же он ориентировал Красную Армию не только на роль опоры Советской власти в России, но и на роль “интернациональной” силы для социалистических революций за пределами страны, в Европе. Армия, гласил декрет, “создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс”, готовых отдать жизнь “для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма”⁸⁴. Предполагалось формировать ее на основе добровольности, но уже вскоре обнаружилось, что добровольцев немного, наступление же германской армии в феврале 1918 г. вынудило поставить вопрос о создании массовой армии. Применительно к этой новой задаче строилась система военного управления (Высший военный совет, Высшая военная инспекция, Всероссийский главный штаб). Перестраивался и Наркомат по военным делам. Вместо “коллективного наркома” его возглавил единоличный нарком Л.Д. Троцкий.

Прагматизм Ленина, умевшего в минуты смертельной опасности

(впрочем, не только в такие минуты!) действовать вопреки им же провозглашенным лозунгам, “сработал” на пользу новой власти. Понимая, что “классовый принцип” в формировании управления рабоче-крестьянской армией в момент наступления прекрасно вооруженных и руководимых опытным командованием германских войск приведет к краху, он отступил от “принципа”, приглашая на командные должности бывших генералов, боевых офицеров. Многие из них, движимые патристическими чувствами, откликнулись, но отнюдь не из сочувствия революции (С.Г. Лукирский, В.М. Альтфатер, Н.И. Раттель, Н.А. Сулейман, А.А. Самойло, Ю.М. Тихменев и многие другие). Но “буржуазным” военным специалистам доверия не было, и для контроля за их деятельностью был введен институт военных комиссаров.

К лету структура управления Красной Армией была в основной своей части декретирована, а для обеспечения массовости армии добровольность службы в ней по постановлению Пятого Всероссийского съезда Советов была заменена обязательной воинской повинностью. Опять-таки вопреки “теории” создавалась армия, подчиненная не “массам”, а ее верхам, армия с твердой дисциплиной, с назначаемыми, а не выборными командирами.

На базе Советов и их исполкомов формировался и местный военный аппарат. После принятия Совнаркомом декрета об организации Красной Армии Народный комиссариат по военным делам приказом от 22 января 1918 г. распорядился создавать при Советах военные отделы. Но до апреля эта общая установка не получила конкретизации. 8 апреля 1918 г. Совнарком принял декрет о создании волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам⁸⁵. Их организация возлагалась на Советы. Излагались правила их комплектования, состав, соподчиненность. Военкоматы вели учет военно-обязанных, проводили мобилизацию в Красную Армию, военное обучение рабочих и крестьян, политико-просветительную работу в формируемых частях.

Организация военкоматов потребовала известного времени и сопровождалась многими трудностями, вызванными, в частности, тем, что в декрете Совнаркома не было четкого разграничения функций между местными гражданскими и военными властями. Это приводило к трениям, недоразумениям между ними. Инструктор НКВД, обследовавший летом 1918 г. работу Владимирского губисполкома, писал в своем докладе о разладе губисполкома с губернским военным комиссаром. Комиссару пришлось разъяснить, что он не должен вторгаться в область гражданского управления⁸⁶. Было и другое. Местные советские власти вмешивались в деятельность военкоматов без учета их прав, функций и полномочий. В сводке важнейших политических событий в июле 1918 г., поступившей на имя московского окружного военкома Н.И. Муралова, читаем: в Мстиславском уезде Могилевской губернии происходят трения между военными комиссариатами, исполкомами и ЧК, которые вмешиваются в дела военкоматов, требуют отчетов от них и даже смещают военных комиссаров⁸⁷. На совещании губернских военных комиссаров Ярославского военного округа в сентябре 1918 г.

докладчик М.В. Фрунзе говорил о неоднократных вмешательствах ЧК в работу военных комиссариатов, “нарушающих нормальный ход работ военных учреждений”⁸⁸.

Как бы то ни было, к середине года местный военный аппарат в основном был сформирован и функционировал на всей советской территории. Это явилось важной предпосылкой перехода от добровольчества ко всеобщей воинской повинности. Создание массовой регулярной армии было одним из важнейших условий, обеспечивших большевикам конечный успех в грядущих кровавых сражениях гражданской войны.

Итак, вместо того чтобы согласно марксистской догме “начать отмирать”, сложилось государство с четкой тенденцией к его укреплению и усилению властных структур. Обуреваемые революционным пафосом, лидеры большевиков разрушили старый аппарат насилия и создали, как им казалось, совершенно новый. Но это им только казалось. Их аппарат приобрел все основные атрибуты старого (“буржуазного”), хотя и в специфической “пролетарско-классовой” форме. В дальнейшем И.В. Сталиным положено об “отмирании пролетарского государства” было дополнено и “развито”: путь к “отмиранию” идет через всемерное укрепление Советского государства, что объявлялось соответствующим закону диалектики “отрицанием отрицания”

Наряду с административно-политической частью советской политической системы закладывались первые кирпичи в ее экономические основы. Действия большевиков, относившиеся к экономике, исходили из двух главных идей. Первая – на пути к социализму “пролетарское” государство должно сосредоточить в своих руках базисные отрасли народного хозяйства, прежде всего промышленность, ибо социализм – это общество, основанное на монополии государственной собственности. Она отождествлялась с общенародной собственностью, принадлежащей “самим трудящимся”. В действительности, как показала история, такой собственностью распоряжается государственный аппарат, сами же трудящиеся от нее отделены. Вторая идея, тесно связанная с первой, – государство осуществляет планирование всего народного хозяйства, так как “подлинное” социалистическое хозяйство может быть только плановым и в соответствии с планами распределяет все и вся. Эти две идеи отражал декрет Совнаркома от 2 декабря 1917 г. о создании Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) в качестве центрального экономического органа государства “диктатуры пролетариата”.

Согласно декрету, задачами ВСНХ являлись организация народного хозяйства и финансов, выработка общих норм и планов регулирования экономической жизни страны, объединение деятельности экономических наркоматов (торговли и промышленности, продовольствия, финансов) и местных регулирующих хозяйств учреждений⁸⁹. Он охватывал своей деятельностью все сферы хозяйственной жизни страны: промышленность, транспорт, продовольственное дело, внешнюю торговлю, налоговые вопросы.

Подразделения аппарата ВСНХ (отделы, секции) сначала руково-

дили группами отраслей промышленности. По мере расширения начавшегося процесса национализации в его составе создавались новые органы – главные (центральные) комитеты для регулирования деятельности отдельных отраслей промышленности. Первые главки возникали обычно на базе дореволюционных органов регулирования промышленности, и обычно для работы в них привлекались представители частного капитала. Однако не менее 2/3 мест в руководящих органах главков принадлежали представителям местных советов народного хозяйства и профсоюзов.

Экономика страны была многоукладной. Новый, считавшийся социалистическим общественно-экономический уклад образовался в результате национализации предприятий. Ему уделялось главное внимание. ВСНХ и его местные органы (совнархозы) непосредственно управляли национализированными фабриками и заводами. Частную же промышленность они должны были регулировать и контролировать. Наряду с национализацией предприятий государство через систему совнархозов брало на учет сырье, материалы, топливо, осуществляло снабжение и распределение готовой продукции.

Так приступили к созданию государственного политического и экономического аппарата для реализации замыслов большевиков по переводу страны на социалистический путь. Ленин считал, что Советское государство с самого начала являлось социалистическим по направленности социально-экономического и политического развития. На Третьем Всероссийском съезде Советов он утверждал: “У нас уже осуществлена социалистическая республика Советов”, это же читаем и в его первоначальном варианте статьи “Очередные задачи Советской власти”: “Советская республика является социалистической республикой”⁹⁰ Основанием для такого утверждения служили постулаты: первый – в результате начавшейся национализации промышленности экономической основой страны становится государственная собственность, второй – условием социалистического развития является государство “диктатуры пролетариата”, направляемое большевистской партией. Такое государство создано, следовательно, путь к социализму открыт.

НА ПУТИ К ОДНОПАРТИЙНОЙ ДИКТАТУРЕ⁹¹

С самого начала формирования советской политической системы ее составной частью стала большевистская партия.

Большевики утверждали, что их партия призвана осуществлять руководство Советским государством. Но в чем должно состоять это руководство, у партии ясности не было. Сила оказалась в их руках – отряды Красной гвардии, революционные солдаты и матросы. Партия была организована во всероссийском масштабе, ее ячейки имелись на заводах и фабриках, в Советах, профсоюзах, во многих сельских местностях; строго централизованная, воспитанная в духе жесткой дисциплины, она традиционно уповала на силу, с помощью которой благодетельствует трудящихся созданием социалистического общества.

Все это привело к тому, что понятие “руководство” большевики отождествили с понятием “власть”. А чтобы ее осуществлять, требовалось овладеть государственным механизмом. И во главе всех государственных структур власти и управления ставились коммунисты. Так практически решалась проблема “партия и Советы”, возникшая у большевиков еще в революции 1905 г. Тогда в газете ЦК РСДРП “Новая жизнь” (№ 5) была опубликована статья, в которой партия рассматривалась как альтернатива Советам рабочих депутатов. Откликаясь на эту статью, Ленин писал: нужны и Советы и партия. Вопрос только в том, как разделить и как соединить задачи этих разных организаций. Он считал нецелесообразным, чтобы Совет всецело примыкал к одной какой-либо партии⁹², задачи у них разные.

Политически актуальным вопрос о взаимоотношениях “партии пролетариата” с Советами стал после Февральской революции. Вскоре большевики заявили, что, добившись большинства в Советах, они возьмут на себя руководство государством. Выше упоминалось заявление Ленина на Первом Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 г.: “Наша партия готова взять власть целиком”. Вряд ли он имел в виду готовность партии самой выполнять государственные функции. Ведь от государственной власти Советов Ленин не отказывался, более того, он продолжал настаивать на переходе власти к Советам. Скорее это заявление означало, что партия готова возглавить государство с тем, чтобы оно осуществляло ее социалистическую программу. И после Октябрьского переворота, в январе 1918 г., Ленин считал, что Советская власть “выше партий”. “Она создалась ни по чьему-либо декрету, ни по постановлению какой-либо партии”⁹³. Признание важное, но не отражавшее практику. К политическому влиянию, приобретенному партией большевиков на протяжении 1917 г., прибавились ключевые позиции в разветвленном государственном аппарате, ими она широко пользовалась. Падение прежней единой власти в стране, слабость и распыленность формируемой Советской власти благоприятствовали стремлению большевиков к политическому господству. В той ситуации централизованная, организованная в масштабах страны партия начала себя проявлять в качестве властной силы, способствующей предотвращению распада страны и укреплению государственности на основе ее “советизации”.

При назначении коммунистов на основные государственные посты власти и управления мало считались с их деловыми качествами, уровнем культуры и образования. Для правящей партии главным была политическая благонадежность. Тогда даже считалось, что работа в государственном аппарате и есть партийная работа. А.Ф. Ильин-Женевский, активный участник революции, в 1929 г. вспоминал: «Я, как сейчас, помню, что в многочисленных анкетах, которые мне приходилось заполнять, в графе “какие партийные обязанности вы несете”, я насколько не задумываясь, писал: “Управляющий делами комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны”»⁹⁴.

Переход основных партийных сил в государственный аппарат создал кризисную ситуацию в самой партии большевиков. Руководящая

работа в аппарате сулила материальные преимущества, и за нее ухватились все, кто только смог. Это вызывало конфликты среди коммунистов. Приведу выдержки из майских (1918 г.) документов ЦК РКП(б): “Мы переживаем крайне острый, критический период. Острота усугубляется... нашим внутривластным состоянием. В силу ухода массы ответственных партийных работников в деятельность советскую, значительного сближения партийной работы с советской, благодаря наплыву в нашу партию широких масс, недавно лишь в нее вошедших, стройность и дисциплинированность наших организаций сильно нарушена”⁹⁵. “Участились случаи внутренних конфликтов в наших партийных организациях. Нередки конфликты между партийными организациями и фракциями нашей партии в Советах и исполнительных комитетах. Стройность и цельность партийного аппарата нарушены... Общий упадок партийной работы, распад в организациях безусловны...”⁹⁶

Владея государственными структурами “диктатуры пролетариата”, используя репрессивные чекистские органы, материальные средства государства, еще не иссякший революционный энтузиазм известной части рабочего класса, партия сумела “кнутом и пряником” добиться на некоторое время единства своих организаций. Вместе с тем пользование по своему усмотрению властными государственными структурами формировало убеждение: партия и есть государственная власть. Это входило в терминологию партийных документов, партийной пропаганды. Так, в циркулярном письме ЦК РКП(б) всем членам партии от 18 мая 1918 г. читаем: “После победы в Октябре государственная власть перешла к истинным представителям рабочего класса – к нашей партии”⁹⁷. А в циркулярном письме ЦК от 29 мая уже прямо признавалось верховенство партии: “Наша партия стоит во главе Советской власти. Декреты, мероприятия Советской власти исходят от нашей партии”⁹⁸. Осенью 1918 г. секретарь ЦК Я.М. Свердлов констатировал: тенденция к утверждению коммунистов как власти на местах “намечается всюду”⁹⁹. Большевики стали осуществлять функции, не свойственные политической партии. Идеология партии превращалась в государственную идеологию, государство ею руководствовалось и всеми своими средствами внедряло ее в народные массы.

Превратившись в важнейшую часть формирующейся политической системы, в ее стеновой хребет, партия большевиков сразу же столкнулась с проблемой взаимоотношений с другими партиями.

Многопартийность оставалась, и большевики не ставили вопроса о ее ликвидации. Об этом, в частности, свидетельствует опубликованное в “Правде” 7 ноября 1917 г. заявление ЦК РСДРП(б), в котором говорилось: “Переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен без всякой революции, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов в Советы”. Эту же мысль содержал “Декрет о праве отзыва делегатов”, принятый ВЦИК 21 ноября 1917 г.: во все представительные учреждения выборы производятся от партий на основе пропорциональной системы¹⁰⁰. И не об этом ли говорят слова Ленина, сказанные в январе 1918 г. на

Чрезвычайном всероссийском железнодорожном съезде: Советская власть “дает возможность трудящимся, если они недовольны своей партией, переизбрать своих делегатов, передать власть другой партии и переменить правительство”¹⁰¹. К этим словам можно относиться как угодно, можно ставить под сомнение искренность Ленина, но сам факт публичного заявления о возможности существования и после революции других партий и политических подвижек власти путем мирной борьбы партий отрицать нельзя.

Ряд историков придерживаются другого мнения. Так, американский ученый Ричард Пайпс считает, что большевики, придя к власти, осуществляли заранее намеченную цель – создать однопартийное государство. Однопартийность была большевиками заранее запрограммирована¹⁰².

Фактов, оснований для категорического утверждения об изначальном наличии у большевиков таких планов, нет. До Октябрьского переворота вопрос, будет ли “пролетарское” государство однопартийным или многопартийным, вообще не вставал, он был бы просто нонсенсом в условиях 1917 г., когда на демократических основах политической борьбы сталкивались десятки самых разных партий от крайне правых, реакционных до крайне левореволюционных¹⁰³. Тогда у партии большевиков претензий на то, чтобы оставаться в единственном числе, не было, как не было и намерений не допустить в будущие органы власти представителей других партий. Ведь на протяжении 1917 г. большевики именно многопартийные Советы призывали взять власть в свои руки. Сошлюсь на свидетельства даже такого противника большевиков, как видный меньшевик Д. Далин. Уже будучи в эмиграции, он писал: «Власть без эсеров и меньшевиков (левых эсеров серьезно в счет не брали) раньше, до 1917 года, не входила в планы большевизма, а в начале 1917 года “власть Советов” представлялась как политическая власть революционных партий, имевших за собой большинство в стране»¹⁰⁴. Думается, что американский историк А. Рабинович прав, утверждая: “За весь период между Февралем и Октябрем возможность установления однопартийного правления ни разу не обсуждалась всерьез и даже не проговаривалась большевиками”¹⁰⁵. Уже потом, в советское время, партия “вооружилась” догмой, что в государстве “диктатуры пролетариата” может быть только одна, причем правящая коммунистическая партия. Шло это от Сталина¹⁰⁶.

По моему мнению, дело было не в запланированности ликвидации небольшевистских партий, а в самом характере большевизма, его идеологов, в их крайней авторитарности, нетерпимости и непримиримости к иным идеологиям и партиям, даже к партиям социалистической ориентации. (Это характерная черта и личности их вождя: любое другое мнение вело его к разрыву даже с друзьями.) Насильственный же Октябрьский переворот сделал примирение вообще невозможным, разделил их непреодолимой преградой. Приход большевиков к власти predetermined судьбу других партий. Однако если отношение большевиков к буржуазным партиям, точнее, к кадетам было однозначным, даже мысль о возможности каких-то компромиссов с ними исключалась,

то вопрос об отношении к социалистическим партиям был не так прост и категоричен. Среди самих большевиков он вызывал споры, разногласия. Достаточно сослаться на горячие дебаты после их прихода к власти: можно ли допустить к участию в Советском правительстве мелкобуржуазные партии (“мелкобуржуазными” считались все небольшие шевистские социалистические партии). Как известно, по вопросу о так называемом “однородно-социалистическом правительстве” позиции Ленина, большинства ЦК и нескольких членов руководства, готовых было пойти на компромисс, были непримиримы. По этому и другим вопросам, особенно об Учредительном собрании, конфронтация между большевиками и большинством социалистических партий все больше накалялась. Можно назвать и многие другие конкретные поводы взаимных резких обвинений, взаимной озлобленности, но в основе всего были противоположные оценки характера и перспектив революции, неприятие небольшевистскими партиями идеи “диктатуры пролетариата”.

Только по отношению к левым эсерам сделано было исключение, поскольку они обязались выполнять решения Второго Всероссийского съезда Советов. С ними был образован правительственный блок, и они разделили с большевиками на некоторое время власть в стране. По этому поводу историк из США Ю.Г. Фельштинский правильно, на мой взгляд, заметил, что союз большевиков с партией левых эсеров, “шедший наперекор самой природе большевизма, не мог существовать долго”¹⁰⁷. К этому надо лишь добавить, что этот союз шел наперекор и природе левых эсеров.

В марте 1918 г. недовольные подписанием Брестского мира левые эсеры вышли из правительства. Характерна констатация обвинительного заключения суда о левозероковом путче в июле 1918 г.: “Своим выходом из правительства партия левых эсеров избавила правительство от лишнего баласта, тормозившего его деятельность, но, однако, еще не перешла все же открыто в лагерь его врагов”¹⁰⁸. Левые эсеры оставались во ВЦИК, в ВЧК и местных органах власти. Имеются сведения о попытке ЦК РКП(б) к продолжению сотрудничества с ЦК левых эсеров. По решению ЦК РКП(б) Я.М. Свердлов в начале апреля 1918 г. вел переговоры с М.А. Спиридоновой и П.П. Прошьяном на предмет вступления последнего в Высший Военный Совет Республики на следующих условиях: “Полная лояльность по отношению к Брестскому договору, подчинение общим решениям и в случае больших разногласий выход из Высшего Военного Совета без какой-либо политической демонстрации”. Условия были приняты, и П.П. Прошьян вошел в состав ВВС¹⁰⁹. До лета 1918 г. левые эсеры имели во многих Советах крупные фракции – до 20–30% всех депутатов, а в некоторых представительство было еще выше, например, в Тверском губисполкоме оно достигало 35%, Орловском – 38, Рязанском – 48%. На Петроградском губернном съезде Советов в апреле 1918 г. левых эсеров было свыше 40%, Псковском – около 30, на Симбирском в мае – около 50, на Пятом Всероссийском съезде Советов – почти 31%¹¹⁰. Левые эсеры вместе с большевиками и максималистами участвовали в работе комиссии по выработке Конституции РСФСР, образованной под

председательством Я.М. Свердлова на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 г. Численность партии росла. Летом она достигла примерно 80–100 тыс. членов¹¹¹.

Имея в своем распоряжении все государственные структуры и считая себя подлинной властью, партийные организации коммунистов широко ими пользовались в межпартийной политической борьбе. Жалобы на притеснения, а то и произвол местных комячеек и руководимых ими государственных органов потоком поступали в центральные органы меньшевистских партий, последние, в свою очередь, жаловались в ЦК РКП(б), во ВЦИК, в Совнарком. Любая критика со стороны этих партий большевиков и действий советских властей воспринималась критикуемыми как выпады классовых врагов, рассчитанные на оказание помощи белогвардейцам. Но меньшевики, правые эсеры и др. не только критиковали, они и открыто выступали вместе с контрреволюционными силами. И “диктатура пролетариата” обращалась с ними как с врагами, производились аресты, запрещалась печать.

На меньшевиков и эсеров обрушивалась массивная большевистская и советская пропаганда. В этих условиях авторитет, влияние в массах эти партии все больше теряли, их представительство в Советах таяло, а численность членов партий непрерывно сокращалась. Удары по меньшевистским партиям начались сразу же после победы восстания в Петрограде – 27 октября Петроградский ВРК закрыл буржуазные газеты за опубликование воззваний бывшего Временного правительства и генерала Духонина: “Речь”, “Новое время”, “Вечернее время”, “Русская воля”, “Биржевые новости”, “Народная правда”¹¹². В тот же день последовал декрет Совнаркома “О печати”, который узаконил закрытие “желтой и зеленой” прессы, призывающей к “открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству”, сеющей “смуту путем явно клеветнического извращения фактов”, “призывающей к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого, характера”¹¹³. Декрет был расценен не только противобольшевистскими партиями, но и многими большевиками как нарушение свободы печати – одного из их программных требований. На основании декрета о печати Петроградский ВРК произвел новые закрытия газет (“Современное слово”, “Петроградский листок”, “Петроградская газета” и др.)¹¹⁴. 28 января 1918 г. Совнарком принял декрет о Революционном трибунале печати, ведению которого подлежали “преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати”¹¹⁵.

Первой законом была запрещена партия кадетов, объявленная 28 ноября партией врагов народа¹¹⁶. Она перешла на нелегальное положение. Что касается меньшевиков и правых эсеров, то, хотя они и заняли в дни Октябрьского переворота позиции по другую сторону баррикад, все же эти партии продолжали существовать легально, издавали свою печать, сохранили свои партийные структуры. Следует учитывать неоднородность этих партий, отсутствие в них единства. Так, правое крыло меньшевиков (“потресовцы”) не исключало вооруженной борьбы против большевиков, поддерживало контакты с антисоветским

Комитетом спасения родины и революции. Часть “центра” с Ф.И. Даном во главе и левое крыло (меньшевики-интернационалисты), руководимое Ю.О. Мартовым, высказывались за компромисс с большевиками, но только на основе создания единой революционной власти – от народных социалистов до большевиков – и отказа от проведения социалистической программы. На Чрезвычайном съезде партии меньшевиков в начале декабря 1917 г. видный член партии О.А. Ерманский признал, что меньшевиков-интернационалистов связывает с правым крылом “только отрицание большевизма”¹¹⁷.

Официально ЦК меньшевиков был противником вооруженной борьбы против Советской власти. В мае 1918 г. Всероссийское партийное совещание РСДРП отвергло всякое вмешательство союзных держав в дела страны. ЦК пытался занять “среднюю” позицию между созданным в Самаре Комучем и Советской властью. Однако непоследовательность этой позиции и отсутствие единства в партии позволяли сторонникам “решительной и бескомпромиссной борьбы с большевиками” активно выступать против Советской власти совместно с другими ее противниками. Оставаясь в рамках одной партии, они входили в антибольшевистские правительстве (Самара, Омск, Екатеринбург). Большевики оценивали деятельность партии в целом как направленная на дискредитацию и подрыв Советской власти.

Еще более враждебны Советской власти, господству большевиков были правые эсеры. Их партия взяла курс на вооруженную борьбу с первых дней Октябрьского переворота, для чего создавала военную организацию. Велись переговоры с представителями союзников в России о военной помощи. В расчете на интервенцию строились планы правых эсеров.

В советской историографии враждебность небольшевистских демократических партий к Октябрьской революции длительное время объяснялась главным образом субъективными факторами, личностными качествами их лидеров, которые предстают перед читателями людьми недалекими, недаленовидными, не понимающими сути происходящих процессов классовой борьбы, руководствующимися догматическими представлениями и личными амбициями. В действительности среди этих лидеров было немало крупных политических деятелей, людей талантливых. Вспомним хотя бы такую выдающуюся личность, как Г.В. Плеханов. Дело было, конечно, не в личных качествах, а в объективных процессах развития революции в России – мелкобуржуазной стране, перед которой стояли задачи буржуазно-демократического характера. Отсюда и неизбежность неприятия социалистической революции небольшевистскими партиями, позиции которых выражали их лидеры.

Отказываясь признать Советскую власть приступившей к реализации политики большевиков, эти партии, однако, продолжали иметь своих представителей в органах власти. Так, меньшевики на выборах в Советы весной 1918 г. провели 45 депутатов в Москве, 225 – в Харькове, 120 – в Екатеринославе, 78 – в Кременчуге, 45 – в Туле, десятки депутатов в Самаре, Брянске, Иркутске и др. городах¹¹⁸. В советском аппарате, особенно в провинции, меньшевики нередко занимали видные

посты. Нуждаясь в грамотных исполнителях, советские власти допускали меньшевиков, эсеров и др. на неответственные должности. Со своей стороны ЦК меньшевиков, не отвергая участия в советских учреждениях, 24 апреля 1918 г. заявил в своей резолюции: “Недопустимо принятие по назначению должностей, связанных с ответственностью за общее направление политики большевистской власти, в центре и на местах”¹¹⁹.

Опираясь на государственный аппарат, большевики систематически подавляли своих социалистических оппонентов. Закрывалась печать этих партий. В мае–июне 1918 г. ЦК меньшевиков передал за границу такие сведения: «Почти везде закрыты наши газеты. Центральные наши органы в Петербурге и Москве (“Новый Луч” и “Вперед”) закрыты, в Москве мы можем издавать лишь “частную” газету (“Наш голос”). В провинции газеты сохранились в 5–6 более глухих углах». Далее сообщалось об арестах за “контрреволюционную деятельность”, “за агитацию против советской власти”, о забастовках рабочих в ряде городов в связи с репрессиями¹²⁰.

14 июня 1918 г. ВЦИК исключил из своего состава представителей партий эсеров (правых и центра) и меньшевиков. Во второй половине 1918 г. они были выведены из многих местных Советов, хотя сами эти партии формально оставались легальными.

При голосовании постановления на заседании ВЦИК левые эсеры воздержались. Как можно исключать людей, избранных Всероссийским съездом Советов? – возмущались они. Происходило это в обстановке надвигающегося голода, ухудшения отношения большевиков с крестьянством в связи с введением продовольственной диктатуры. Левые эсеры выступали против нее. Ситуация еще обострялась несогласием левых эсеров с Брестским миром. После принятия в июне 1918 г. правительственного декрета об организации комитетов бедноты левые эсеры перешли к прямым вооруженным действиям. Рассчитывая сорвать Брестский мир, они убили германского посла графа Мирбаха. В тот же день, 6 июля, подняли восстание в Москве*.

Проходивший в те дни Пятый Всероссийский съезд Советов постановил исключить из Советов тех левых эсеров, которые солидарны с ЦК, поднявшим восстание. В правительственном сообщении гневно обличалась “подлая измена вчерашних союзников”, пытавшихся втянуть рабочий класс в губительную для него авантюру. 13 человек из числа зачинщиков были посажены на гауптвахту в Кремле. Совнарком создал специальную следственную комиссию во главе с наркомом юстиции П. Стучка. По делу были допрошены 650 человек, затем все материалы переданы в Ревтрибунал ВЦИК. Приговор, вынесенный лидерам левых эсеров, не был жесток: по три года заключения в

* После его подавления М.А. Спиридонова и другие лидеры левых эсеров утверждали, что это был не мятеж, а “самозащита” от расправы за убийство Мирбаха (см.: *Спиридонова М.* Открытое письмо Центральному Комитету партии большевиков // *Горизонт.* 1990. № 5. С. 63). Эта версия воспринята некоторыми авторами. См.: *Фельштинский Ю.* Большевики и левые эсеры; *Голованов В.* Сорванный урок // *Лит. газ.* 1990. 18 июля.

тюрьму П. Прошьяну, убийце германского посла Я. Блюмкину, Б. Камкову и др. (всего 11 человек); год – Ю. Саблину и М. Спиридоновой (через два дня этих двоих, “принимая во внимание их прежние заслуги перед революцией”, амнистировали)¹²¹.

Июльское восстание и последовавшие за ним репрессии привели партию левых эсеров к катастрофе – часть левых эсеров выходила из партии. Многие их организации отмежевались от своего Центрального комитета. Осенью 1918 г. из отколовшихся левоэсеровских организаций образовались новые партии: революционных коммунистов и народников-коммунистов, объявивших о поддержке Советской власти и желании сотрудничать с Коммунистической партией. “Мы расплзаемся по швам”, становясь “своеобразной партией кадетов с бомбой”, – говорили некоторые деятели самой партии левых эсеров. Партия, однако, не была запрещена. За теми, кто не разделял мятежных действий своего ЦК, признавалось право участия в Советах. “Считаем, – говорил Я.М. Свердлов, – такую работу вполне возможной и желательной”¹²².

В статье “Памяти тов. Прошьяна” в декабре 1918 г. Ленин писал: “А все же так Прошьяну довелось до июля 1918 года больше сделать для укрепления Советской власти, чем с июля 1918 года для ее подрыва”¹²³. По этому поводу итальянский ученый Д. Боффа справедливо замечает: эту оценку можно распространить “на всю партию левых эсеров в целом”¹²⁴.

В разрыве двух партий была “виновата” нетерпимость и большевиков и левых эсеров. Закат левоэсеровской партии негативно сказался и на партии большевиков – она осталась одна как советская партия. К тому же она потеряла известную опору в деревне, которую ей создавали левые эсеры, еще пользовавшиеся в ней влиянием.

Другие немногочисленные партии, такие, как эсеры-максималисты, анархисты, социал-демократы интернационалисты, занимали по отношению к Советской власти лояльные позиции, однако серьезным авторитетом в массах не пользовались, их представители довольно редко избирались в Советы.

Лидер немецких социал-демократов К. Каутский в брошюре “Диктатура пролетариата” резко критиковал большевиков за несоблюдение элементарных демократических свобод, в частности “охраны прав оппозиционного меньшинства”. “В боях за политические права, – писал он, – возникает современная демократия, зреет пролетариат, вместе с тем возникает новый фактор: охрана меньшинства, оппозиции в государстве. Демократия означает господство большинства. Но не в меньшей мере она означает охрану меньшинства”¹²⁵.

Конечно, абстрактная постановка Каутским вопроса об “охране прав меньшинства” без учета исторической ситуации не могла не вызвать возражение. Но в этом вопросе была и другая сторона, которую большевики не видели, вернее, не хотели видеть: во многом критика в их адрес “оппозиционного меньшинства” – других еще оставшихся партий – была справедлива. По мере отождествления РКП(б) с государством все меньше оставалось пространства для оппозиционных сил.

Известно, “испытание властью” – самое тяжелое испытание. Уже в 1918 г. М. Горький заметил, что Ленин и Троцкий “отравились властью”¹²⁶. Это же можно было сказать о руководстве большевистской партии в целом. “Яд власти” делал его уверенным в своей непогрешимости и предназначенности к тому, чтобы любыми средствами привести рабочий класс в “светлое будущее”, сметая на пути к нему всех несогласных следовать за его “авангардом”.

Имеющееся в историографии и публицистике мнение, что однопартийность в Советской России установилась уже к июлю 1918 г.¹²⁷, строго говоря, не отвечает исторической действительности. Но значительный отрезок пути к однопартийной диктатуре большевиков к тому времени был пройден.

ПРОФСОЮЗЫ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В процессе складывания советской политической системы массовые организации рабочего класса – профессиональные союзы превратились в составную часть этой системы. Как это случилось – один из аспектов монографии.

До Февральской революции профсоюзы были гонимыми организациями, они возникали, разгонялись, вновь возникали. После свержения царизма начался бурный их рост, и к моменту Октябрьского переворота они насчитывали до 3 млн членов¹²⁸. Наиболее крупными были профсоюзы металлистов и текстильщиков.

Профсоюзы объединяли людей самых различных политических убеждений: большевиков, меньшевиков, эсеров, анархистов, беспартийных рабочих и служащих, далеких от политики. В них шла острая идейно-политическая борьба, особенно между большевиками и меньшевиками, за влияние в этих организациях. Эта борьба, начавшаяся с момента образования профсоюзов, продолжалась вплоть до полной монополизации политической жизни в стране большевистской партией и ликвидации ее политических противников¹²⁹.

Один из вопросов разногласий большевиков и меньшевиков: быть ли профсоюзам нейтральными в межпартийной борьбе и независимыми от партий. Большевики выступали против нейтральности, независимости профсоюзов, имея целью повести их за собой на социалистическую революцию. Меньшевики же отстаивали нейтральность, независимость (они эти понятия отождествляли) профсоюзов, поскольку победа буржуазно-демократической революции была для них концом революционного движения, профсоюзам же следовало ограничиваться экономическими требованиями, борьбой за улучшение экономического положения рабочих. К осени большевикам удалось “завоевать” ряд крупных профессиональных союзов страны, в том числе металлистов, текстильщиков, они стали активными участниками Октябрьской революции.

С первых дней установления Советской власти перед профсоюзами встали вопросы об отношении к ней, к новому государству, о взаимоотношениях с партией большевиков, превратившейся в правящую.

Большинство профсоюзов поддержали Октябрьский переворот. Но позиции меньшевиков в профсоюзном движении оставались довольно прочные. Под их полным влиянием находились союзы печатников, железнодорожников, химиков, торгово-промышленных служащих, которые принимали решения, резолюции в отношении происходящих событий, сформулированные меньшевистским руководством. Такова, например, резолюция правления петроградского Союза рабочих печатного дела, принятая 30 октября 1917 г.: она “1) требует немедленного прекращения братоубийственной бойни; 2) требует от Военно-революционного комитета немедленного восстановления свободы печати; 3) требует, чтобы все социалистические партии пришли к соглашению относительно организации власти и 4) заявляет, что в случае невыполнения настоящих требований он употребит все имеющиеся в его распоряжении средства для давления на стороны”¹³⁰. Меньшевики наставляли на нейтральности профсоюзов к Советской власти, считая нейтральность условием их самостоятельности. Всероссийское совещание меньшевиков, состоявшееся в мае 1918 г., предлагало: “Сохраняя единство профессионального движения, внутри профессиональных организаций противостоять извращению его задач и превращению союзов в хозяйственные органы Советской власти, отстаивая... их полную независимость от какой бы то ни было власти”, создавать внутри профсоюзов “непартийные группы единства и независимости профессионального движения”¹³¹.

Идея “нейтральности” и “самостоятельности” профсоюзов отвечала настроениям значительных рабочих масс, большевики же ее решительно отвергали, квалифицируя как контрреволюционную, рассчитанную на то, чтобы не дать профсоюзам стать опорой Советской власти, большевиков. Так оценивалась эта идея и советской историографией.

В условиях первых месяцев победившей революции, когда многие звенья старого государственного аппарата саботировали или не отвечали по своей социально-классовой сущности ее задачам, новой власти необходима была не просто поддержка массовых организаций трудящихся, но их прямое активное участие в государственном строительстве своим аппаратом, своими кадрами. Привлечь к этому профессиональные союзы большевики были крайне заинтересованы. Меньшевики же считали, что участие профсоюзов в большевистском эксперименте “социалистического строительства” приведет к дезорганизации и развалу самих этих организаций. Профсоюзы, утверждали они, должны быть независимы от партии, от государства, должны сохранять нейтральность в политической борьбе. И при Советской власти задачи этих организаций сводятся к защите экономических интересов рабочих, заботе об улучшении их материального положения.

Взгляды меньшевиков по этим вопросам встречали сочувствие в профсоюзном движении. Дело в том, что в профсоюзах, как уже отмечалось, были различные политические силы, по-разному относившиеся к революции. Часть профсоюзов поддержала требование “одно-родно-социалистического правительства”, с которым выступил Вик-жель, полагая, что объединение социалистических течений, преодоле-

ние их раскола предотвратят гражданскую войну. Так, резолюция Московского совета заводских комитетов от 14 ноября 1917 г. гласила: партийные распри приведут к гражданской войне, рабочие требуют “от всех социалистических партий... немедленно организовать единую демократическую власть всего трудового народа в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”¹³². Ряд профсоюзов, выступая за “однородно-социалистическое правительство”, за многопартийность Советской власти, имели в виду не ликвидацию ее, а, наоборот, спасение ее. “...Или расширение социальной базы революции, привлечения на ее сторону других социалистических партий, или катастрофа – третьего выхода нет и быть не может”, – писал секретарь ВЦСПС С.А. Лозовский¹³³. Но были и профсоюзы, которые в “однородно-социалистическом правительстве” видели возможность реализации требования передачи власти Учредительному собранию и даже ликвидации Советской власти.

Вслед за меньшевиками часть профсоюзов трактовала идею “нейтральности” и “независимости” как недопустимость участия профессиональных организаций в государственной управленческо-организационной и хозяйственной работе. Большевики же, резко критикуя идею “независимости”, впадали в другую крайность: настаивали на слиянии профобъединений с органами государственного управления¹³⁴.

Ленин решительно и безоговорочно высказывался за выполнение профсоюзами государственных функций. Один из ранних его документов на этот счет – написанный им в декабре 1917 г. проект резолюции РСДРП(б) об исключении С.А. Лозовского из партии. В этом документе, в частности, говорилось: “Невозможна совместная работа в рядах одной партии с человеком... отрицающим долг профессиональных союзов взять на себя государственные функции и с величайшей энергией, с беззаветной решимостью проводить социалистическую реорганизацию производства и распределения продуктов в общегосударственном масштабе...”¹³⁵

Но пока на теоретико-политическом уровне выяснялись отношения, шли споры сама экономическая и политическая ситуация, слабость хозяйственного аппарата управления привели к выполнению профсоюзами государственных функций. В этих условиях у многих профсоюзных работников формировалось убеждение о приоритете профсоюзов в деле управления народным хозяйством. При профсоюзах имелись бюро труда, которые выявляли желающих работать в государственных и иных учреждениях. От поступающих на работу требовались рекомендации коллективов предприятий, профсоюзных и партийных организаций.

Профсоюзы и фабзавкомы Москвы, Петрограда и других промышленных центров своими кадрами и материальными средствами участвовали в становлении наркоматов, деятельности органов рабочего контроля, формировании ВСНХ и его местных органов, вели учет и распределение рабочей силы, борьбу с саботажем, выдвигали своих представителей в органы управления предприятиями.

На Нижегородской губернской конференции профсоюзов 6 сентяб-

ря 1918 г. председатель совета профсоюзов в отчете о деятельности за первое полугодие 1918 г. говорил: “Борьба, которую вело за осуществление социалистического строя социалистическое Советское правительство, стала также борьбой союзов. Проведение правительственных декретов, создание необходимых правительственных органов, проводящих их в жизнь, заняли в деятельности союзов исключительно видное место. Представители совета вошли в различные советские организации. Это было необходимо, ибо перед пролетариатом стали кардинальные вопросы: овладение государственным аппаратом управления и овладение самим производством”. Далее в отчете приводились сведения о перемещении профсоюзных работников в советские учреждения: только из состава совета и его секретариата было послано 34 человека в 13 организаций. Вследствие этого приходилось “неоднократно пополнять руководящие органы путем довыборов”¹³⁶.

В тех случаях, когда владельцы предприятий саботировали, пытались закрывать фабрики и заводы, профсоюзы нередко брали на себя функции управления производством. Однако после создания государственных органов управления появлялось и понимание, что управление предприятиями не дело профсоюзов. Показательно в этом отношении циркулярное письмо ЦК Всероссийского союза химической промышленности от 27 февраля 1918 г. В нем сообщалось, что профсоюзная организация в связи с возникшей угрозой закрытия завода приняла управление им, но вскоре столкнулась с невозможностью выплачивать рабочим зарплату. ЦК считал, что профорганизация поступила неправильно. Успешно справиться с трудностями (отсутствие сырья, денежных средств и т.д.) могут государственные органы, заводские же комитеты должны им помогать; администрирование, непосредственное управление не их функции¹³⁷.

На Первом Всероссийском съезде профсоюзов (январь 1918 г.), на котором подавляющее большинство делегатов были большевиками, четко обозначились две противоположные позиции по вопросу о роли и задачах профсоюзов при Советской власти. От большевиков доклад сделал Г.Е. Зиновьев, обрушившийся на требование меньшевиков независимости профессионального движения. “Я спрошу, при чем и от кого теперь нужна независимость? От вашего собственного правительства, от Советов рабочих и солдатских депутатов? Разумеется, мы также за независимость, но от буржуазии”. Сейчас, когда “власть перешла к рабочему классу, когда союзы ваши являются частицей власти, какой же реальный смысл имеет независимость”¹³⁸.

От меньшевистской фракции выступил Ю.О. Мартов. Данная революция, говорил он, не пролетарская, а буржуазная, в России отсутствуют предпосылки для осуществления социализма, профсоюзы должны оставаться органами экономической классовой борьбы, независимыми от государства. “...Они должны бороться против всех тех попыток якобы социалистических преобразований, которые на самом деле ведут к дезорганизации промышленности или к ослаблению позиций рабочего класса, а с другой стороны, они должны сохранять свой характер независимых организаций в отношении той власти,

которая в данный исторический момент, в данной исторической ситуации не может быть властью одного лишь рабочего класса”¹³⁹.

За огосударствление профсоюзов вместе с большевиками были левые эсеры. Проект их резолюции гласил: “Фракция левых социалистов-революционеров мыслит себе профессиональные союзы не как органы нейтральные и самостоятельные по отношению к рабоче-крестьянскому государству, но как государственные организации, считая такую меру переходной к созданию из профессиональных союзов органов социалистической власти”¹⁴⁰.

Близкой была позиция анархо-синдикалистов. Советы, считали они, временные органы власти, что же касается управления хозяйственной жизнью, то оно должно перейти к профсоюзам и фабзавкомам¹⁴¹.

Против огосударствления профсоюзов выступил секретарь ВЦСПС С.А. Лозовский. Он утверждал, что это приведет к изоляции профсоюзов от масс, сама жизнь потребует создания новых организаций, которые будут брать на себя защиту интересов рабочих¹⁴².

Съезд принял большевистскую резолюцию “О задачах профессионального движения”. В ней с обычной для большевиков категоричностью подчеркивалось, что идея нейтральности профсоюзов является буржуазной идеей: “Нет и не может быть нейтральности в великой исторической тяжбе между революционным социализмом и его противниками” Указывалось, что профсоюзы “должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны”, а конкретно они должны решать такие задачи, как “самое энергичное участие во всех центрах, регулирующих производство, организация рабочего контроля, регистрация и распределение рабочей силы, организация обмена между городом и деревней, деятельнейшее участие в демобилизации промышленности, борьба с саботажем, проведение всеобщей трудовой повинности и т.п.”¹⁴³ Такая широкая трактовка организационно-хозяйственных задач профсоюзов по существу отождествляла их с задачами хозяйственных государственных органов. А перспектива виделась в превращении профсоюзов в органы Советской власти, т.е. в их огосударствлении. При этом совершенно обходилась функция защиты интересов рабочих.

Меньшевики и правые эсеры резко критиковали решение съезда: забвение профсоюзами функции защиты интересов трудящихся недопустимо, увлечение хозяйственной деятельностью превратит профсоюзы в разновидность административно-бюрократических органов.

Съезд профсоюзов избрал председателем ВЦСПС Г.Е. Зиновьева, однако вследствие его загруженности партийными делами в марте 1918 г. этот пост занял другой видный большевик, М.П. Томский.

Позиция большевиков и в вопросе о роли профсоюзов при Советской власти формировалась прагматически. Она была обусловлена идеей “диктатуры пролетариата”, лежавшей в основе их идеологии и практики. В создавшейся после прихода к власти обстановке большевики стали рассматривать профсоюзы в качестве органов “диктатуры пролетариата”, а отсюда неизбежен был взгляд на них как на субъект государственности. Следует учитывать и то, что партия пришла к

власти, не имея определенной концепции политической системы, которая должна прийти на смену старой, в частности о месте в ней профсоюзов. Представление об этом складывалось, когда использование профсоюзов в качестве “строителей” новой государственности стало для партии объективной необходимостью. Нашлось этому и теоретико-пропагандистское обоснование: выполнение профсоюзами государственных функций способствует привлечению рабочих к управлению.

В руководстве партии курс на огосударствление профсоюзов подерживался большинством. Но искусственно насаждаемая волюнтаристская идея порождала все же всплески дискуссий. Отсылая читателя к посвященной им монографии¹⁴⁴, более подробно остановлюсь на доводах Ленина, ставших партийными постулатами. Его позиция была однозначной: профсоюзы должны быть огосударствлены в смысле подчинения государству. Весной 1918 г. в “Черновом наброске проекта программы” он писал: “Социалистическая организация производства в общегосударственном масштабе: управляют рабочие организации (профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и т.д.) под общим руководством советской власти, единственно суверенной”¹⁴⁵. Эта же мысль еще более развернуто обосновывается в первоначальном варианте “Очередных задач Советской власти”. “Вчера главной задачей профессиональных союзов была борьба против капитала и отстаивания классово-самостоятельности пролетариата. Вчера лозунгом дня было недоверие к государству, ибо это было государство буржуазное. Сегодня государство становится и стало пролетарским... Профессиональные союзы становятся и должны стать государственными организациями, на которые в первую очередь ложится ответственность за реорганизацию всей хозяйственной жизни на началах социализма”¹⁴⁶.

Идейно-теоретические постулаты большевиков практически реализовывались во взаимоотношениях власти с профсоюзами. В обращении группы социал-демократов интернационалистов во главе с С.А. Лозовским ко всем профессионалистам Советская власть обвинялась в том, что она, “с одной стороны, применяет оружие репрессий по отношению к непокорным союзам (преследования союза служащих кредитных учреждений в Петрограде, разгон конференции профессиональных союзов в Симферополе и съезде торгово-телеграфных служащих в Воронеже, образование конкурирующих союзов из сторонников Советской власти и т.д.), а с другой стороны, на плечи дружественно расположенных к ней союзов Советская власть взваливает совсем не свойственные им задачи организации производства, стремится превратить их в свои подсобные органы”¹⁴⁷. Большевики опирались на государственные властные органы, в их распоряжении были всевозможные средства политического воздействия на массы и их профессиональные организации.

ВЦСПС был послушным орудием проведения такой политики. Это определялось и самим составом его президиума, избранного на Четвертой чрезвычайной всероссийской конференции профсоюзов (март 1918 г.). В него вошли 6 большевиков (Б. Козелев, И. Матрозов, Г. Мельничанский, Ф. Озол, Я. Рудзутак, М. Томский) и 3 меньшевика

(И. Волков, И. Майский, В. Чиркин). Но меньшевики, не разделяя политику большевиков, вскоре вышли из состава президиума, который и официально стал чисто большевистским. Если он иногда и высказывал свое “особое” мнение, то только по тактическим вопросам. Приведу один лишь пример, относящийся к осени 1918 г. Петроградский комитет РКП(б) в противовес союзу печатников, который большевики окрестили “желтым”, принял решение создать “красный” союз печатников. ВЦСПС, однако, с этим не согласился, полагая, что “желтый” союз надо “взорвать изнутри”. Возник конфликт, рассматривавшийся на заседании ЦК РКП(б) 25 октября 1918 г. Детальное рассмотрение вопроса было перенесено на следующее заседание, но уже сейчас было предreshено: “Предложить Всероссийскому совету профсоюзов пересмотреть свое решение по отношению к союзу печатников”¹⁴⁸. Что и было сделано.

А вот как председатель ВЦСПС М.П. Томский относился к фактам разгона меньшевистских союзов: «Да, их разгоняют. За что? Когда порежете в документах, то увидите, что их арестовывают и разгоняют за то, что они ведут антисоветскую политику. Запрашивал Центральный комитет меньшевиков: может ли он отвечать за арестованных по их освобождению, может ли он ручаться, что они не будут выступать против Советской власти? Мне ответили: “Мы не можем”. Их арестовывают за то, что они, стоя на почве независимости от государственной власти, противопоставляют себя этой власти, вступают с нею в конфликты, а так как власть сильнее, она и дает им по шапке. Это не касается профессионального движения... Оставьте этот вопрос об арестах. Это не вопрос об отношении к профессиональным союзам, это чисто политический вопрос. Советская власть в период напряженной борьбы не может позволить себе роскоши разрешить своим врагам издавать газеты, вести против нее борьбу... Пусть потом профессора рассматривают, было ли это по конституции или нет. Мы знаем, что делаем: мы боремся, нам мешают бороться, мы колотим тех, кто нам мешает»¹⁴⁹.

Меньшевики не складывали “оружия”. Послушным огосударвлению профсоюзам они попытались противопоставить рабочие организации, которые бы выступали с их требованиями. После заключения Брестского мира, когда из Петрограда продолжалась эвакуация промышленных предприятий, росла безработица и усиливались бедствия населения, в среде меньшевиков возникла идея: используя все эти трудности, создать параллельную сеть рабочих организаций – Собрания уполномоченных от фабрик и заводов. Первое общегородское Собрание уполномоченных состоялось в Петрограде в марте. Оно стало как бы примером для таких же собраний в других городах – в Москве, Туле, Харькове, Екатеринославе, Самаре. Меньшевики их проводили под лозунгами Учредительного собрания. Имелось в виду объединить их во всероссийском масштабе* Не вдаваясь во все вопросы и

* На 20 июля уже была назначена “всероссийская конференция уполномоченных” (Далин Д. Указ, соч. С. 164, 169), но она не состоялась.

требования, прозвучавшие в выступлениях уполномоченных Петрограда, отмечу лишь то, что относилось к профсоюзам и проходило через многие выступления делегатов: “Деятельность существующих рабочих организаций извращена. Профессиональные союзы участвуют в организации хозяйственной жизни и в качестве органов защиты интересов рабочего класса теряют свое значение”. Один из пунктов принятой уполномоченными Декларации гласил: “Профессиональные союзы разрушены, заводские комитеты не могут нас защитить”¹⁵⁰. Влияние меньшевиков во многом определило резкость выступлений делегатов и Декларации в целом. Все же процесс переориентации деятельности профсоюзов был подмечен верно. Движение уполномоченных в апреле–мае ширилось. Однако замысел меньшевиков создать альтернативные рабочие организации не был осуществлен. Массовым это движение не стало, и вскоре оно прекратилось.

Став “строителями” “пролетарского государства”, профсоюзы не акцентировали внимания на защите материальных интересов рабочего класса: от кого-де их защищать – ведь они сами отныне “хозяева страны”? В своей новой роли профсоюзы больше интересуются повышением производительности труда рабочих, которая уже в 1917 г. резко упала, а после революции в условиях усиливавшегося развала хозяйства продолжала снижаться. Весной 1918 г. в поисках механизмов повышения производительности Советское правительство обращает внимание на такие вопросы, как материальное стимулирование, что связывалось со сдельной оплатой и премиальными вознаграждениями. Но, как ни парадоксально, профсоюзы не ставили эти вопросы в плане возможности улучшения материального положения рабочих, более того, многие из них выступали против этих форм вознаграждения, усматривая в них углубление неравенства и “буржуазные формы эксплуатации”. В этом вопросе определенное влияние оказали “левые коммунисты”, выступавшие против сдельной и премиальной форм оплаты труда. Однако под напором самих рабочих, высказывавшихся за поощрительные формы оплаты труда, отношение к ним многих профсоюзов менялось. Так, 25 мая 1918 г. петроградская конференция представителей заводских комитетов предприятий металлообрабатывающей промышленности высказалась за введение сдельной оплаты труда, но как “временную” меру, причем сдельный заработок не должен был превышать тарифную ставку более чем на 25–50%¹⁵¹.

Выполнение профсоюзами государственных функций вело к параллелизму с деятельностью государственных органов и, как следствие этого, к конфликтам. На четвертой Всероссийской конференции профсоюзов обсуждались ненормальные взаимоотношения Наркомата труда и профсоюзов. Те и другие занимались вопросами охраны труда, тарифами. В докладе по этому вопросу М.П. Томский предложил поставить органы Комиссариата труда в зависимость от профсоюзов. Но это предложение не получило поддержки делегатов конференции – и большевиков, и меньшевиков. Позиция последних была четкой: полная независимость профессиональных союзов от Комиссариата труда и его местных органов.

Исходя из “государственных интересов”, руководители профсоюзов в случаях конфликтов рабочих с администрацией предприятий становились на ее сторону. Более того, включаясь в государственную систему, профсоюзы начинали использовать в отношении недовольных рабочих приемы принуждения, что в корне противоречило сути общественных организаций.

КООПЕРАЦИЯ: КАКОЙ ЕЙ БЫТЬ?

История кооперации в послереволюционные годы – большая и сложная тема. В настоящей книге речь идет о той ее части, которая относится к включению кооперации в советскую политическую систему. Здесь важно определить, как складывались взаимоотношения кооперации с “пролетарским” государством, начальные меры государства по использованию этой организации в качестве своего структурного хозяйственного аппарата.

Литература о кооперации – потребительской, сельскохозяйственной, кредитной, рабочей – включающая и ее историю в первое послеоктябрьское время, велика¹⁵². Созданная в основном в 20–70-е годы, когда историки находились в плену большевистских стереотипов, она догматизировала ленинские положения о кооперации, приписывая им законченность и высшую научность.

Рассмотрение темы начнем с вопроса о социальной сущности кооперации.

В своем классическом труде “Социальные основы кооперации”, вышедшем впервые в 1916 г., крупнейший исследователь и теоретик кооперативного движения М.И. Туган-Барановский различал 9 основных видов кооперативов: потребительские общества, кредитные, домостроительные общества, закупочные товарищества, товарищества по сбыту, товарищества по переработке, производительно подсобные артели, трудовые артели, производительные артели¹⁵³. Здесь же автор дает и социально-классовую характеристику кооперативов: “Так как кооперативы – одна из форм самозащиты трудящихся классов от неблагоприятных для них условий капиталистического хозяйства, то естественно, что кооперативное движение возможно и исторически существовало и существует только в среде трудящихся классов. И поэтому можно различать кооперативные движения среди пролетариата, крестьянства и промежуточного класса мелкой буржуазии”¹⁵⁴.

А вот как определял кооперацию другой видный деятель кооперативного движения, К.А. Пажитнов: “Кооператив есть такое добровольное соединение нескольких лиц, которое имеет своей целью совместными усилиями бороться с эксплуатацией со стороны капитала и улучшить положение своих членов в процессе производства, обмена или распределения хозяйственных благ, т.е. как производителей, потребителей и продавцов рабочей силы”¹⁵⁵.

Существуя в капиталистической хозяйственной системе, кооперация – составная ее часть. Она исходит прежде всего из хозяйственного интереса ее членов – в этом существенное сходство кооператива

со всеми другими хозяйственными организациями капиталистической системы. “В этом же его огромная сила”, – писал М.И. Туган-Барановский¹⁵⁶. Но нельзя ограничиться, считает автор, констатацией, что кооператив – это капиталистическое предприятие. Ему присущи особенности, отличающие его от обычного капиталистического хозяйства. “Если тело кооператива создано капитализмом, то душа кооператива вдохнута социалистическим идеалом”¹⁵⁷. Это вытекает из отличительных черт кооперации, таких, как добровольность, самостоятельность и самодеятельность; личная заинтересованность членов кооперации в достижении высоких экономических результатов должна сочетаться с общими интересами.

М.И. Туган-Барановский отмечал и такую черту кооперации: она не должна быть в зависимости от бюрократического государства. Это же подчеркивал и А.В. Чаянов в изданной в 1918 г. работе “Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации” Он писал: “...Конструкция, свойственная государственному аппарату, совершенно противоречит основной природе кооперативной организации. Наш основной кооперативный организационный принцип гласит, что управление каждого кооперативного аппарата ответственно перед теми, кого оно непосредственно обслуживает.

В этом весь смысл, вся суть кооперативной организации, вся душа нашего дела”¹⁵⁸.

Следует хотя бы вкратце сказать о марксистской позиции в отношении кооперации. К. Маркс высоко ценил значение кооперации, считая ее одним из средств преобразования современного ему общества, основанного на классовом антагонизме¹⁵⁹. Не считая кооператив организацией, принципиально отличной от капиталистической фабрики, он все же смотрел на него как на брешь в капиталистическом обществе. Но не через кооперацию, а через завоевание пролетариатом государственной власти он придет к социализму. Однако, взяв власть в свои руки, пролетариат должен использовать кооперацию для перехода к социалистическому производству.

В.И. Ленин считал важнейшей предпосылкой развития кооперации наличие демократических свобод, обеспечивающих право трудящихся на объединение с целью удовлетворения своих экономических интересов. В 1903 г. он писал: “Начинают заводить всякие кооперации и у нас в России, но у нас еще очень мало их, и до тех пор будет мало, покуда не будет политической свободы”¹⁶⁰. И не случайно бурное развитие кооперации в России шло после буржуазно-демократической революции 1905 г. На 1 января 1917 г., по подсчетам М.И. Туган-Барановского, в России насчитывалось 47 187 первичных различных кооперативов, объединявших 84 млн человек (включая членов семей), т.е. немногим более половины всего населения страны¹⁶¹.

Развитие кооперации продолжалось и в 1917 г. Этому, в частности, способствовал кооперативный закон Временного правительства от 20 марта, ликвидировавший ряд административно-правовых ограничений, существовавших при царском режиме. Закон облегчал организацию кооперативов: учредителям достаточно было выработать

уставы, которые просто регистрировались в окружном суде. Отказ суда в регистрации мог быть обжалован в высшей инстанции. С момента регистрации товарищество приобретало право юридического лица. По исчислениям крупнейшего знатока кооперативного движения в России А.В. Меркулова, к 1918 г. кооперативная сеть охватывала 16 500 кредитных кооперативов, 25 000 потребительных обществ, 6000 сельскохозяйственных обществ, 2400 сельскохозяйственных товариществ и артелей, 3000 маслодельных и молочных артелей, 1300 кустарных, смолокурных, лесорубных – всего 54 200 кооперативов. Основная масса кооперативов (40 000) появилась за последние 8 лет (с 1910 г.)¹⁶².

Отстаивая свою независимость от государственных органов, кооперация получила значительную самостоятельность. Этому способствовало и объединение кооперативов в союзы, число которых к 1918 г. превысило 1000¹⁶³. Был создан и всероссийский общеккооперативный организационно-идейный центр – Совет всероссийских кооперативных съездов. К маю 1918 г. кооперация издавала 116 журналов и 9 газет¹⁶⁴. Экономическая деятельность кооперации была весьма значительна, способствуя удовлетворению хозяйственных (да и культурно-просветительных) потребностей миллионов людей. Что касается политической позиции, то, не вдаваясь в частности, ее можно обобщенно определить как общедемократическую. Лидеры кооперации в 1917 г. враждебно отнеслись к стремлению большевиков установить “пролетарскую диктатуру”. Подчеркивая независимость кооперации, они неоднократно заявляли о нейтральности в политической борьбе. На деле это было не так. Видные кооператоры В.Н. Зельгейм, Д.С. Коробов и др. активно поддерживали Временное правительство, кооператоры издавали политическую литературу, послали делегацию для участия в Демократическом совещании.

Членами кооперации были десятки миллионов трудящихся. Кооперация имела разветвленный налаженный учетно-распределительный аппарат, значительную материально-техническую базу, многочисленные кадры, обладавшие опытом организации распределения, заготовок, сбыта, кредитного дела, переработки. В органах кооперации было занято не менее 250 тыс. служащих¹⁶⁵.

После Октябрьского переворота перед советским руководством встал вопрос: что делать с кооперацией? Ответ виделся однозначный: ее надо использовать в деле строительства нового общества, для преодоления разрухи, усилившегося голода. Приступая к разработке этого вопроса, Ленин исходил из теоретического представления о социалистическом обществе как едином (в смысле организации распределения и потребления) кооперативе.

В “Проекте декрета о потребительских коммунах” (декабрь 1917 г.) Ленин предусматривал принудительное и поголовное объединение всех граждан в потребительские общества (коммуны), национализацию потребительских обществ, бесплатность вступления в них¹⁶⁶. По мысли Ленина, кооперация должна была стать орудием социалистического распределения продуктов среди всего населения. Фактически проект имел в виду не кооперативы, а коммуны, ибо

предусматривал отказ от важнейших принципов кооперативных объединений: добровольности, самоуправления, материального участия в хозяйственных делах. Проект ориентировал на уравнительность распределения. Все это отражало название проекта.

В январе 1918 г. был опубликован проект декрета, составленный руководителем советских продовольственных органов А.Г. Шлихтером на основе ленинских предложений. Существующие потребительские общества объявлялись национализированными, в их состав должно было войти поголовно все население данной местности; потребительским обществам предоставлялось право автономии (но в рамках общего предусмотренного порядка), производить закупку и распределение продуктов; каждый член кооператива мог покупать продукты только на складе, к которому он приписан¹⁶⁷. Руководство кооперации, враждебное социалистическому эксперименту большевиков, решительно высказалось против проекта Шлихтера, а по существу и проекта Ленина как продукта “щедринско-помпадурского творчества”. Состоявшийся 18–24 февраля 1918 г. Первый Всероссийский кооперативный съезд в принятой резолюции записал, что “непременным условием успешного, в интересах трудового населения, развития кооперации являются полная самостоятельность и независимость кооперативных организаций, что всякое нарушение этого основного начала губительно для самоуправляющейся, демократической, по своему существу, кооперации”, “над кооперацией, приближающей в постепенном своем развитии осуществление социализма, никаких принудительных опытов социализации или национализации производимо быть не должно”¹⁶⁸.

Отсутствие “своего” аппарата заготовок и распределения продуктов ставило новую власть в безвыходное положение. Развал хозяйства углублялся, надвигался голод. Пришлось отступить от “принципов” и пойти на компромисс с буржуазными кооператорами. Этому способствовали и объективные условия страны после заключения Брестского мира. Наступление относительного мира, курс Советского правительства на укрепление финансов, использование хозрасчета и в известной мере товарно-денежных отношений позволяли пойти на уступки.

В марте – начале апреля 1918 г. шли совместные совещания представителей Советской власти (Ленин, Рыков, Ларин, Милютин) и кооперации (Хинчук, Белоусов, Зельгейм, Коробов). Обсуждался проект декрета о потребительских куммунах. Он встретил возражения руководителей кооперации. На Всероссийском съезде рабочей кооперации 1 апреля 1918 г. многие из выступавших подвергли проект беспощадной критике исходя из принципа независимости кооперации, развитие которой не допускает принуждения. “Национализация коопераций и придание им государственного характера противоречат их социальной природе и навязывают им чуждые функции”¹⁶⁹.

Все же с “буржуазным” руководством кооперации удалось выработать компромиссный проект декрета “О потребительских кооперативных организациях”. Согласно ему Советская власть снимала свое требование бесплатного членства в кооперативах, не настаивала на объединении всего населения данной местности в одном кооперативе,

на слиянии рабочей и общегражданской кооперации. Со своей стороны кооперация обязалась работать под руководством и контролем Советского государства. Кооперативы должны были соблюдать нормы снабжения, устанавливаемые центральными и местными советскими органами. Этот проект был утвержден 11 апреля 1918 г.¹⁷⁰ Для руководства деятельностью кооперации при Наркомпроде и ВСНХ создавались кооперативные отделы (секции). Распоряжением ВСНХ в мае 1918 г. при всех губернских и областных советах народного хозяйства были организованы кооперативные отделы для координации деятельности государственных и кооперативных организаций¹⁷¹. В специальной резолюции ВЦИК указывалось, что декрет о потребительских кооперативах принят в качестве “переходной меры, ведущей по пути к осуществлению государственного распределения продуктов и товаров в стране”¹⁷².

Идя на компромисс, советское руководство исходило из того, что он носит временный характер, оно не отказывалось от своей цели. Докладчик во ВЦИК В.П. Милютин при обсуждении декрета о потребительских кооперативах прямо заявил: слияние кооперативных организаций и организаций государственных неизбежно; это, между прочим, позволит выдавать заработную плату из общегосударственных органов определенными предметами потребления¹⁷³.

В “Очередных задачах Советской власти” Ленин характеризовал декрет о потребительской кооперации как соглашение с “кооперативами, остающимися на буржуазной точке зрения”. Здесь же он сформулировал свое понимание кооперации как элемента социалистического общества: “Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм”¹⁷⁴. (К этому выводу уже на новой конкретно-исторической основе, связанной с переходом к нэпу, он вернулся в 1923 г. в статье “О кооперации”.) В этой формуле уже просматривается мысль о том, что путь к социализму лежит через кооперацию. Такое понимание роли кооперации, а в еще большей степени практическая необходимость использования ее аппарата влияли на отношение к ней Советской власти. Приходилось пока мириться с тем, что во главе ее – люди, не разделяющие политику правящей партии, не желающие связывать свою деятельность с идеологическими установками большевиков.

Идя на компромиссы и соглашения с буржуазными кооператорами, Советская власть предполагала постепенно менять социальное содержание существующей кооперации и одновременно создавать рабочие кооперативы, которые “должны стать во главе движения, переводящего отдельные кооперативы в единый всенародный кооператив”¹⁷⁵.

Таким образом, компромисс заключался в том, что, с одной стороны, Советская власть как будто соглашалась на сохранение основных принципов организации деятельности кооперации, с другой – она отстояла курс на перспективу – переход “от частичных раздробленных кооперативов к единому всенародному кооперативу”. Вместе с тем отступлением от кооперативных принципов было согласие кооперации работать под руководством и контролем государственных органов. Это

давало большевикам возможность осуществлять административную регламентацию в кооперативном деле. После принятия 11 апреля декрета кооперативным организациям был открыт счет в Народном банке РСФСР. Состоявшийся в конце мая – начале июня 1918 г. Первый Всероссийский съезд советов народного хозяйства принял резолюцию, в которой подтверждалось, что “деятельность кооперативных организаций... должна быть согласована и поставлена в тесную связь с деятельностью советских организаций”, а превращение всех видов кооперации в общие организации, охватывающие все население, является важным условием общественного распределения продуктов и предметов массового потребления; общий же надзор над кооперативным движением должны осуществлять областные и местные совнархозы под руководством ВСНХ¹⁷⁶. Изданными в мае–июне 1918 г. инструкциями и правилами все кооперативы обязаны были представить в кооперативный отдел ВСНХ свои уставы, а кооперативные отделы местных совнархозов следить за точным выполнением законов о кооперации. (С сентября 1918 г. уставы всех кредитных товариществ подлежали утверждению Народным комиссариатом финансов.)

Деятельности кооперативов, несмотря на принятый декрет о них, нередко создавались серьезные препятствия. Многие партийные и советские работники, рассматривая эти организации как буржуазные, не придерживающиеся “равенства”, принимали решения о национализации кооперативов, конфискации их имущества и т.д. Сказывалось и недоверие к антисоветски настроенным руководителям кооперации. В центральные органы поступали многочисленные жалобы кооперативов, по многим из них принимались решения об отмене ошибочных действий. В марте 1918 г. Народный комиссариат продовольствия в циркуляре Советам отмечал, что некоторые из них “своими неосторожными мерами нарушают общегосударственный план заготовок, вмешиваясь в жизнь кооперативов, иногда даже прекращая насильно их деятельность”. Наркомпрод требовал “не разрушать кооперативных организаций и не вмешиваться в их работу”¹⁷⁷.

Однако указания, разъяснения и запреты не гарантировали кооперацию от вмешательства государственных органов. Журнал “Кооперативная жизнь” зафиксировал сотни случаев гонений на кооперацию в 1918 г.: 172 ревизии, “назначения комиссий”, 58 реквизиций, 27 национализаций, 23 ареста, 19 ликвидаций кооперативных организаций и т.д.¹⁷⁸ И хотя такие действия властей противоречили соглашению, заключенному с “буржуазной” кооперацией, они были неизбежны, когда эта общественная организация законодательно была поставлена под контроль и руководство государства.

Все же большинство кооперативов как-то приспособливались к новой обстановке. Более того, росли их число и количество членов-пайщиков. Правда, этот рост в значительной степени был искусственным, вызывался тем, что в условиях разрушения частно-торгового аппарата и неналаженности государственного аппарата распределения населению волей-неволей приходилось “приписываться” к потребительским кооперативам для получения нормированного продовольствия.

Весенний компромисс с кооперацией был тактическим шагом государственной власти, позволившим ей установить контроль над кооперативным аппаратом и привлечь его к выполнению государственных заданий. Первый шаг к цели – подчинению кооперации государству – властью был сделан.

КОНСТИТУЦИЯ ГОСУДАРСТВА "ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА"

В предыдущих разделах книги отмечалось, что большевики, взяв власть, считаясь с конкретной ситуацией, в своей практической деятельности не всегда придерживались догматических положений марксистской теории. Прагматизм большевиков во многих случаях позволял им избежать неминуемой для них катастрофы, если бы они в точности следовали своим утопическим теоретическим установкам, и в немалой степени способствовал созданию всеохватывающего централизованного государственного аппарата управления экономикой, социальной сферой, выполнявшего правоохранительные и военные функции. Сформированный на классовой основе, он в значительной мере состоял из трудящихся элементов – рабочих, крестьян, ремесленников, служащих, что давало большевикам формальное основание считать его демократическим. Обращенность этого аппарата против ранее привилегированных классов и социальных слоев, применения по отношению к ним насильственных методов правящая партия считала достоинством нового государства, нового политического режима.

В ходе формирования и деятельности советской системы власти и управления обнаруживалось, что расчеты марксистов на то, что "государство трудящихся" автоматически освободится от пороков буржуазного государства, не оправдывались. Так, уже весной 1918 г. стали зримо бюрократические извращения в работе советских органов. Выяснилось, что и управленцы-рабочие не столько заботятся о благе государства, сколько о своих групповых и местных интересах. Сказывались их некомпетентность в вопросах экономики, технологического процесса и, как следствие этого, неэффективность рабочего контроля: на отдельных предприятиях он давал определенные положительные результаты, но в масштабах отрасли это не получалось.

Более успешны были действия центральной власти по преодолению местнических тенденций, принимавших порой характер анархии и разноречия в организации местного управления. Достигалось это различными средствами: административным вмешательством и нажимом, рассылкой инструкций, в основе которых была идея необходимости централизации, главную же роль играла сеть большевистских организаций, неуклонно руководившая указаниями своего Центрального Комитета. Цементирующим фактором была военная сила – сначала красногвардейские отряды, потом формирования Красной Армии.

В июльском номере "Вестника Комиссариата внутренних дел" констатировалось, что «стихийный период "самостийности" губерний, уездов и волостей» прошел. «Возникшие были "республики" постепенно перестали так себя именовать... Исчезают постепенно и местные "сов-

наркомы", заменяясь более правильными... наименованиями «исполнительных Комитетов»... Так же незаметно и постепенно схлынул и водопад всевозможных местных комиссаров, и происходит их замена более простым и правильным наименованием "Заведующие отделами исполнительного Комитета" Все эти изменения стоят в тесной связи с пробудившейся тягой к единству»¹⁷⁹.

Эти процессы к лету еще не всюду были завершены. Народный комиссариат внутренних дел в циркулярной телеграмме от 31 августа 1918 г. всем губисполкомам констатировал, что на местах еще не проведено в жизнь переименование комиссариатов в отделы с подчинением их общему руководству исполкомов¹⁸⁰. И в осенних документах, исходивших от местных органов управления, можно встретить слово "комиссар" вместо "заведующий" ведомства. Это лишь отдельные примеры остаточных явлений периода "самостийности" И все же главное заключалось в том, что в целом сложились основы новой политической системы, нового государственного строя.

Руководители правящей партии, убедившись в прочности Советской власти, сочли возможным "даровать" стране Конституцию, которая бы юридически закрепила новое государственное устройство. Впервые вопрос этот встал на заседании ВЦИК в апреле 1918 г.

История разработки и принятия первой Советской Конституции имеет обширную историографию¹⁸¹. В значительной ее части господствуют стереотипы: Ленин – создатель Конституции, его линия побеждала в борьбе с "левыми коммунистами", мелкобуржуазными партиями, имевшими своих представителей в конституционной комиссии, с представителями "буржуазной науки" При этом игнорировалось, что в среде большевиков просто отсутствовали однозначные взгляды, подходы к составлению Конституции. Проблемы правового строительства, конституционных основ нового государства заранее не были разработаны, что неизбежно вызывало плюрализм мнений даже среди "твердокаменных" большевиков. Но в историографии прошлых десятилетий правильно подчеркивалось, что к конституционным основам исподволь подводило декретное творчество Советской власти. Актами конституционного значения являлись декреты о мире, о земле, Декларация прав народов России, Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа и др. В выработке Конституции участвовал широкий круг видных большевистских политических деятелей (В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, М.Н. Покровский, Ю.М. Стеклов, М.И. Лацис), специалистов в области права, финансов (Д.П. Боголепов, М.А. Рейснер, И.И. Скворцов-Степанов), левые эсеры (Д.А. Магеровский, А.И. Шрейдер), эсер-максималист (А.И. Бердников).

Не останавливаясь на самом характере обсуждений, споров в конституционных комиссиях, на альтернативных проектах, предложениях, отмечу лишь, что все они определялись личным пониманием той или иной проблемы, ведомственным подходом (в зависимости от положения в системе государственных органов) того или иного участника дискуссий. В целом борьба, и порой довольно острая, не была проти-

воборством непримиримых политических сил, как это изображалось в историографии, сопоставление альтернативных мнений завершилось их консенсусом.

Принятая в июле 1918 г. Пятым Всероссийским съездом Советов первая Советская Конституция обобщила основные декреты Советской власти, накопленный большевиками опыт государственного строительства. Базисными идеями Основного закона страны были общественная собственность на средства производства, "диктатура пролетариата" и федеративное устройство государства. Эти идеи были сформулированы в принятой Третьим Всероссийским съездом Советов "Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа", включенной в Конституцию в качестве ее первого раздела. Подтверждалась отмена частной собственности на землю, общенациональным достоянием объявлялись не только земля, ее недра, леса общегосударственного значения, но и образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия, подтверждался переход в собственность государства банков. Стратегическая задача – уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, "водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти".

В числе основных задач – "беспощадное подавление эксплуататоров"; вся полнота власти – трудящимся, введение всеобщей трудовой повинности "в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства" Обращает на себя внимание, что среди "основных задач" – "победа социализма во всех странах". Увлеченные идеей мировой революции, законодатели не задавались вопросом о нереальности и этой задачи для РСФСР.

В разделе "Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики" провозглашалось установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства "в виде мощной Всероссийской Советской власти". Провозглашалось, что Российская Советская Республика учреждается "на основе союза свободных наций как федерация советских национальных республик". "Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы", которые входят на началах федерации в РСФСР.

Подробно изложены меры, обеспечивающие "демократию", но не демократию вообще, а только для трудящихся:

– свобода выражения своих мнений, для чего рабочему классу и крестьянской бедноте предоставляются все технические и материальные средства для издания всех видов печати и свободного их распространения;

– свобода собраний, митингов, шествий, для чего трудящимся предоставляются пригодные помещения;

– свобода союзов, для чего рабочим и беднейшим крестьянам оказывается всяческое материальное и иное содействие;

– доступ к знаниям, для чего ставится задачей предоставить трудящимся полное, всестороннее и бесплатное образование;

– действительная свобода совести, для чего церковь отделяется от

государства и школа – от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами;

– равные права всех граждан независимо от расовой и национальной принадлежности, недопустимость угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия.

Все эти пункты Конституции создавали впечатления ее демократичности. Но это впечатление рассеивается, если взглянуть на Конституцию с точки зрения общепринятого в цивилизованном мире понимания демократии. Так, она устанавливала принцип: Советская республика "лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции". Тем самым открывался простор для лишения политических прав всех в чем-либо несогласных с режимом. А объявляя "диктатуру пролетариата" социально-классовой сущностью государства, Конституция как бы освящала, делала "законной" возможность применения по отношению лишенных политических прав методов диктатуры – насилия. Не случайно в Основном законе нет таких понятий, как неприкосновенность личности, имущества, жилища, право граждан на защиту от государства, – это вытекало из убеждения, что интересы рабочих и крестьян совпадают с интересами "рабоче-крестьянского государства"

В Конституции нет понятий "права человека и гражданина", "правовое государство", вместо них – "права трудящегося и эксплуатируемого народа". Права отдельного человека не выделялись, они лишь косвенно просматривались сквозь призму его классовой принадлежности. Труд признавался обязанностью всех граждан: "Не трудящийся, да не ест!".

Два раздела Конституции посвящены конструкции власти и управления в государстве. В их основе – всевластие Советов, означавшее предоставление им и законодательной и исполнительной власти. "Объединение властей" отныне станет принципом всех последующих советских конституций и сыграет немалую роль в утверждении политической системы государственного тоталитаризма.

Конституция обобщила практику мест и законодательство по организации органов государственной власти и управления, установила нормы, касающиеся функций, структуры, компетенции и взаимоотношений отдельных звеньев государственной власти – от высших до низших.

Высшим органом государственной власти РСФСР являлся Всероссийский съезд Советов. В его исключительном ведении были вопросы установления, дополнения и изменения основных начал Советской Конституции и ратификации мирных договоров.

ВЦИК – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган Республики в период между Всероссийскими съездами Советов, ими избирался. Его функции – общее направление деятельности правительства и всех органов власти и управления в стране, объединение и согласование работы по законодательству и управлению, наблюдение за проведением в жизнь Советской Конституции, постановлений всероссийских съездов Советов и центральных органов Советской власти.

Совет Народных Комиссаров – высший орган государственного управления – состоял из руководителей 18 народных комиссариатов – центральных органов отраслей государственной жизни* Он формировался Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и был ответствен перед Всероссийским съездом Советов и ВЦИК. Постановления крупного общеполитического значения Совнарком представлял на утверждение ВЦИК. Однако в примечании к соответствующей статье указывалось, что мероприятия, требовавшие неотложного выполнения, могли осуществляться Совнаркомом непосредственно. Это примечание позволяло ему принимать законы без их обсуждения и утверждения ВЦИК, чем Совнарком широко пользовался.

Конституируя высшие органы государственной власти и центральные органы управления, Основной закон определял взаимоотношения между ними, что должно было способствовать устранению параллелизма в их работе. Фиксировался порядок организации Советской власти на местах на основе принципов демократического централизма и полновластия Советов. Высшими органами власти в пределах данной территории являлись съезды Советов (областной, губернской, уездной, волостной). Они созывались: областной не реже двух раз в год, губернский и уездный – одного раза в три месяца, волостной – одного раза в месяц. Полномочия Советов разных уровней не определялись, поэтому заявление – "съезд – высшая власть" на подведомственной территории – вызывало путаницу.

В городах, селах, деревнях, местечках, хуторах "высшей властью" были соответствующие Советы депутатов. Городские и сельские Советы избирались на три месяца.

Советы и съезды Советов избирали исполнительные комитеты, осуществлявшие власть и управление между заседаниями (съездами) избравших их Советов.

Конституция не содержала прямого ответа на вопрос: могут ли избиратели отзываться членов исполкомов – ведь они непосредственно их не избирали. Однако такое их право вытекало из существа конституционных основ. 20 июля 1918 г. Жиздринский уездный исполком (Калужская губерния) писал в Наркомвнудел, что неоднократно поступают протоколы волостных Советов об отзывании членов исполкома, избранного на уездном съезде Советов. Спрашивалось: имеют ли право отдельные нижестоящие Советы (например, волостные) отзываться членов исполкома вышестоящего советского звена до окончания срока их полномочия? Ответ наркомата, подписанный заведующим отделом управления В.А. Тихомировым, гласил: право быть членом исполкома основывается на мандате, данном Советом. Коль скоро избиратели отзываю члена Совета, последний автоматически теряет право на мандат быть членом исполкома¹⁸².

---

* По иностранным делам, военным, морским, внутренним, юстиции, труда, социального обеспечения, просвещения, почт и телеграфов, по делам национальностей, финансовым, путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, государственного контроля, здравоохранения, ВСНХ.

Конституция закрепила практику многостепенных выборов. Непосредственно на собраниях избирателей выбирались только городские и сельские Советы. Вышестоящие органы – их съезды формировались путем не прямых выборов. Предусматривался такой порядок. В городских Советах, кроме депутатов, избранных по установленной норме от всего городского населения (1 депутат от 1000 человек населения), могли участвовать и представители "профессиональных и иных рабочих организаций". Губернские съезды Советов составлялись из делегатов волостных (в основном крестьянских) съездов Советов из расчета 1 на 2000 избирателей. Такое же соотношение было при конструировании областных (от уездных съездов Советов 1 делегат на 25 000 жителей, а от городских Советов 1 на 5000 избирателей) и всероссийских съездов Советов (от губернских съездов Советов 1 делегат на 125 000 жителей, а от городских Советов 1 на 25 000 избирателей)¹⁸³. Этот порядок выборов создавал преимущества рабочим: в процентном отношении они избирали больше представителей в Советы, чем крестьяне. Тем самым закреплялось политическое неравенство рабочих и крестьян.

Конституция лишала часть населения политических прав. Не могли избирать и быть избранными в Советы лица, благонадежность которых к новой власти была сомнительна или не соответствовавшие принципу: "Теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти". Лишались избирательных прав лица, прибегавшие к наемному труду с целью получения прибыли, "живущие на нетрудовой доход" монахи, духовные служители церкви и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, корпуса жандармов и охранных отделений. Таким образом, Конституция узаконила политическую дискриминацию целых классов и социальных слоев. Все это было отказом большевиков от их изначального требования всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

В свое время, в 1912 г., в полемике с кадетами Ленин утверждал: "Демократическими могут быть названы только выборы всеобщие, прямые, равные". Это бесспорно вытекает из "общих, основных, азбучных истин демократизма"¹⁸⁴. Конституция законодательно похоронила эти "азбучные истины".

Основной закон не дал ответов на многие вопросы, вставшие в жизни Советского государства. Республика была объявлена федерацией. Но Конституция не содержала важнейшего признака федерации – договора, соглашения. Не определялись компетенция национальных республик и их государственное устройство. По существу Конституция исходила из унитарного характера России. В ней обойдены вопросы правосудия. Суд не выделялся как особый государственный орган, независимый и подчиняющийся только закону. Некоторые положения Конституции, вытекавшие из теоретических представлений большевиков, были утопичными: при социализме не будет деления на классы, не будет государственной власти. Властными полномочиями наделялись исполнительные органы Советов: в период между съездами исполкомы – "высшая в пределах данной территории власть". С одной

стороны, это соответствовало принципу соединения законодательства и исполнения законов, с другой – это было логическим следствием системы съездов Советов. Конституционные властные полномочия исполнителей в дальнейшем на практике приведут к подмене Советов их исполнительными органами. Не было четкости в разграничении функций ВЦИК и Совнаркома. Конституция не отвечала на вопросы о роли, месте в политической системе организаций трудящихся – профсоюзов, партий, кооперации.

Не только в Советской России, но и на Западе было немало людей, веривших, что Октябрьская революция открыла дорогу в "светлое будущее", когда общество будет свободно от пороков капитализма. Сквозь призму своих иллюзий они воспринимали Советскую Конституцию, акцентируя внимание на содержащихся в ней декларативно провозглашенных демократических элементах. Но в целом, за исключением большевиков, она была резко осуждена. Понятны негативные оценки представителей буржуазных, либеральных кругов. Но и в революционной среде раздавалось в ее адрес немало критики. Как пример, приведу высказывания Розы Люксембург, по словам которой выработанное Советским правительством избирательное право – это "паразитический продукт большевистской теории диктатуры", оно противоречит праву, народному представительству¹⁸⁵.

Советская Конституция законодательно завершала первый этап складывания организационно-политических основ Советской власти, централизованного унитарного государства "диктатуры пролетариата".

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 201.

² Бакунин М.А. Избр. соч. М., 1919. Т. 1. С. 294, 295.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 315.

⁴ Там же. Т. 33. С. 26.

⁵ Там же. Т. 35. С. 192, 193.

⁶ Там же. Т. 41. С. 6.

⁷ Там же. Т. 42. С. 139.

⁸ Там же. Т. 41. С. 27.

⁹ Там же. Т. 43. С. 218.

¹⁰ Фрагмент из книги А. Глотцера "Троцкий: Воспоминания и критика". Цит. по: Кентавр. 1991. Окт.–дек. С. 65.

¹¹ Розов В. Отрицание отрицания // Коммунист. 1989. № 17. С. 94.

¹² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 93.

¹³ Цит. по: Рабочий класс и соврем. мир. 1990. № 5. С. 148–150.

¹⁴ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. Лондон, 1983. С. 7.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 109, 116.

¹⁶ Миллюков П. Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 132.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 90–91.

¹⁸ Карр Э.Х. Русская революция: от Ленина до Сталина, 1917–1929. М., 1990. С. 12.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 315.

²⁰ Там же. Т. 36. С. 65, 66.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 446.

²² Второй съезд РСДРП, июль–август 1903 г.: Протоколы. М., 1959. С. 182.

²³ Там же.

- ²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 252, 253; Т. 30. С. 128.
- ²⁵ Там же. Т. 33.
- ²⁶ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 344–345.
- ²⁷ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918. М., 1958. С. 88.
- ²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 307.
- ²⁹ Там же. Т. 38. С. 294.
- ³⁰ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2, кн. 3/4. С. 261.
- ³¹ Каюров В.Н. Мои встречи и работа с В.И. Лениным в годы революции // Пролет. революция. 1924. № 3 (26). С. 35.
- ³² Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 115.
- ³³ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 343.
- ³⁴ Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917 – февраль 1918. С. 136.
- ³⁵ Подробнее см.: Рабинович А. Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 году в России // История СССР. 1990. № 6. С. 199.
- ³⁶ Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р.С. Кр. и Каз. депутатов II созыва. М., 1918. С. 4.
- ³⁷ См.: Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы пролетарской диктатуры. М., 1977.
- ³⁸ Протоколы заседаний Всероссийского центрального Исполкома Комитета Советов Р.С. Кр. и Каз. депутатов II созыва. М. 24, 25.
- ³⁹ Там же. С. 25.
- ⁴⁰ Там же. С. 28.
- ⁴¹ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 44.
- ⁴² Там же. С. 102.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 41. Л. 49.
- ⁴⁴ Там же. Л. 44.
- ⁴⁵ РЦХИДНИ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 55. Л. 24.
- ⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 151.
- ⁴⁷ Лит. газ. 1986. 10 сент.
- ⁴⁸ Декреты советской власти. Т. 1. С. 343.
- ⁴⁹ Струмило Б. Из записок рабочего // Урал и Прикамье, ноябрь 1917 – январь 1919: Документы и материалы. Париж, 1982. С. 33. (Исследование новейшей русской истории / Под общ. ред. А.И. Солженицына. Т. 3.).
- ⁵⁰ Троцкий Л.Д. О Ленине // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 207.
- ⁵¹ Цит. по: Я.М. Свердлов. М.; Л., 1926. С. 99.
- ⁵² Подробнее об Учредительном собрании см.: Рубинштейн Н. К истории Учредительного собрания. М.; Л., 1931; Вишняк М.В. Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932; Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976; Скрипилев Е.А. Всероссийское Учредительное собрание: Историко-правовое исследование. М., 1982.
- ⁵³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 236.
- ⁵⁴ Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 322–323.
- ⁵⁵ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917–январь 1919). М., 1990. С. 160.
- ⁵⁶ Оболенский В.А. В огне Октябрьской революции // Сов. архивы. 1991. № 3. С. 50.
- ⁵⁷ Троцкий Л.Д. Из дневника 1935 г. // Знамя. 1990. № 8. С. 180.
- ⁵⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 222, 252, 253.
- ⁵⁹ Подробнее о деятельности Совнаркома см.: Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. М., 1965; Ирошников М.П. Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Л., 1974; Минц И.И. История Великого Октября. М., 1979. Т. 3.
- ⁶⁰ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. С. 217.

- ⁶¹ См.: *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата: Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты, октябрь 1917 – январь 1918. Л., 1967.
- ⁶² Подробнее см.: *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990.
- ⁶³ Вестн. отдела местного управления НКВД. 1918. № 4. С. 6–7.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 106. Л. 64.
- ⁶⁵ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг.: Сб. документов. М., 1958. С. 79.
- ⁶⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 63.
- ⁶⁷ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. С. 91.
- ⁶⁸ Ист. архив. 1958. № 1. С. 9.
- ⁶⁹ *Лацис М.И. (Судрабс).* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 9.
- ⁷⁰ Декреты советской власти. Т. 1. С. 124–126.
- ⁷¹ Там же. С. 124.
- ⁷² *Стучка П.И.* В борьбе за Октябрь: Сб. ст. Рига, 1960. С. 219.
- ⁷³ Декреты советской власти. Т. 1. С. 125.
- ⁷⁴ *Стучка П.И.* Избр. произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 234.
- ⁷⁵ Там же. С. 247.
- ⁷⁶ Декреты советской власти. Т. 1. С. 466–474.
- ⁷⁷ СУ РСФСР 1918. № 85. Ст. 889.
- ⁷⁸ Там же. № 53. Ст. 597.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 75. Л. 212.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 61.
- ⁸¹ Декреты советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 233–234.
- ⁸² СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170. В апреле 1918 г. Петроградский ревтрибунал рассматривал дело судьи Мейнвальда, уличенного в вымогательстве денег, используя свое положение. Ему был вынесен приговор: 37 лет тюрьмы, такой "мягкий" приговор, объяснял председатель трибунала, вызван тем, что трибунал не имел возможности вынести смертный вердикт. – См.: Изв. ВЦИК. 1918. 25 апр.
- ⁸³ *Стучка П.И.* Избр. произведения по марксистско-ленинской теории права. С. 239.
- ⁸⁴ Декреты советской власти. Т. 1. С. 356.
- ⁸⁵ Там же. Т. 2. 63–70.
- ⁸⁶ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 3. Л. 64.
- ⁸⁷ РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 751. Л. 66.
- ⁸⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 733. Л. 68^а.
- ⁸⁹ Декреты советской власти. Т. 1. С. 172–173.
- ⁹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 271; Т. 36. С. 133.
- ⁹¹ Исторнография проблемы: *Рубан Н.В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма (март 1917–1918 г.). М., 1968; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968; *Он же.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; *Сивохина Т.А.* Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973; *The Mensheviks from the Revolution of 1917 to the Second World War / Ed. L. Naimson.* Chicago; L., 1974; Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984; *Фельцитинский Ю.* Большевики и левые эсеры, октябрь 1917 – июль 1918: На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985; *Далин Д.* Меньшевизм в период советской власти // Большевики. Вермонт, 1988; *Пайпс Р.* Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918) // Минувшее: Ист. альманах. Париж, 1987. № 3.
- ⁹² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 61, 62.
- ⁹³ Там же. Т. 35. С. 306.
- ⁹⁴ *Ильин-Женевский А.Ф.* Большевики у власти: Воспоминания о 1918 годе. Л., 1929. С. 116–117.

- ⁹⁵ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 148.
- ⁹⁶ Там же. С. 150.
- ⁹⁷ Там же. С. 148.
- ⁹⁸ Там же. С. 151.
- ⁹⁹ *Свердлов Я.М.* Избр. произведения. М., 1960. Т. 3. С. 42.
- ¹⁰⁰ Декреты советской власти. Т. 1. С. 119.
- ¹⁰¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 307.
- ¹⁰² См.: *Пайнс Р.* Создание однопартийного государства в Советской России.
- ¹⁰³ В литературе приводятся различные данные о количестве политических партий в 1917 г. Но известно, что на выборах в Учредительное собрание в Петрограде выставили своих кандидатов 17 партий, в провинции – до 40. Крупнейшие из них к концу 1917 г. насчитывали: партия эсеров (до раскола) – около 700 тыс. членов, большевиков – около 400 тыс., меньшевиков – более 140 тыс., кадетов – 70–80 тыс.
- ¹⁰⁴ *Далин Д.* Большевик в период советской власти. С. 140.
- ¹⁰⁵ *Рабинович А.* Попытки формирования многопартийного демократического социалистического правительства в 1917 году в России // История СССР. 1990. № 6. С. 192.
- ¹⁰⁶ См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 9. С. 214–215.
- ¹⁰⁷ *Фельдманский Ю.Г.* Большевики и левые эсеры, октябрь 1917–июль 1918 г. С. 5.
- ¹⁰⁸ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 277–278.
- ¹⁰⁹ См.: Изв. ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 107, 108.
- ¹¹⁰ Из истории Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР: Сб. ст. М., 1957. С. 64; Съезды Советов в документах, 1917–1936. М., 1959. Т. 1. С. 59.
- ¹¹¹ *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. С. 165.
- ¹¹² Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 130, 134; *Огороков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. С. 169.
- ¹¹³ Декреты советской власти. Т. 1. С. 24–25.
- ¹¹⁴ *Красникова А.В.* На заре советской власти. М., 1963. С. 15.
- ¹¹⁵ Декреты советской власти. Т. 1. С. 432–434.
- ¹¹⁶ Там же. С. 162.
- ¹¹⁷ См.: *Волобуев О.В., Ильяшук Г.И.* Послеоктябрьский меньшевик // История СССР. 1991. № 2. С. 40.
- ¹¹⁸ *Далин Д.* Большевик в период советской власти. С. 140.
- ¹¹⁹ Там же. С. 172.
- ¹²⁰ Там же. С. 174–175.
- ¹²¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. С. 294–295.
- ¹²² Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1918. С. 197.
- ¹²³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 385.
- ¹²⁴ *Бюффа Д.* История Советского Союза. М., 1990. Т. 1. С. 191.
- ¹²⁵ *Kautsky K.* Die Diktatur des Proletariats. Wien, 1918. S. 15.
- ¹²⁶ Новая жизнь. 1918. 20 нояб.
- ¹²⁷ См.: *Пайнс Р.* Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918). С. 139.
- ¹²⁸ Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний, 1917–1920 гг. М., 1984. Т. 1. С. 93.
- ¹²⁹ См.: *Панкратова А.М.* Политическая борьба в российском профдвижении, 1917–1918. Л., 1927; *Она же.* Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 г. М., 1927; *Милонов Ю.К.* Профессиональные союзы СССР в прошлом и настоящем, 1905–1917–1927. М., 1927; *Алуф А.* Профсоюзы в Октябрьской революции. М., 1927; *Гарви П.А.* Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917–1921). Нью-Йорк, 1981; *Киселева А.Ф.* Профсоюзы и советское государство: (Дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991.

- ¹³⁰ Цит. по: *Гарви П.А.* Профессиональные союзы в России в первые годы революции. С. 29.
- ¹³¹ Парт. изв. (ЦК РСДРП). 1918. № 8 (15). С. 11.
- ¹³² Социал-демократ. 1917. 14 (27) нояб.
- ¹³³ Проф. вестн. 1917. № 5/6. С. 2.
- ¹³⁴ Подробнее см.: *Киселев А.Ф.* Профсоюзы и советское государство.
- ¹³⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 214.
- ¹³⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 2. Д. 25. Л. 1.
- ¹³⁷ Там же. Д. 299. Л. 8.
- ¹³⁸ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов, 7–14 января 1918. М., 1918. С. 74.
- ¹³⁹ Там же. С. 80.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 121.
- ¹⁴¹ Там же. С. 84, 101.
- ¹⁴² Там же. С. 97–98.
- ¹⁴³ Там же. С. 364.
- ¹⁴⁴ См.: *Киселев А.Ф.* Профсоюзы и советское государство.
- ¹⁴⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 74.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 160.
- ¹⁴⁷ Проф. союз. 1918. № 3. С. 14.
- ¹⁴⁸ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 162, 163.
- ¹⁴⁹ *Томский М.* Избр. ст. и речи. М., 1928. С. 88–89.
- ¹⁵⁰ Цит. по: *Горизонт.* 1990. № 10. С. 28, 41.
- ¹⁵¹ Национализация промышленности и организация социалистического производства в Петрограде (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Л., 1960. Т. II. С. 171.
- ¹⁵² *Балабанов М.С.* История рабочей кооперации в России. М., 1925. *Волович М.* Очерки потребительской кооперации в период военного коммунизма. Харьков, 1926; *Хейсин И.Л.* История кооперации в России. М., 1926; *Кремнев Г.* Развитие кооперации. М., 1928; *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. М., 1989; *Днепровский С.П.* Кооператоры. М., 1968; *Файн Л.Е.* История разработки В.И. Лениным кооперативного плана. М., 1970; *Кабанов В.В.* Октябрьская революция и кооперация (1917 – март 1919). М., 1973; *Дмитренко В.П., Морозов А.Ф., Погудин В.И.* Партия и кооперация. М., 1978.
- ¹⁵³ *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С. 100–101.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 106.
- ¹⁵⁵ *Пажитнов К.А.* Основы кооперации. Пг., 1917. С. 40.
- ¹⁵⁶ *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 67.
- ¹⁵⁸ *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // Избр. произведений. М., 1989. С. 290.
- ¹⁵⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 199.
- ¹⁶⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 160.
- ¹⁶¹ *Туган-Барановский М.И.* Указ. соч. С. 296–297.
- ¹⁶² *Меркулов А.В.* Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918. С. 214.
- ¹⁶³ Там же. С. 216.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 217.
- ¹⁶⁵ *Файн Л.Е.* Указ. соч. С. 65.
- ¹⁶⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 208–209.
- ¹⁶⁷ См.: Второй чрезвычайный всероссийский съезд рабочей кооперации. М., 1918. С. 166–168.
- ¹⁶⁸ Цит. по: *Балабанов М.* История рабочей кооперации в России. С. 285.
- ¹⁶⁹ Изв. ВЦИК. 1918. 4 апр.
- ¹⁷⁰ Декреты советской власти. Т. 2. С. 91–92.
- ¹⁷¹ Изв. ВЦИК. 1918. 11, 23 мая.

- ¹⁷² Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. М., 1920. С. 104.
- ¹⁷³ Изв. ВЦИК. 1918. 13 апр.
- ¹⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 108, 161.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 162.
- ¹⁷⁶ Труды 1-го Всероссийского съезда советов народного хозяйства. М., 1918. С. 484–485.
- ¹⁷⁷ Изв. Народного комиссариата по продовольствию. М., 1918. № 1. С. 19.
- ¹⁷⁸ Кооп. жизнь. 1918. № 8/9. С. 39.
- ¹⁷⁹ Вестн. Комисариата внутренних дел. 1918. № 18/19. С. 21; Ист. архив. 1956. № 5. С. 75.
- ¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 68. Л. 26.
- ¹⁸¹ Гурвич Г.С. История Советской конституции. М., 1923; Ронин С.Л. Первая Советская Конституция: (К истории разработки Конституции РСФСР 1918 года). М., 1948; Чугаев Д.А. Первая Конституция советского государства (1918). М., 1949; Чистяков О.И. Проблемы демократии и федерализма в первой советской Конституции. М., 1977.
- ¹⁸² ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 45. Л. 385.
- ¹⁸³ Декреты советской власти. Т. 2. С. 554, 559, 560.
- ¹⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 51.
- ¹⁸⁵ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 325–326.

В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВО "ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА" В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

О причинах гражданской войны имеются различные суждения. Одно из них – роспуск Учредительного собрания, другое – "военный коммунизм", третье – "красный террор". Однако все эти меры большевистской власти являлись следствием главного – Октябрьской революции. Она сама уже была гражданской войной. В результате ее одни классы и общественные силы были лишены власти, а другие овладели властью. Свергнутые не примирились и не могли примириться с потерей власти и материальных благ, а победители, естественно, отстаивали свою победу. И если Октябрьский переворот – важнейшая причина гражданской войны, то дальнейшие действия той и другой стороны ее углубляли, делали более масштабной и ожесточенной. В ходе гражданской войны шли консолидация и развертывание противоборствующих сил, менялось их соотношение. Не оправдались имевшиеся у большевистских лидеров еще в начале весны 1918 г. надежды и прогнозы о возможности хотя бы относительно мирного характера дальнейшего упрочения их власти.

При освещении событий гражданской войны советские авторы на протяжении многих десятилетий игнорировали или упрощали далеко не однозначные взаимоотношения трудящихся, особенно крестьянства, с Советской властью. Существовал стереотип: рабочие и крестьяне почти всегда ее всецело поддерживали. Если же случались антисоветские выступления, то это были "кулацкие мятежи", а если в них участвовали какие-то массы средних крестьян, то исключительно вследствие эсеро-меньшевистских козней. В действительности все было сложнее.

Уже весной 1918 г. после нескольких месяцев поддержки крестьянством Советской власти, принявшей ряд демократических декретов, началась полоса недовольства крестьян прежде всего продовольственной политикой новой власти. Торопливость большевиков в осуществлении "социалистических" мер, их практика решения возникавших проблем силой, реквизиции хлеба с оплатой по твердым закупочным ценам, отсутствие промышленных товаров, продотряды – все это ставило крестьян в тяжелое экономическое положение, подрывало доверие к Советской власти.

Недовольство усиливалось и политикой Советской власти в отношении церкви и религии. 20 января 1918 г. Совнарком принял Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах¹ (вскоре в официальных изданиях он стал именоваться декретом "об отделении церкви от государства и школы от церкви"). Декрет провозгласил свободу

совести, право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, т.е. быть атеистом. Провозглашение отделения церкви от государства означало, что она лишалась всех государственных функций, в том числе ведения актов гражданского состояния. Церковь стала рассматриваться как частная организация. Запрещалось преподавание религиозных вероучений в учебных заведениях. Церковные и религиозные общества лишались права владеть собственностью, прав юридического лица. Все их имущества объявлялись народным достоянием: здания и предметы, предназначенные для богослужения, ставшие государственной собственностью, передавались церкви лишь в бесплатное пользование.

Декрет не считался с тем, что громадное большинство населения было верующим и поддерживало свои церковные организации. Однако дело было не столько в самом декрете, сколько в грубых методах, какими он осуществлялся работниками властных структур.

Настроенные решать все проблемы административным нажимом и "с сегодня на завтра", они воспринимали декрет как указание немедленно покончить с "опиумом для народа", как в пропаганде называлась религия.

Воинствующий атеизм коммунистов сочетался с насилиями по отношению к верующим. Спротивление церковнослужителей, да и населения осуществлению декрета было неизбежно. На этой почве возникали коллизии, принимавшие антисоветский характер. Это вынуждало правительство несколько смягчить проведение антицерковной политики. В декабре 1918 г. нарком юстиции издал циркуляр, запрещавший самовольное закрытие церквей, конфискацию объектов культа, арест священнослужителей, обыски во время службы, посылку священников на трудовые работы. Советам было предложено не оскорблять религиозных чувств верующих². Время от времени центральная власть давала разъяснения по конкретным случаям таких оскорблений. Так, в феврале 1919 г., получив жалобу на Олонецкий губисполком, запретивший "богослужение со звоном" в церкви г. Вытегра, НКВД указал исполкому, что его запрет незаконен, нарушает Конституцию и подлежит отмене³. Но все это мало что (а точнее, ничего) не меняло. В 1919 г. под предлогом борьбы с суеверием во многих местах вскрывались мощи святых для "совершения экспертизы". Это особенно возмущало верующих, считавших подобные действия кощунством "над святыми"⁴. Недовольство выливалось в бунты, в антиправительственные выступления.

Консолидации антисоветских сил содействовали как волна крестьянских восстаний, прокатившаяся еще до восстания чехословацкого корпуса в Поволжье, на Урале, в Сибири, так и начавшаяся весной 1918 г. интервенция стран Антанты и Японии.

Летом 1918 г. страна оказалась в пучине ожесточенной братоубийственной войны, в кольце фронтов. Военная, экономическая и социально-политическая ситуация была такова, что ликвидация большевист-

* Проведение в жизнь декрета об отделении церкви от государства на местах было в ведении отделов управления исполкомов Советов.

ской власти, казалось, была неминуема. Однако партийно-советское руководство не "пало духом". Оно готово было на крайние меры, лишь бы сохранить "власть Советов". Тут уже было не до идеологических "принципов", не до демократии даже для одних трудящихся, не до "демократического централизма", провозглашенных "свобод", "прав", самоуправления и пр.

Чтобы удержать власть, большевистское руководство всемерно ужесточало "диктатуру пролетариата", вводило одну за другой чрезвычайные меры, подчиненные главной цели – устоять и победить. Опорой в проведении этого курса были армия и репрессивный аппарат.

2 сентября 1918 г. ВЦИК провозгласил Советскую республику военным лагерем⁴. 30 ноября ВЦИК и Совнарком приняли постановление об образовании Совета Рабочей и Крестьянской Обороны. Указывая на возрастающую опасность "вторжения соединенных полчищ мирового империализма" и что республика находится на положении военного лагеря, оно подчеркивало: во всех отраслях хозяйственной деятельности и государственного управления, всюду "должен быть установлен **военный режим**", Совету Обороны предоставлялась "вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств страны в интересах обороны", его постановления были обязательны для всех ведомств и учреждений, для всех граждан⁵.

В соответствии с режимом "военного лагеря" корректировалась система органов власти и управления. Создавались новые властные органы. В поисках спасения от надвигающегося голода ВЦИК и Совнарком в июне 1918 г. приняли декрет о комитетах бедноты. Это были чрезвычайные органы. Комитеты бедноты не ограничивались предоставленными им особыми полномочиями по заготовке хлеба, они вышли за предусмотренные декретом пределы и превращались в подлинную власть, заменяя общедемократические волостные и сельские Советы, навязывая деревне "социалистические" меры (экспроприация зажиточных крестьян, организация коммун и колхозов). Создание комбедов привело к двоевластию на селе, ненужной растрате сил и средств, к нарушениям интересов средних крестьян. Получалось, что несколько человек – членов комбедов, никем не избранные, не неся ответственности, командовали в деревне, волости, нередко при этом злоупотребляя властью. Господствовавшая на протяжении многих десятилетий в историографии эйфория в отношении комбедов была вызвана не реальной их положительной ролью, а конъюнктурно-догматическими обстоятельствами.

Всячески восхваляя деятельность комбедов, историки не обращали внимание на неожиданность их роспуска. В июне–сентябре организовано всего 29% комбедов от общего количества к концу года. А уже в октябре обсуждается вопрос об их ликвидации, и в начале ноября съезд Советов принял постановление об этом, поскольку они "свои задачи выполнили". Как же они могли (уже!) выполнить свои задачи, если большинство комбедов было создано буквально накануне и после принятия декрета об их роспуске?

В условиях войны высшее звено Советов – ВЦИК вопреки Кон-

ституции еще больше терял реальную власть: фактически она сосредоточилась в Совнаркоме, принимаемые им декреты и постановления предварительно обсуждались и утверждались созданным решением VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.) Политбюро. ВЦИК же их утверждал, как правило, автоматически. В его составе были коммунисты и беспартийные, представители рабочих, крестьян, красноармейцев. Однако формальный характер выборов на всероссийских съездах Советов (утверждались заранее заготовленные списки кандидатов, представлявшие фракциями съездов, самая многочисленная фракция коммунистов определяла и позицию ВЦИК) создавал возможность комплектовать ВЦИК в значительной части из партийных и государственных функционеров. VIII съезд РКП(б) высказался за то, чтобы члены ВЦИК были главным образом из местных деятелей, постоянно работающих среди рабочих и крестьян⁶. Пленум ЦК РКП(б), готовивший материалы к Седьмому Всероссийскому съезду Советов, 29 ноября 1919 г. счел нежелательным заполнение ВЦИК народными комиссарами и членами коллегий (допускал только по одному члену от каждого комиссариата) и высказался за то, чтобы за счет работников центра значительно увеличить представительство рабочих и крестьян, тесно связанных с широкими массами⁷. Эти решения остались лишь пожеланиями. Безвластие ВЦИК способствовало и придание законодательных полномочий его Президиуму, четкого разграничения функций этих двух органов не было.

Отступлением от Конституции явилось и создание в районах, где существовала непосредственная угроза противника, чрезвычайных органов власти – революционных комитетов. В этих случаях приостанавливалось функционирование Советов. Ревкомы не выбирались, а назначались, сосредоточивали в своих руках всю полноту гражданской и военной власти. В прифронтовой полосе власть советских органов ограничивалась армейским командованием.

Выполнение жестких требований экономии сил и материальных средств привело к объединению исполкомов городских и уездных Советов. В результате городские Советы оставались без своих исполнительных аппаратов, что также было отступлением от Конституции. К концу 1919 г., по данным 34 губерний, из 268 уездных городов лишь в 17 имелись исполкомы горсоветов⁸. Лишившись своего исполнительного аппарата и кадров, ушедших на фронт, городские Советы не могли вести активную работу. В течение 1919 г. большинство Советов уездных городов прекратили существование, их функции выполняли исполкомы уездных и губернских Советов.

В советской системе реальной властью стали исполкомы и их президиумы. Вызывалось это обстоятельствами объективного и субъективного характера. Нередко военная ситуация требовала немедленного принятия решений, не дожидаясь созыва Советов и их съездов, что вынуждало исполкомы подменять их. Но в этом была и личная и партийная заинтересованность руководителей большевистских организаций, занимавших в исполкомах ответственные ключевые посты. "Привыкая" к реальной власти, они уже старались не выпускать ее из

своих рук. К тому же наметилась тенденция к "личному режиму", решающее слово принадлежало председателю исполкома, за которым стояла партийная организация. Складывалась вертикальная субординация: нижестоящие исполкомы подчинялись вышестоящим, тогда как по Конституции они были в подчинении своего Совета.

Уже на VIII съезде партии некоторые делегаты отмечали, что Советы устраниются от непосредственного руководства, отрываются от масс и "начинают медленно умирать"⁹. "Мы уклонились от первоначального пути и стали по-иному строить наши Советы", – заявил на съезде Е.Н. Игнатов¹⁰.

Принятая на съезде Программа партии гласила: "Советское государство осуществило, между прочим, в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначенных властей"¹¹. Реальность же это не подтверждала. Назначенство было распространенным явлением.

Наметилась тенденция к отрыву городских Советов от коллективов, их избравших. Выражалось это, в частности, в том, что в работе многих Советов принимала участие лишь часть депутатов – представителей предприятий. Заместитель наркома внутренних дел М.Ф. Владимирский, будучи в Твери, посетил заседание городского Совета. Вместо 200 депутатов присутствовало здесь всего 25 человек¹².

Еще хуже обстояло дело с крестьянскими Советами. А.М. Большаков, писавший о Советах того времени не только как исследователь, но и мемуарист, констатировал: "Оттеснение общественной инициативы избранных населения и работа в волостном исполкоме приобрела чиновничий, казенный характер, мало кто из крестьян-домохозяев охотился идти работать в ВИК". Выбирали «по указке ... в конце концов подавляющее большинство населения стало просто саботировать выборы. Говорили: "Выбирать зовут, а выбирать не дают. Так нечего и ходить, сапоги рвать"»¹³.

В 1920 г. в Советской России побывал английский философ Бертран Рассел, знакомившийся, в частности, с функционированием государственных структур. Внимательный наблюдатель, он свои впечатления изложил в книге, написанной по свежим следам. "Всероссийский Совет, – писал он, – который, согласно Конституции, является высшим органом власти и которому подчинен Совет Народных Комиссаров... все больше и больше становится формальностью. В настоящее время его единственная функция, насколько мне удалось выяснить, без обсуждения ратифицировать уже принятые Коммунистической партией решения (особенно касающиеся внешней политики), требующие, согласно Конституции, его утверждения"¹⁴.

В условиях войны проводить съезды Советов в сроки, установленные Конституцией, было трудно. Все же съездов Советов всех уровней состоялось немало. Со второй половины 1918 и до конца 1920 г. проведено четыре всероссийских съезда Советов (V–VIII), в 1918 г. состоялось 75, в 1919 г. – 77, в 1920 г. – 80 губернских съездов Советов – по одному-два в каждой губернии в год; соответственно уездных съездов 714, 704 и 442 – также по одному-два в каждом уезде¹⁵.

По Конституции съезды Советов избирались по многоступенчатой системе – нижестоящими съездами и городскими Советами. Однако "избирательная практика" отошла от избирательной системы. На все съезды посылали свои представительства партийные организации коммунистов, организации комсомольцев, профсоюзов. Утверждалось, что таким образом лучше обеспечиваются ведущая роль рабочего класса как субъекта политической системы и его влияние на советскую политику. На деле же это давало коммунистам дополнительные места на съездах Советов. В то же время наметилось здесь снижение представительства рядовых рабочих.

Все же известный демократический потенциал съезды Советов сохраняли – и не только по составу делегатов. На них обсуждались основные вопросы как общегосударственной, так и местной жизни, отчитывались исполкомы, другие советские учреждения и по отчетам принимались решения. Сталкивались различные, нередко диаметрально противоположные точки зрения. Порой суровой критике подвергались как меры Советской власти, так и способы их осуществления. Но все это не меняло главное: съезды, как правило, проходили по сценариям руководства РКП и принимали решения, заранее им заготовленные. Это обеспечивалось и абсолютным преобладанием в руководящих органах Советов коммунистов.

Следует отметить трансформацию под влиянием послеоктябрьского опыта взглядов Ленина на Советы как органы управления трудящихся. На VIII съезде партии он говорил: "До сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, – кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинить. Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы"¹⁶.

Деформировалась и предусмотренная Конституцией субординация на местном уровне различных ведомств и Советов, а также местных Советов с центральными органами управления. Еще весной 1918 г. "левые коммунисты", стоявшие на децентралистских позициях, заметили тенденцию к централизации управления. В своем органе "Коммунист" они писали, что "форма государственного управления развивается в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющего с низов государства-коммуны". Н. Осинский бьет тревогу: "Мы строим не тот, не настоящий социализм"¹⁷.

С углублением гражданской войны местные учреждения как бы выводились из подчинения Советам и подчинялись непосредственно центральным органам. 1 декабря 1918 г. Народный комиссариат внутренних дел в своем отношении в Наркомат юстиции писал по этому поводу: "Никаких ведомственных учреждений, независимых от местных Советов и их исполкомов, подчиненных только центру, Советский строй, определенный Конституцией, не знает". И далее: «Кроме

соображений формального свойства, и по существу нельзя не признать крайне ненормальным явлением "ведомственность", которым так отличался старый дореволюционный бюрократический строй и которая теперь при своем развитии породила бы трения и постоянные конфликты и мешала бы здоровой централизации Советского аппарата»¹⁸. Действительно, все усиливающаяся ведомственность порождала множество конфликтов. Советы и их исполкомы жаловались во ВЦИК и Наркомат внутренних дел на наркоматы и главки, последние же, в свою очередь, обвиняли "места" в непонимании и нежелании считаться с необходимостью централизации. Центральные учреждения, исходя только из ведомственных интересов, игнорировали Советы, не считались с местными условиями.

На VIII Всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1919 г.) делегат от Новгородской губернии председатель губисполкома Н.Л. Мещеряков, возмущаясь нелепостями централизма, говорил, что "безголовые главки" каждый день присылают "7-аршинные телеграммы и каждая из них представляет для нас большущий железный кулак... они должны перестать быть непосредственными организаторами до последней спички, до последнего воза сена, который нужен для того или другого предприятия"¹⁹. Доходило до курьезов. Нарком почт и телеграфов А.М. Любич потребовал ареста заведующего отделом связи Московского губисполкома за невыполнение его распоряжения²⁰. Имея в виду подобные факты, Т.В. Сапронов на IX съезде РКП(б) заявил: отдельные наркомы за неисполнение своих приказов не только угрожали арестом губисполкомам, но иногда приводили в исполнение угрозы²¹. Исполкомы же, в свою очередь, нередко игнорировали объективную необходимость централизации.

Проблема взаимоотношений "центра и мест" обсуждалась на съездах партии, местных и всероссийских съездах Советов. На Седьмом Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.) той и другой стороне возражал Л.Д. Троцкий. "Мы не можем выкинуть централизм за борт, – говорил он, – но мы должны обломать ему слишком выдающиеся ребра и сочетать его с инициативой на местах". И далее: "Не заглушайте нас чрезмерным централизмом, а давайте выработаем в деловом порядке регламент. Что нам делать, куда центру не нужно соваться, а что останется неотъемлемым правом центра"²². Это была в общем правильная постановка вопроса. Однако монополия государства в экономике и управление всеми отраслями хозяйства из единого центра, сформированное в форме так называемого главкизма, не позволяли "обломать слишком выдающиеся ребра" централизма.

Сложившаяся жестко централизованная административно-управленческая система сковывала инициативу Советов. Главным ее методом руководства нижестоящими звеньями был командно-приказной: "Исполнить и доложить!"

Жесткий централизм в военной обстановке был эффективен. Другое дело, каковы были его пределы. Найти необходимую грань, установить в ходе тяжелейшей гражданской войны правильные соотношения между центральными и местными государственными органами

было нелегкой, может быть, неразрешимой задачей. К тому же сказывались и внутрипартийные централистские традиции большевиков. Хотя они всячески подчеркивали свою приверженность демократическому централизму, на практике упор делали на централизм, переноса этот принцип и на управление государством.

Крайняя централизация стала характерной чертой советской политической системы. Практика сосредоточения власти в руках тех лиц, кто возглавлял ту или иную аппаратную структуру государства, открывала шлюз для занятия государственных постов карьеристами, рвавшимися наверх по иерархической лестнице власти. При отборе кадров руководствовались главным требованием – "политические качества", а критерием этих "качеств" было наличие наименования "коммунист". Деловые качества, знания считались чем-то второстепенным, учитывались "по возможности". Новые управленцы, в массе своей некомпетентные, были легкозаменяемы, и для того, чтобы удержаться на своих постах и тем более чтобы подняться на следующую ступень власти, вынуждены были выслуживаться перед вышестоящим начальством, ретиво выполнять их указания. Формировалось такое качество управленцев, как угодливание, чинопочитание. Складывался тип руководителей с антидемократическими наклонностями, уверенных в том, что цель оправдывает средства, включая насилие.

Упоение властью, административное рвение руководителей, часто невежественных, с низкой общей и политической культурой, "воспитываемых" к тому же в атмосфере отрицания внеклассовой морали, нравственности, которую якобы должна сменить коммунистическая ("нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата")²³, приводили к нарушениям – "в интересах революционной целесообразности" – не только общечеловеческих, но и даже советских законов. Это наблюдалось и в деятельности исполкомов Советов. Так, исполкомы и их отделы управления нередко выносили постановления о направлении виновных на принудительные работы и о предании тюремному заключению без передачи дел народному суду. В одном из докладов председателю ВЦИК М.И. Калинину сообщалось, например, о том, что отдел управления Усманского уездного исполкома (Тамбовской губернии) по некоторым делам сам судил и приговаривал к наказаниям до 5 лет принудительных работ²⁴.

В системе государственных органов особое значение приобрели ВЧК и местные ЧК, их сеть не ограничивалась территориальными чрезвычайными комиссиями – они создавались и в армии, и на транспорте.

Согласно положению ВЦИК о всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях от 28 октября 1918 г., ВЧК – орган Совета Народных Комиссаров, работающий в тесном контакте с народными комиссариатами внутренних дел и юстиции. Председатель ВЧК входил в коллегию НКВД. Комиссариаты же внутренних дел и юстиции должны были делегировать своих представителей в ВЧК²⁵. Предполагалось, что это создаст известный контроль над ЧК. Не тут-то было. На деле их деятельность была бесконтрольна. Случаев произвола, ничем не оправдан-

ных жестоких репрессий было множество. Никакой статистике они не поддаются.

НКВД и Наркомат юстиции время от времени обращались в коллегия ВЧК по отдельным случаям произвола с предложениями "расследовать", "наказать виновных". Так, в конце ноября 1918 г. в НКВД обсуждался вопрос о преступлениях, совершавшихся в Елецкой уездной ЧК. Предлагалось поставить в известность о них ВЧК для принятия ею со своей стороны мер²⁶. Голоса возмущения действиями чекистов раздавались на съездах Советов, заседаниях исполкомов. На Владимирском губернском исполкоме было доложено, что ЧК брала заложников в основном из мелкой буржуазии и держала их в тюрьме, не предъявляя никаких обвинений, а на делах ставились лишь отметки "буржуй", "охранник" и т.п.²⁷ Всемогущая ВЧК, однако, мало считалась с критикой, отвергала попытки "вмешательства" в свою "сверхважную" и только ей подведомственную деятельность. В "Еженедельнике чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией" в сентябре 1918 г. было опубликовано разъяснение всем губернским ЧК "тов. председателя" ВЧК Я.Х. Петерса: ВЧК "совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК"; губернские и уездные чрезкомы "в своей деятельности также самостоятельны"; "ведомства юстиции и внутренних дел не могут вмешиваться в деятельность ЧК"²⁸.

На протяжении десятилетий советские авторы в своих трудах изображали чекистские органы как образцовые учреждения, состоявшие чуть ли не из одних "рыцарей без страха и упрека". Однако главное требование для поступления туда на работу – членство в большевистской партии – не закрывало двери этих учреждений карьеристам, верившим или делавшим вид, что верят в свое идейно-коммунистическое предназначение. Такие чекисты пользовались заведомо ложными доносами, чтобы возбудить громкие дела и тем доказать свое рвение для продвижения по служебной лестнице.

Временами председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский сурово карал отдельных чекистов за злостные преступления. Но "воспитательный" эффект таких "примеров" был невелик. Установка на массовые репрессии в отношении "врагов диктатуры пролетариата" уже сама по себе создавала питательную среду для нарушений элементарной законности, правового беспредела.

О Ф.Э. Дзержинском написано много книг, как правило, он предстает в них однопланово – "справедливый Феликс". Однако лично честный, но фанатично обуреваемый "классовой" ненавистью, он сам то и дело творил "суд и расправу". Думается, известное представление о нем дает его письмо, написанное жене в мае 1918 г.: "Я нахожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасти наш дом. Некогда думать о своих и о себе... Мысль моя заставляет меня быть беспощадным, и во мне твердая воля идти за мыслью до конца..."²⁹ Придерживаясь большевистского взгляда на право как волю рабочего класса, следовательно, его партии, он соответственно относился к понятию "революционная законность".

По мере расширения масштабов гражданской войны усиливались репрессивные полномочия и другого орудия власти – революционных трибуналов. Постановлением Наркомата юстиции от 16 июня 1918 г. им предоставлялось право применения любой меры наказания³⁰, в практику входил расстрел. Со второй половины 1918 г. ревтрибуналы начали как бы отдаляться от системы Комиссариата юстиции, получив свои руководящие центры – Верховный трибунал и Кассационный отдел при ВЦИК. Однако в то время они еще мало отличались от местных судов, занимаясь по существу уголовными делами, которые были подсудны народным судам. Контрреволюционными и иными, считавшимися серьезными, преступлениями занимались ЧК.

Постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 г. передавало ревтрибуналам право вынесения приговоров по всем делам, возникаемым в ЧК. Сами же ревтрибуналы "для решительного пресечения преступлений и быстроты разбора дел" предлагалось реорганизовать, указывалось, в частности, что все три судьи ревтрибуналов должны избираться губернскими исполнительными комитетами, а в крупных городах – городскими Советами³¹. Положение ВЦИК от 4 апреля 1919 г. определяло вопросы организации, компетенции, правомочия революционных трибуналов. Они учреждались "со специальной целью рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против всех завоеваний Октябрьской революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти". Трибуналам предоставлялось "ничем не ограниченное право в определении меры репрессии". Ревтрибуналы создавались во всех губернских городах по одному на губернию, они могли быть созданы также в городах с населением свыше 200 тыс. Они избирались местными Советами или их исполкомами в составе председателя и двух членов трибунала из ответственных политических работников сроком на один месяц. Каждый член трибунала мог быть отозван в любое время постановлением Совета или исполнительного комитета, избравших его. Приговоры трибуналы выносили "руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велением революционной совести". Заседания публичны и в присутствии обвиняемого³². Последующими законодательными актами подсудность трибуналов еще более расширялась, они рассматривали дела не только политические, но и о преступлениях хозяйственных, должностных и др.³³ Система революционных трибуналов была распространена также на вооруженные силы и железнодорожный транспорт. Параллельное существование двух судебных систем – общих и исключительных (ревтрибуналы) судов – важнейшая особенность судебного механизма первых лет Советской власти.

Народные суды в основном занимались мелкими уголовными и гражданскими делами. 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял новое Положение о народном суде РСФСР. В зависимости от сложности и важности дел народный суд действовал в составе: 1) постоянного народного судьи единолично; 2) постоянного судьи и двух народных заседателей; 3) постоянного судьи и шести народных заседателей. Более тяжкие преступления расследовались следственными комиссиями. Положение запре-

тило ссылаться на законы свергнутых правительств, судам надлежало руководствоваться только советскими законами и "социалистическим правосознанием"³⁴. Но не разъяснялось, что такое "социалистическое правосознание".

В пределах губернии судами руководили отделы юстиции исполкомов губернских Советов. Их задачами были организация народных судов, следственных комиссий, коллегий обвинителей, защитников и наблюдение за их деятельностью, организация правовой помощи населению, заведование местами заключения, организация принудительных общественных работ для лишенных свободы. Законы не предоставляли отделам юстиции исполкомов права вмешиваться в судопроизводство. На деле же суды не были гарантированы от вмешательства. Третий Всероссийский съезд работников советской юстиции (июнь 1920 г.) отмечал, что Советы вмешивались в деятельность судов, необоснованно отзывали народных судей. Проявлялась тенденция вмешательства и партийных руководителей. При такой практике не мог соблюдаться принцип независимости судей и подчинения их только закону. К этому следует добавить низкую правовую культуру самих судей, а точнее, отсутствие ее у многих из них – вчерашних рабочих и крестьян, не имевших никакой специальной подготовки.

Одна из особенностей деятельности судебных органов в те годы – резкое сокращение гражданского судопроизводства. Связано это было с состоянием экономики и проводившейся экономической политикой ("военный коммунизм"): национализация почти всей промышленности, свертывание хозяйственного оборота, натурализация хозяйственных отношений, обесценение денег ограничили почву для возникновения гражданских дел.

Установленные законами разграничения в компетенции правоохранительных органов (ЧК, ревтрибуналы, народные суды) были недостаточно конкретны, а на деле и предусмотренные разграничения не всегда соблюдались. Вскоре после окончания гражданской войны "Известия ВЦИК" констатировали: нет разграничения функций между ЧК и чисто судебными учреждениями; нет точных указаний о подсудности дел тем или иным судебным учреждениям; отсутствуют специальные законы с определением наказания за данное преступление; суды и ревтрибуналы выносят приговоры "по своей совести"³⁵.

Различным объемам компетенций и "классовых" полномочий ревтрибуналов и судов соответствовали и различия по уровню образования членов ревтрибуналов и судей (в %)³⁶:

	Образование		
	высшее	среднее	низшее
Члены ревтрибуналов	4	10	86
Народные судьи	18	10	72

Особых комментариев эти цифры не требуют. Члены ревтрибуналов почти сплошь с низшим образованием, зато с высшим "классовым" и "политическим цензом". В народные же судьи допускались беспартийные, и хотя большинство из них также имели лишь низшее образование, все же процент судей с высшим и средним образованием довольно высок – 28%. Это были специалисты-юристы. Впрочем, по тогдашним "классовым" воззрениям специалисты-юристы и не были нужны. "Новое судопроизводство отличается необыкновенной простотой, – говорилось в отчете Владимирского губернского отдела юстиции за 1919 г., – и опыт показал, что для народных судей вовсе не требуется глубоких юридических познаний. Требуется лишь одно общее ознакомление с законодательством советской власти и глубокая преданность рабочекрестьянскому делу"³⁷.

Имеющаяся архивная справка в деле Совнаркома позволяет судить о масштабах судебных приговоров к отбыванию наказаний в тюрьмах РСФСР. В октябре 1919 г. в них заключенных было 38 тыс. человек, на 30% больше, чем на 1 января того же года³⁸. В 1920 г. народными судами было осуждено 582 571 человек, из них к лишению свободы – 199 182, в том числе условно – 79 979. Остальные были приговорены к мерам наказания, не связанным с лишением свободы³⁹.

Нарком юстиции Д.И. Курский вскоре после окончания гражданской войны констатировал: "Суд, классовый пролетарский суд, становился или органом расправы с классовыми врагами (ревтрибуналы), или на три четверти судом уголовным (нарсуды). Задачи НКЮ были сужены, так как самые вопросы права играли подчиненную роль: там, где гремят пушки, молчит право"⁴⁰.

К системе правоохранительных ведомств относился Народный комиссариат внутренних дел. В марте 1919 г. Ф.Э. Дзержинский, оставаясь председателем ВЧК, сменил на посту наркома НКВД Г.И. Петровского, ставшего председателем Всеукраинского ЦИК. Заместителем наркома был М.Ф. Владимирский, повседневно руководивший наркоматом. О многогранности деятельности НКВД свидетельствует уже одно перечисление ее основных направлений: непосредственное руководство советским строительством на местах; общее административное управление; руководство милицией; регулирование проводившихся на местах конфискаций, реквизиций и контрибуций; решение вопросов, относящихся к положению иностранцев, беженцев, военнопленных; руководство коммунальным хозяйством; борьба с военным и трудовым дезертирством; административное регулирование и обеспечение выполнения населением государственных законов и повинностей: воинской, подразверсточной, трудовой и др.

В чрезвычайных обстоятельствах на Народный комиссариат внутренних дел возлагалась обязанность принимать "необходимые меры". Так, "Положение ВЦИК о местностях, объявленных на военном положении" (13 августа 1920) предусматривало, что Наркомвнудел осуществляет общее руководство по проведению военного положения в республике. ВЦИК, Совнарком, Совет Обороны, объявляя военное положение в отдельных местностях, действовали через Наркомвнудел. В

экстренных случаях и ему предоставлялось право объявления военного положения (с немедленным уведомлением об этом Совнаркома). "Положение" довольно подробно перечисляло действия наркомата в таких условиях⁴¹.

Подразделением НКВД был отдел по управлению лагерями принудительных работ*. По данным этого отдела, в конце 1920 г. в 84 лагерях отбывали наказания 25 236 человек. Их сословная принадлежность: крестьян – 66%, мещан – 21, дворян – 6, других сословий – 7; лиц "интеллигентных профессий" – 33, рабочих – 31, работников земли и леса – 36%. Имеются также сведения о том, кем они были осуждены: чрезвычайными комиссиями – 54%, народными судами – 14, ревтрибуналами – 12, реввоен трибуналами – 7, другими административными учреждениями – 13%. На первом месте были обвинения в причастности к контрреволюционной деятельности – 27%, затем шли уголовные – 21, спекуляция – 17,5, дезертиры – 17, должностные преступления – 12, антиобщественные (пьянство, тунеядство) – 4,3 и прочие – 1,2%.

Основная масса заключенных была осуждена на срок от 1 до 5 лет (61%), свыше 5 лет – 13%, 19% содержались в качестве заложников и 7% еще находились под следствием⁴². Главная задача лагерей принудительных работ – "приучение заключенных к труду и использование их рабочей силы".

Частью НКВД являлось Главное управление милиции, руководившее милицией на местах, где она подчинялась Советам, в том числе железнодорожной и речной милицией. Постановлением Совета Оборона от 28 мая 1919 г. в подчинение наркомата переходили все вспомогательные войска, находившиеся в распоряжении отдельных ведомств (за исключением войск железнодорожной и пограничной охраны)⁴³. Порядок службы в этих войсках был тот же, что и в Красной Армии. В случаях особой необходимости они привлекались к выполнению боевых заданий. Такова система правоохранительных органов в годы гражданской войны.

Особую роль в политической системе играли вооруженные силы. Они были главным орудием власти, защищавшим ее в кровопролитной братоубийственной войне. В условиях, когда вся жизнь Республики была подчинена этой войне, Красная Армия поглощала все материальные ресурсы и прямо или косвенно диктовала свою волю всем государственным структурам. Направлением строительства армии была дальнейшая централизация. 19 августа 1918 г. Совнарком принял декрет "Об объединении всех вооруженных сил республики в ведении Народного комиссариата по военным делам". Войска специального назначения других наркоматов (НКПС – охрана путей сообщения, торговли и промышленности – пограничная охрана, НКВД – судоходная охрана,

---

* Образованы в апреле 1919 г. для нарушителей, приговоренных к принудительным работам ревтрибуналами, ЧК и народными судами (СУ РСФСР. 1919. № 12. Ст. 124; № 20. Ст. 235). Более жесткой формой наказания было содержание в концентрационных лагерях лиц, осужденных по обвинению в контрреволюционной деятельности (Там же. № 12. Ст. 130).

Наркомпрода – продовольственные отряды) становились частью Советских Вооруженных Сил⁴⁴.

Положение ВЦИК о Революционном Военном Совете Республики, принятое 30 сентября 1918 г., установило: в распоряжение РВСР представляются для нужд обороны все силы и средства народа, по его заданиям работают все военные учреждения, а остальные советские учреждения удовлетворяют его требования в первую очередь. Председателем РВСР являлся народный комиссар по военным и морским делам, утверждаемый ВЦИК, члены коллегий Наркомата по военным делам входили в состав РВСР. Все члены РВСР, в том числе гравнокомандующий, утверждались Совнаркомом⁴⁵. Наркомат по военным делам продолжал существовать, однако его аппарат фактически слился с аппаратом РВСР, а нарком Л.Д. Троцкий возглавил также РВСР. По существу РВСР – чрезвычайный орган с широкими полномочиями по всем вопросам, связанным с ведением войны, он являлся высшим органом военного управления и политического руководства войсками.

В функции РВСР входили разработка и осуществление планов обороны Советской республики, управление вооруженными силами и их снабжение; руководство органами местного военного управления, осуществление призывов на военную службу, руководство комплектованием, обучением и подготовкой частей Красной Армии, подготовка командного и политического состава Красной Армии; политическое воспитание военнослужащих, установление штатов войсковых частей и т.д.

Была выработана стройная система управления Красной Армией, основанная на принципах последовательного централизма и строжайшей воинской дисциплины. Политическое руководство Красной Армией исходило от ЦК РКП(б) и осуществлялось разветвленным партийно-политическим аппаратом (партийные ячейки в воинских частях и соединениях, Политуправление республики, политотделы фронтов, армий, дивизий).

Особую роль играли политические комиссары – "пролетарское око" в частях и соединениях, контролировавшие военных специалистов. Образное определение роли комиссаров дал Л.Д. Троцкий, назвав их "новым коммунистическим орденом самураев", члены которого, не пользуясь привилегиями касты, умеют "умирать и учат других умирать за дело рабочего класса"⁴⁶.

Стержнем политико-идеологической работы, которая должна была цементировать войска, было воспитание у красноармейцев ненависти к "буржуазным" классам, белогвардейцам. Формирование Красной Армии на основе классового принципа и воспитание у бойцов – рабочих, крестьян "классового сознания" способствовали ожесточению, непримирности и массовому кровопролитию. Впрочем и по другую сторону фронта также культивировались ненависть и жестокость.

Важным фактором воспитания бойцов и командиров Красной Армии, обеспечившим воинскую дисциплину, был страх, насаждавшийся жестокими наказаниями за неподчинение. Характерны приказы Троцкого о расстрелах красноармейцев, проявивших трусость, бежавших с

поля боя. Позже, в октябре 1921 г., Ленин признал: В Красной Армии «применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, меры, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: "Вот большевики ввели расстрелы". Мы должны сказать: "Да, ввели, и ввели вполне сознательно"»⁴⁷.

Красная Армия была инструментом управления и защиты советской политической системы. Она сражалась не только на фронтах с противостоящими ей армиями, но и в тылу, подавляя антисоветские восстания. Армейская казарменная дисциплина и централизация были для партийно-советского руководства образцом в осуществлении милитаризации всей страны.

Все части, все структуры Советского государства, согласно законодательству и пропагандистскому его толкованию, должны были стоять на страже "революционной законности и интересов трудящихся". Но благими пожеланиями "дорога в ад вымощена". Направляя основные удары по "классовому врагу", эти органы, особенно чекистские, частенько теми же методами действовали и по отношению к своим "братьям по классу", совершая неоправданные насилия и беззакония. В начале 1919 г. нарком внутренних дел Г.И. Петровский получил из Сызранского уезда Пензенской губернии письмо, в котором сообщалось: произвол местных властей «не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности все самое дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм.

При взимании чрезвычайного налога применяются пытки мрачного средневековья. Крик "расстреляю" раздаётся гораздо чаще, чем при крепостном праве раздавался крик "запорю"... Наскоро испеченные "коммунисты" совершенно не способны разбираться в вопросах государственной политики. Раскладка налогов, производство реквизиций и конфискации совершаются вне каких бы то ни было соображений целесообразности. Производят же все это люди, до революции известные местному населению с самых дурных сторон, люди, зачастую с уголовным прошлым. О полном отсутствии гарантии личной неприкосновенности и говорить не приходится: сами действия уездных властей вопиют об этом»⁴⁸.

В организационной секции VIII съезда РКП(б) Л.С. Сосновский рассказывал, что на вопрос, как сделать так, чтобы средний крестьянин был на нашей стороне, Ленин ответил: "Накормить мы его не можем, мануфактуры дать не можем, дать такую программу, которая удовлетворяла бы его собственнические интересы, не можем, но можем перестать безобразничать и вести башибузукскую политику, которую ведут провинциальные товарищи, начиная с уезда и кончая губернией"⁴⁹. Но и этого советские власти не могли.

В 1919 г. только в Наркомат госконтроля и его местные отделения поступило 26 529 жалоб от населения и различных организаций. На первом месте среди жалобщиков были крестьяне (17,2%). Жаловались по поводу незаконных конфискаций и реквизиций (28,4%), арестов (12,7%), злоупотреблений должностных лиц (9%). Больше всего жаловались на Советы (20,6%) и чрезвычайные комиссии (16,4%)⁵⁰.

Жалобы потоком шли в президиум ВЦИК. За неполных девять месяцев 1920 г. "всероссийский староста" М.И. Калинин сам принял свыше 4 тыс. "ходоков", жалобы которых касались основных "болевых точек" населения, прежде всего крестьянства. На первом месте были жалобы по вопросам продовольственным, затем по делам о реквизициях и конфискациях, земельным, сельскохозяйственным, выселений и переселений, социального обеспечения, трудовой повинности, церковным и т.д.⁵¹

ВЧК регулярно направляла председателю Совнаркома информационные сводки о настроениях на местах. В них многочисленные сообщения о повсеместных волнениях, восстаниях крестьян в уездах и волостях, дезертирстве из Красной Армии⁵². Крестьяне выдвигали требования "настоящих Советов", "Советов без коммунистов".

"Диктатура пролетариата" и по отношению к рабочему классу действовала принуждением. Наиболее его массовой формой была милитаризация труда. Она вызывалась необходимостью обеспечить производство рабочей силой в условиях войны. Но большевики считали принуждение и в отношении рабочих закономерностью всего переходного периода от капитализма к социализму – в то время оно не должно ограничиваться рамками прежде господствовавших классов, оно "переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс". Н.И. Бухарин, автор этих слов, в мае 1920 г. писал: "Пролетарское принуждение во всех его формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи"⁵³.

Нельзя отрицать логичность рассуждений Бухарина: поскольку не признаются экономические методы преобразований, остается уповать только на административно-принудительные. Л.Д. Троцкий, проповедовавший милитаризацию труда, на IX съезде партии 30 марта 1920 г. говорил: "В военной области имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Это должно быть в том или другом виде и в области трудовой. Безусловно, если мы серьезно говорим о плановом хозяйстве, которое охватывается из центра единством замысла, когда рабочая сила распределяется в соответствии с хозяйственным планом на данной стадии развития... Она должна быть перебрасываема, назначается, командирована точно так же, как солдаты". Необходим такой режим, "при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит – он будет дезертиром, которого карают"⁵⁴. Этот взгляд был отражен в тезисах ЦК РКП(б) к IX съезду партии "О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд". "В переходной стадии развития, – говорилось в "Тезисах", – в обществе, отягощенном наследием самого тяжкого прошлого, переход к планомерно организованному

общественному труду невыносим без мер принуждения как в отношении к паразитическим элементам, так и в отношении к отсталым элементам крестьянства и самого рабочего класса. Орудием государственного принуждения является его военная сила. Следовательно, элемент милитаризации труда в тех или других пределах, в той или иной форме неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности"⁵⁵.

Появление такого положения в официальном документе ЦК РКП(б) – это один из примеров того, как эпоха гражданской войны накладывала свою печать на идеологию партии. В программе партии о милитаризации еще ничего нет. Здесь по вопросу о мобилизации рабочей силы упор сделан на роль в этом профессиональных союзов, на перевоспитание масс, воспитание "социалистической дисциплины". Это также пример того, как упрощенные теоретические доктрины оказывали влияние на практику.

О позиции Ленина в этом вопросе свидетельствуют его замечания на книгу Н.И. Бухарина "Экономика переходного периода" В главе "Внеэкономическое принуждение в переходный период" Бухарин рассуждает о политической власти, разрывающей капиталистические производственные отношения и постепенно вставляющей "непролетарские людские элементы производства в систему новой общественно-производственной связи". Ленин пишет: "Очень хорошо!" Дальше Бухарин замечает, что это же «"концентрированное насилие" отчасти обращается и вовнутрь, являясь фактором самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся...». Ленин пишет: "Верно!"⁵⁶ Принуждение, по Бухарину, необходимо, в ходе развития при постоянном перевоспитании (последнее слово Ленин особо подчеркнул) элементы принуждения становятся все меньше. "Вот эта глава превосходна!" – заключает Ленин⁵⁷.

Приведу еще мнение о милитаризации труда руководителя профсоюзов М.П. Томского. В 1920 г. в октябрьском номере органа ВЦСПС) "Вестник труда" помещена его статья "Милитаризация труда". Резко бичуя меньшевиков, выступавших против милитаризации труда, "придерживающихся фетишей буржуазного общества" вроде "свободы труда", Томский объяснял: "Милитаризация труда в обстановке диктатуры пролетариата есть не что иное, как распределение рабочей силы согласно общегосударственному плану и текущим хозяйственным потребностям, хотя бы и против воли отдельных групп рабочих, которых в тот или иной момент касается эта мера". Это-де в интересах "класса в целом"⁵⁸.

Милитаризация труда, диктаторство в отношении самого рабочего класса советская историография, упрощая проблему, связывала с Л.Д. Троцким – все это "зло" шло от него. Между тем они не только его позиция, они составная часть партийной идеологии и разделялись всем руководством партии. Диктаторские методы управления и милитаризацию многие рабочие воспринимали как необходимые, даже одобряли их, будучи уверены, что они, рабочие, сами осуществляют диктатуру, которая направлена прежде всего против прихода к власти бело-

гвардейцев. Считалось к тому же, что такие методы позволяли успешно вести борьбу с анархией, создавать дисциплинированную армию. Нельзя сбрасывать со счетов, не учитывать и психологию довольно широкой рабочей массы, увлеченной идеей социализма, в течение многих лет проповедваемой социалистами всего политического спектра – от правых меньшевиков до большевиков. И хотя об этой идее рабочие имели весьма смутное представление, составленное по лозунгам и приказам, многие проявляли страстное нетерпение в кратчайшие сроки преобразовать общество. В "Чевенгуре" А. Платонов рельефно показал, как охваченные революционным романтизмом, они хотели войти в коммунизм "к будущему лету". Горячая вера в лозунги не позволяла осознать их утопизм, "энергия заблуждения" побуждала принимать принудительные меры реализации лозунгов, соглашаться с ними. Но это относится к части рабочего класса. Большинству рабочих было не до иллюзорного будущего, они все больше выражали недовольство настоящим.

"Мы создали военно-советскую культуру" – такими словами на IX съезде РКП (март–апрель 1920 г.) Н. Осинский определил то общество, которое получилось⁵⁹. "Военно-советская культура" подкреплялась разнообразными средствами идеологического воздействия на широкие массы трудящихся, находившимися в монопольном распоряжении коммунистов. Этому же служили меры по "замене" старых традиций, обрядов, праздников новыми, революционно-классовыми.

Характерной чертой Советского государства стал чудовищный бюрократизм. То, что оно было "заражено" бюрократизмом, наша историография признавала. Да и как было не признавать, если об этом сам Ленин неоднократно говорил, писал, подчеркивая опасность этой болезни для создаваемого общественного строя. Однако проблема упрощалась, корни бюрократизма виделись в наследии старого общества, причины его сводились к людям, склонным к бумаготворчеству, волоките, к пришедшим в аппараты государства старым чиновникам, "принесшим с собой бюрократические навыки". И хотя во всем этом элементы истины были, главное – огосударствление всех сфер жизни страны не принималось во внимание, более того, считалось, что это условие преодоления бюрократизма. В этой связи небезынтересно обратиться к взглядам Макса Вебера на проблему бюрократизма. Анализируя капиталистическое производство, он показал, как по мере его монополизации, картелизации неизбежно усиливаются управленческое чиновничество, власть бюрократии. При социализме же, предвидел он, бюрократия вырастет во много крат. В этом обществе, отвергающем частную собственность, монопольным собственником средств производства становится государство. Государственный социализм по отношению к пролетариату выступает как властный предприниматель, организующий плановую экономику на бюрократических началах. Положение рабочего в этом обществе ухудшится, так как, будучи полностью зависимым от социалистического государства, он теряет право на забастовки и другие методы борьбы за улучшение

своего материального положения. Бюрократия же, составляя особую корпорацию, становится господствующей над обществом и бесконтрольной⁶⁰. История подтвердила здравость этих рассуждений и утопичность расчетов на то, что в Советском государстве, ставшем монополистом средств производства, государственный аппарат будет лишен "всякого бюрократизма".

Было немало и других причин небывалого роста бюрократизма. В новый государственный аппарат влились десятки, сотни тысяч людей, не имевших не только специального, но часто и элементарного образования, опыта управленческой, административной работы. В Новгородской губернии инструкторы губисполкома по своей неопытности "вместо улаживания конфликтов усиливают лишь озлобление населения своими действиями", – сообщалось в информационном листке о положении на местах, поступившем в июле 1919 г. в НКВД⁶¹. Заведующий отделом управления Пошехоно-Володарского уезда "пришел на этот ответственный пост от сохи, не знает задач и методов работы отдела", – докладывал инструктор Ярославского губисполкома, командированный в уезд⁶². Это типичные штрихи, характеризующие "деловые качества" управленцев местного государственного аппарата. Техническую работу в комиссариатах, главках, различных комитетах, комиссиях, совнархозах и т.д. выполняли многочисленные полуинтеллигентные слои: конторщики, писари, мелкие чиновники и др., для которых служба в советских учреждениях была только средством получения продовольственных карточек. В государственный аппарат пришли и десятки тысяч дореволюционных чиновников, специалистов, вынужденные пойти "на службу" из-за денег и продовольственного обеспечения, сознательно или бессознательно саботировавшие Советскую власть.

Взяв на себя прямые экономические функции, заготовку и распределение предметов потребления, управление предприятиями, а также остальными сторонами народной жизни, государственный аппарат вырос до гигантских масштабов. Образовалась разветвленная административно-управленческая бюрократическая структура.

Осенью 1918 г. член ВЦИК П.Г. Сидович в докладе во ВЦИК писал, что в исполкомах "слишком много людей в них и слишком много бестолочи. Бумажное делопроизводство пухнет во вред живому делу"⁶³. По имевшимся в Наркомате внутренних дел данным, в 1920 г. в отделах 53 губисполкомов работали 197 557 человек, при этом оставалось 77,7 тыс. штатных вакансий⁶⁴.

Содержание государственного аппарата поглощало огромные средства. В записке на имя наркома госконтроля в октябре 1918 г. нарком финансов Н.Н. Крестинский отмечал, что многочисленные штаты служащих "весьма тягостно отражаются на расходах государственного казначейства"⁶⁵. К тому же от производительного труда отвлекались большие массы людей. Но главное – разбухание государственного аппарата способствовало бюрократическим извращениям в его деятельности. Благодатной почвой для этого была сверхцентрализация с административно-приказными методами управления.

Разбухший государственный аппарат работал в "инфарктном режиме", давал сбои, для их ликвидации постоянно требовались чрезвычайные меры, "ударные" методы в виде субботников, трудовых мобилизаций, различных кампаний.

Напрасны были призывы Ленина, звучавшие как заклинания: придется "вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма", мы с ним будем бороться долгие годы, "потому что для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер", нужны "поголовная грамотность, поголовная культурность"⁶⁶. История показала, что и "поголовная грамотность" не панацея, если сохраняются глубинные, коренные причины роста бюрократизма. Пытаясь остановить процесс бюрократизации государственного аппарата, власть принимала различные меры, в основном приказного характера. Так, постановление Совета Обороны о борьбе с областничеством и канцелярской волокитой (8 декабря 1918 г.) обязывало все учреждения исполнять постановления и распоряжения центральной власти точно и беспрекословно, пресечь тормозящую работу канцелярскую волокиту, заменять переписку переговорами по телефону, обязательно проверять исполнение предписаний и распоряжений⁶⁷. Опубликованная 9 апреля 1919 г. "Декларация о ближайших задачах ВЦИК" требовала устранить "бумажную волокиту и чиновный формализм" в работе органов Советской власти⁶⁸. Через два дня Президиум ВЦИК предложил народным комиссариатам сократить количество анкет, посылаемых для заполнения в волостные и уездные исполкомы⁶⁹. В мае 1919 г. управление делами Совнаркома обратило внимание народных комиссариатов, что на многие запросы центра местные власти отделяются отписками, заслоняющими незаконность поступков ответственных лиц. Предлагалось во всех подобных случаях немедленно привлекать к ответственности таких представителей власти⁷⁰. Декрет Совнаркома "Об устранении волокиты" (30 декабря 1919 г.)⁷¹ предписывал всем органам власти, всем должностным лицам советских учреждений неукоснительно выполнять постановления Шестого Всероссийского съезда Советов о точном соблюдении законов, устранении волокиты, быстром и внимательном рассмотрении жалоб граждан, а виновных в несоблюдении постановления карать по приговору народных судов. В Наркомате земледелия была допущена канцелярская волокита, на что 31 июля 1919 г. последовало указание Совнаркома наркомату юстиции: выяснить ответственных и привлечь их к суду революционного трибунала как за преступление по должности⁷². Подобных грозных государственных актов было множество, но видимых результатов они не давали, метастазы болезни охватили весь государственный аппарат, центральный и местный, болезнь оказалась неизлечимой. На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Ленин по существу признал безуспешность всех "антибюрократических" мер, объяснив это тем, что "мы слабы, нет сил"⁷³. Это объяснение не вскрывало главного – корневую основу роста бюрократизма: монополярная, охватывающая все и вся сверхцентрализованная власть государства.

Видели ли и понимали ли руководители правящей партии, что

государственный воз движется не туда, куда они его направляют? Такое понимание у части руководящих деятелей было, хотя касалось оно лишь отдельных сторон партийно-советской политики и практики. Острая критика негативных процессов раздавалась на всероссийских съездах Советов и партийных форумах. Так, на Восьмом Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.) некоторые ораторы заявляли, что советская система деградирует в бюрократическую аппаратную структуру. Даже Г.Е. Зиновьев, один из наиболее воинствующих защитников непорочной чистоты большевистской политики, на съезде признал: "Нынешние Советы являются не такими, каковыми они нам казались в начале Октябрьской революции"⁷⁴.

Особенно остро критиковали государственный аппарат лидеры оппозиции Н. Осинский, Т.В. Сапронов, Е.Н. Игнатов. Однако и эти критики, прочно стоя на утопических позициях "диктатуры пролетариата", государственного монополизма и "руководящей роли" РКП(б), не в состоянии были вскрыть глубинные корни пороков системы. Ленин же, в ряде случаев соглашаясь с критиками, в качестве главного средства борьбы с пороками предлагал "больше диктатуры"⁷⁵, предлагал то, что лишь усиливало командно-бюрократический характер советской государственной системы. Побывавший в 1920 г. в Советской России Бертран Рассел, ознакомившись с ее государственным устройством, писал: "Возникла система, неприятно напоминавшая прежнее царское правительство, – система, являющаяся азиатской по своей централизованной бюрократии, секретной службе, атмосфере правительственного таинства и покорности террору"⁷⁶.

Шел 1920 год. Финала гражданской войны еще не было, но заметно было его приближение. В письме от 22 сентября, предназначенном А.В. Луначарскому, великий русский писатель В.Г. Короленко провидчески заглянул в будущее: "Вы победили добровольцев Деникина, победили Юденича, Колчака, поляков, вероятно, победите и Врангеля. Возможно, что вооруженное вмешательство Антанты тоже окончилось бы вашей победой, оно побудило бы в народе дух патриотизма, который напрасно старались убить во имя интернационализма, забывая, что идея отечества до сих пор еще является наибольшим достижением на пути человечества к единству, которое, наверно, будет достигнуто только объединением отечеств.

Одним словом, на всех фронтах вы являетесь победителями, не замечая внутреннего недуга, делающего вас бессильными перед фронтом природы... Россия стоит в раздумье между двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться..."⁷⁷ Была выбрана вторая утопия, и во имя ее реализации была создана монополярная система государственной власти, располагавшая всем набором средств принуждения, контроля всех сфер общественной жизни и распространения идеологии Коммунистической партии.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФОРМИРУЕМОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. "ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ"

Складывающейся политической системе соответствовала экономическая система, известная под названием "военного коммунизма". Напомню читателю, что ее характерными чертами были крайняя централизация управления народным хозяйством (главизм), национализация не только крупной, но и средней и значительной части мелкой промышленности, государственная монополия на хлеб и многие другие продукты сельского хозяйства (продразверстка), запрещение частной торговли и свертывание товарно-денежных отношений, уравнительность в распределении посредством "классового" пайка, милитаризация труда.

Перечисленные особенности экономической политики напоминали принципы, на основе которых, по мнению основоположников марксизма, возникнет коммунистическое общество: отсутствие частной собственности на средства производства, денег и товарно-денежных отношений, равенство в распределении материальных благ.

К Октябрьской революции Ленин, большевики пришли придерживаясь идеи постепенности социалистических преобразований, понимая, что в стране нет ни материальных, ни культурных предпосылок для немедленного перехода в новое общество. Как уже отмечалось, они полагали, что, взяв власть, сумеют подготовить условия для такого перехода, а инструментом преобразований станет созданное ими государство "диктатуры пролетариата"

Однако власть "кружит голову". Так случилось и с лидерами большевиков. Оказавшись во главе государства и абсолютизируя его значение как орудия власти, они возомнили, что в состоянии "ускорить постепенность" и путем скачка "спрямить" путь в будущее, сразу вводя элементы "антибуржуазного" характера. Это нашло отражение уже в написанном Лениным в декабре 1917 г. "проекте декрета о потребительских коммунах" (национализация потребительских обществ, поголовное объединение в них всего населения), а практически претворялось в так называемой красногвардейской атаке на капитал. Ленинский "Черновой набросок проекта программы" (начало марта 1918 г.) предусматривал такие "антибуржуазные" меры, как осуществление "сделок купли-продажи отдельными семьями... через потребительски-производственные коммуны", замена торговли "планомерно-организованным распределением", "обязательное держание денег в банках"⁷⁸.

Но идея постепенности преобразований оставалась. Она содержится в брошюре Ленина "Очередные задачи Советской власти": направление развития частного капитализма в русло государственного капитализма, постепенное расширение социалистического уклада в экономике, переход от "красногвардейской атаки на капитал" к осаде его, используя экономические средства.

Планы большевиков не предполагали сразу "вести" социализм. Правда, в партии было течение, представители которого считали возможным и необходимым это сделать "с сегодня на завтра", – то были

"левые коммунисты", громко заявившие о себе весной 1918 г. Они требовали всеобщей немедленной национализации промышленности, отказа от сдельной платы и премий за большую производительность труда, введения уравнительного принципа в оплате. Однако взгляды "левых" не получили тогда поддержки, они были отвергнуты.

М.Н. Покровский в 1924 г. писал: «Я решительно отказываюсь причислять к "военному коммунизму" наши социалистические мероприятия 1918 года. Ничего военного в этих мероприятиях не было... тут все шло от экономики, а не от политики. Между тем характерной особенностью подлинного "военного коммунизма" 1920 года и было то, что в нем экономика должна была плясать под дудку политики»⁷⁹. В этих словах лишь часть правды, а именно политика Советского государства до лета 1918 г. учитывала экономические, товарно-денежные отношения, но она их сочетала с административным вторжением в экономику, исходившим из волюнтаристского курса на "социалистические преобразования" (национализация предприятий, ограничения свободы торговли и т.д.).

Летом 1918 г. Советское государство оказалось на положении военного лагеря, осажденной крепости. И в экономике вступили в действие законы войны. Суть их видный деятель революционного движения, философ, экономист А.А. Богданов показал в работе начала 1918 г. Армия, писал он, организована на принципе авторитарного строения и "потребительского коммунизма": массы людей живут на содержании у государства, планомерно распределяя в своей среде продукты и довольно равномерно их потребляя, не участвуя, однако, в их производстве. Во время же войны авторитарность и "потребительский коммунизм" распространяются на остальное общество (карточное регулирование, запрещение свободной торговли хлебом, регулирование цен на продукты, контроль государства над производством, распределением материалов, сырья и рабочей силы, появление трудовой повинности)⁸⁰.

По А. Богданову, следовательно, "потребительский коммунизм" – свойство военной экономики любого государства. Но "его (коммунизма) резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление"⁸¹.

Характерно, что и П.А. Кропоткин – один из столпов анархизма – увидел в военной экономике элементы перехода "от капиталистического строя жизни к общественному, т.е. к общественной организации потребления (коммунизму) и отчасти производству (социализму)"⁸².

Конкретная история ряда воюющих стран дает примеры этих особенностей военной экономики. Так, в Германии, оказавшейся в годы мировой войны в чрезвычайно трудных экономических условиях, неизменно усилилась централизаторская директивная роль государства. Оно ограничило свободу конкуренции и ввело регулирование производства и распределения. Оно взяло на учет все запасы сырья, оборудования и распределяло их, сообразуясь с потребностями военного времени. Оно диктовало предприятиям что производить, устанавливало твердые цены, монопольно распределяло почти все продовольствие.

Государство превратило частные магазины в свою распределительную сеть. Введена была государственная монополия на скупку и продажу основных продовольственных продуктов: хлеб, мясо, сахар и др. Неизбежным порождением войны стала инфляция. Громадный выпуск государством бумажных денег привел к их обесценению.

Важно, однако, при этом подчеркнуть: в отношении капиталистической собственности государство не вторгалось, буржуазные производственные отношения сохранялись неприкосновенными. Подобные процессы, хотя и не столь сильно, протекали во Франции, Англии и других воюющих странах, в том числе России. Вспомним, что в конце 1916 г. в России была введена своего рода "разверстка". Царское правительство установило государственную монополию на скупку и продажу зерна по установленным твердым ценам, запретив тем самым свободу торговли им. В конце марта 1917 г. Временное правительство ввело хлебную монополию и карточки на хлеб, мясо, масло, яйца. Другое дело, что последовательно проводить государственную монополию правительство оказалось не в состоянии. Но об этом разговор особый.

Некоторые западные ученые давно заметили "сходство" "военного коммунизма" с рядом сторон экономики воюющих стран. Так, германский автор Г. Вегенленер даже утверждал, что "военный коммунизм" — это форма хозяйствования, заимствованная из практики немецкого военного хозяйства⁸³. В 1969 г. в Лондоне вышла книга А. Ноува "История советской экономики", в которой также проводится мысль о том, что Советское правительство осуществляло меры, от использования которых не отказалось бы любое буржуазное правительство страны, оказавшейся во время войны в тяжелом экономическом положении. В качестве примера он приводит Англию. Лейбористское правительство в годы второй мировой войны вводило пайковое распределение продовольствия, элементы трудовой повинности и др.⁸⁴

Однако, заметив внешнее сходство, эти и другие авторы не акцентируют внимание на коренных различиях классовой, социальной сущности экономических мер в буржуазных и Советском государствах. Так, монополия на хлеб и пайковое снабжение в Советском государстве непосредственно ударяли по свергнутым классам; в капиталистических же странах они против буржуазии как класса не были направлены, они даже серьезно не затрагивали их материальное благополучие, так как буржуазия имела достаточно средств, чтобы иными путями приобретать все необходимое. В полной мере сказанное относится и к национализации отдельных предприятий или к установлению контроля буржуазного государства над важными отраслями военной промышленности; эта практика не задевала устой капитализма в отличие от Советской республики, где она подрывала эти устой*

---

* Советский исследователь С.А. Далин проанализировал соответствующие процессы во время американской, французской буржуазной и Октябрьской революций, показав их сходства, вызванные экстремальными экономическими условиями, при различии социально-экономических последствий. См.: *Далин С.А. Инфляция в эпоху социальных революций*. М., 1983.

В буржуазных странах усиливавшееся централизованное государственное вмешательство в экономику было вынужденной военными обстоятельствами временной мерой в рамках существующих частнокапиталистических отношений. В Советской России государство, национализировав промышленность, стало монопольным ее собственником (пропаганда это изобразит как превращение рабочих в "хозяев производства", а по сути частнособственническая эксплуатация сменилась государственной эксплуатацией). Это объективно требовало централизованного управления ею из одного центра. Вместе с тем это отвечало изначально централизаторской позиции большевиков в отношении управления экономикой, вытекавшей из ленинской идеи превращения государственно-капиталистической монополии в хозяйственную базу социализма.

На практике эта идея осуществлялась в крайних формах сверхцентрализации (главклизма) и государственного диктата.

9 июля 1919 г. ВЦИК утвердил декрет об учреждении должности чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны по снабжению Красной Армии и Красного Флота (Чусоснабарм). На эту должность был назначен А.И. Рыков⁸⁵. Ему были предоставлены широчайшие полномочия по организации снабжения Красной Армии. Человек демократичный по своему характеру, он в партии был среди тех, кто выступал против единоначалия, диктаторских методов работы. Вступив же в новую должность, он вынужден был действовать вопреки тому, что раньше отстаивал, – именно методами единоначалия и диктаторства. Первое, с чего он начал, – бронирование всех запасов в стране, всего, что необходимо было для армии. На Восьмом Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. он об этом говорил: "Я не мог бы справиться со снабжением армии, если бы этого не сделал. Армия росла; она росла за счет рабочих и вместе с тем требовала наибольшей производительности от этих рабочих, чтобы снабжать увеличивающуюся армию... Снабдить ее можно было только собрав все в единый кулак... Был издан приказ, которым все сукно, где бы оно ни находилось, кому бы оно ни принадлежало, забронировать. И тот, кто не исполнил бы этого постановления, был бы предан суду"⁸⁶. И здесь же: интересы рационального использования сырья, топлива, рабочих сил, а также распределения готовых изделий сделали необходимым переход к централизованной диктатуре в экономике даже для капиталистического хозяйства, тем более "он стал неизбежен для Советской России". Действительно, монополизм в экономике, концентрация материальных средств и рабочих сил отвечали условиям и потребностям 1918–1920 гг., военным нуждам. Вместе с тем они способствовали укреплению и расширению административных методов решения всех вопросов управления.

Итак, сходство отдельных компонентов "военного коммунизма" с соответствующими процессами в экономике воюющих буржуазных стран не означало их тождества. Скажутся социальное-классовая "социалистическая" направленность политики "диктатуры пролетариата", несравнимые масштабы хозяйственной разрухи и голода 1918–1920 гг., острота классового боя, идеологические представления партийных

масс, революционно-романтическая психология известной части рабочего класса.

. Не останавливаясь на конкретной истории складывания "военного коммунизма", подчеркну лишь, что он не был "введен" каким-то законодательным актом в определенный момент. Идущая от "Краткого курса истории ВКП(б)" версия, что "партия ввела" "военный коммунизм", осуществила "переход" к нему (летом 1918 г.) от политики, проводившейся ранее, не соответствует историческим реалиям. Эта система складывалась постепенно из различных административно-экономических мер, продиктованных конкретными обстоятельствами. Вот их примерная последовательность: продовольственные декреты мая 1918 г., вводившие монополию государства на хлеб и запрещение частной торговли хлебом, декрет о национализации крупной промышленности (28 июня 1918 г.), декрет Совнаркома о национализации частных торговых оптовых складов, торговых фирм (21 ноября 1918 г.), декрет о продовольственной разверстке (11 января 1919 г.), декрет ВЦИК "О потребительских коммунах" – о перестройке кооперации (16 марта 1919 г.), постановление Совнаркома об упразднении Народного банка РСФСР (19 января 1920 г.), постановление Совнаркома о всеобщей трудовой повинности (29 января 1920 г.), постановление ВСНХ о национализации мелкой промышленности (29 ноября 1920 г.), декреты Совнаркома о бесплатном предоставлении рабочим и служащим, а также членам их семейств продовольствия, предметов ширпотреба и коммунального обслуживания (декабрь 1920 – январь 1921 г.).

Некоторые авторы корни "военного коммунизма" ищут в дореволюционной России, когда централизованное государство довлело над всей общественной жизнью, подчиняя все и вся. Образно об этом писал В. Селюнин: «У "военного коммунизма" были свои корни в отечественной истории. И раньше центральная власть в России длительные периоды напрямую распоряжалась всем, что лежало, стояло, ползало, ходило, плавало, летало»⁸⁷ Не ставя под сомнение правомерность такого углубления в историю, думаю все же, что и без этого феномен "военного коммунизма" объясним.

Иногда задают вопрос: если "военно-коммунистические" меры определялись условиями гражданской войны, то почему от них не отказались в начале 1920 г., когда после разгрома армий Деникина ситуация изменилась к лучшему? Да, кое-какие предложения на этот счет были. Так, Л.Д. Троцкий в марте 1920 г. обратился в Центральный комитет партии с письмом, в котором предлагал заменить продразверстку прогрессивным натуральным налогом. Но Ленин решительно отверг это. Нетрудно понять, чем он руководствовался. Переход к натуральному налогу означал бы возможность для крестьян торговать излишками хлеба. Ленин же был решительным противником свободы торговли хлебом, считая, что это было бы в интересах "кулака" и отступлением от "социалистического курса". К тому же не было никакой уверенности в прочности завоеванного мира. Действительно, мир оказался лишь кратковременной передышкой: вскоре началась война с Поль-

шей, снова пришлось действовать по принципу: "коль война, так по-военному".

После окончания гражданской войны Ленин, считая, что политика "военного коммунизма" была "условием победы в блокированной стране, в осажденной крепости", все же признал, что в ходе осуществления этой политики были допущены ошибки. Мы "очень много погрешили, идя слишком далеко, мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота... мы меры не соблюдали... мы зашли дальше, чем это теоретически и политически было необходимо... был целый ряд преувеличений"⁸⁸. В самом деле, разве были оправданны суровые меры, направленные против мелкой торговли крестьян даже монополизированными продуктами? Что, кроме вреда, дала национализация мелкой промышленности, десятков тысяч мельчайших предприятий, которыми государство управлять было не в состоянии и которая вела к свертыванию производства?

Или взять декреты о бесплатном предоставлении продовольствия, коммунальных услуг – они были приняты по существу в самом конце гражданской войны, накануне перехода к нэпу. Никакой экономической необходимостью, целесообразностью они не вызывались. Не была соблюдена мера в огосударвлении всех сторон общественной жизни, централизация была доведена до самых крайних форм сверхцентрализации с неизбежной для нее бюрократизацией.

В чем причины того, что меры, во многом продиктованные условиями войны, были доведены до абсурда? Дело в том, что все они рассматривались партийным руководством сквозь призму "социалистичности", обряжались в "социалистические" одежды. Впереди маячила иллюзорная цель – социализм. Под давлением большевистской идеологии они оценивались не только как обеспечивавшие военные потребности, но и направленные на штурм позиций капитализма, на закрепление и расширение "социалистических" завоеваний. Такой смысл придавался законодательным актам, отменявшим частную собственность (национализация промышленности), частную торговлю, суживавшим товарно-денежные отношения и т.д. В погоне за жар-птицей утописты-волюнтаристы воображали, что вот-вот они ухватят ее за хвост – ведь социализм-коммунизм так близок!

Идеологическими иллюзиями руководства большевиков была проникнута их программа, принятая на VIII съезде РКП(б). Правда, она не имела в виду немедленное введение социалистических начал. Соответствующие пункты ее экономической части гласили: "Неуклонно продолжать и довести до конца начатую и в главном и в основном уже законченную экспроприацию буржуазии, превращение средств производства и обращения в собственность Советской республики, т.е. в общую собственность всех трудящихся".

"Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к социализму".

"В области распределения задача Советской власти в настоящее

время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов".

"В первое время перехода от капитализма к коммунизму, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным... Опираясь на национализацию банков, РКП стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег"⁸⁹.

Таким образом, программа ориентирована не на немедленный переход к социализму, а на проведение мер, подготавливающих этот переход. К этому следует добавить, что Ленин тогда же, на VIII съезде РКП(б), говорил о принимаемой программе, что она рассчитана на очень долгий период⁹⁰.

Однако большевики воспринимали положения программы как указание, что переход к социализму – дело сегодняшнего дня. Если, например, в ней записано о проведении мер, "расширяющих область безденежного расчета и подготавливающих уничтожение денег", то это означает курс на отмену денег, и нужно, не откладывая, начать их ликвидацию. Такое понимание вопроса нашло отражение во многих публикациях партийно-советской печати, в выступлениях партийных и государственных работников, документах хозяйственных органов, в частности в резолюции Третьего съезда советов народного хозяйства (январь 1920 г.). Правда, нереальность этого многим хозяйственникам была очевидна. По поводу резолюции съезда совнархозов газета "Экономическая жизнь" 4 февраля 1920 г. в редакционной статье "Финансовая политика" подчеркивала, что для "постепенной замены денежных выражений общественных отношений еще почва не подготовлена... да и пути к ней еще не расчищены". Обстоятельной критике резолюция съезда подверглась в органе Наркомата финансов. В одной из статей указывалось: резолюция противоречит программе партии, она не считается с невозможностью отказа от системы денежного обращения, вращаясь "в плоскости чистейшего академизма"⁹¹.

На XI съезде партии (март–апрель 1922 г.) заместитель наркома финансов (с осени 1921 г.) Г.Я. Сокольников говорил: "У нас очень широко была распространена та точка зрения (которую я, между прочим, никогда не разделял), что обесценение денежных знаков есть именно то, что нам требуется. Мы говорили: если деньги аннулируются, то это великолепно, потому что мы стоим за аннулирование денег"⁹².

В 1920 г. в связи с обесценением денег, гиперинфляцией, когда казалось, что бумажный рубль доживает последние дни, вновь возникла идея "трудовых единиц" ("треды"), которые должны заменить деньги (С.Г. Струмилин, М. Смит, В.Н. Сарабьянов, Е. Варга). Первые идеи "тредов" высказал социалист-утопист Роберт Оуэн. Весной–летом 1918 г. она обсуждалась в печати, но в плане уточнения цены продукта при его обмене: сколько трудовых единиц включает та или иная цена. В 1920 г. эта идея в различных вариантах разрабатывалась уже в связи

с предположением о скорой отмене денег (проекты безденежных единиц были нежизненными, практического значения они не имели).

В такой обстановке давление сторонников курса на отмену денег сказывалось и на деятельности государственных органов. Так, было принято решение об упразднении Народного банка. Можно полагать, что оно оказало влияние на принятие в декабре 1920 – январе 1921 г. декретов об отмене платности за продовольствие, ширпотреб и коммунальные услуги, ведь впереди, при "социализме", виделось безденежное хозяйство. И все же нельзя к этому свести причину принятия этих декретов. К сожалению, история этих декретов пока не изучена, в литературе не освещалась. Однако уже то, что о ней известно, позволяет утверждать, что законодатель руководствовался не соображениями "отмены денег" с целью ускоренного перехода к коммунизму, а практической целесообразностью, как она тогда представлялась. Об этом свидетельствует докладная записка заместителя наркома продовольствия Н.П. Брюханова в Совнарком от 15 декабря 1920 г. В ней говорится: декрет, опубликованный 7 декабря, предусматривает только бесплатный отпуск продовольствия, между тем расчеты показывают (они приводятся), что бесплатная выдача и предметов широкого потребления мало скажется на денежных поступлениях в государственные доходы, к тому же позволит сократить аппарат, ведущий денежное производство, отсюда предложение: отменить взимание денег с рабочих, служащих, красноармейцев за предметы широкого потребления⁹³ Такой декрет Совнарком принял 17 декабря 1920 г.⁹⁴ Следует при этом иметь в виду, что и раньше, в 1919 – первой половине 1920 г., отменялась плата за отдельные коммунальные и транспортные услуги (трамвай, телефон, водопровод). Как видно из протоколов обсуждений вопроса об отмене квартирной платы в комиссиях Совнаркома, руководствовались чисто экономическим расчетом: суммы денег, вырученные по квартплате, оказались чуть ли не меньше затрат на содержание соответствующего счетного аппарата⁹⁵. Но, конечно, принятие решений о переходе к "бесплатности" облегчалось, стимулировалось курсом "диктатуры пролетариата" к заветной цели – социализму.

Можно утверждать, что и на принятие ВСНХ постановления о национализации мелкой промышленности сказалось давление широко распространенного мнения, что подобная мера приближает социализм – общество, в котором нет места частной собственности. Это видно хотя бы из выступления А.И. Рыкова 22 ноября 1920 г. на Московской губернской конференции РКП(б). Он говорил, как бы оправдываясь: мы не раз слышали упреки в том, что до сих пор нами не произведена национализация, мы имеем справку о том, что больше половины мелких и средних предприятий остается не национализированными. "Значительная часть вины этого лежит на президиуме ВСНХ, и в частности на мне, так как я считал местные органы недостаточно сильными для того, чтобы произвести окончательную национализацию. На протяжении одного месяца мы надеемся провести радикальную реформу в этой области: мы хотим сделать так, что в настоящее время все принадлежит государству..."⁹⁶ Через неделю постановление было принято.

Или взять вопрос об уравнительности в распределении. Тенденция к уравнительности была вызвана условиями гражданской войны. В одном из документов президиума Высшего совета народного хозяйства, принятом уже после перехода к нэпу (11 июля 1921 г.), давалось ей такое объяснение: "В осажденной крепости совершенно понятно было стремление снабдить всех возможно более поровну, прокормить, поддержать, пока невозможно было взяться за восстановление производства"⁹⁷. Однако многие партийные и советские работники рассматривали уравнительность как благо, ибо она якобы ведет к коммунистическому потреблению. Отсюда основанные на "уравнительно-коммунистических" началах различного рода эксперименты, доходившие до абсурда ("дома-коммуны", в земледелии сельскохозяйственные коммуны и т.д.). Между тем уравнительность сводила на нет трудовую мотивацию, что вносило свою лепту в развал экономики.

В "военно-коммунистическую" систему вписалась и милитаризация народного хозяйства и труда. Железнодорожный транспорт, все предприятия, изготовлявшие оружие, а также те, которые могли быть использованы для производства и снабжения армии вооружением, боеприпасами и обмундированием, находились на военном положении. Рабочие, оставаясь на производстве, считались мобилизованными. Они не могли по своему желанию оставлять работу. В своей основе все это определялось потребностями военного времени. Однако милитаризация труда, как уже отмечалось, начала рассматриваться как метод строительства социализма.

Невольно вспоминаются имеющие глубокий смысл слова известного западного экономиста Ф.А. Хайека: "Можно ли вообразить себе большую трагедию, чем та, когда мы в наших стремлениях сознательно сформировать свое будущее в соответствии с высокими идеалами на деле невольно создадим прямую противоположность того, к чему стремимся"¹⁰⁰.

Как оценивал "военный коммунизм" Ленин? Однозначного ответа на этот вопрос нет, ибо оценки Ленина крайне противоречивы. Его высказывания, относящиеся к 1918–1920 гг., говорят только о вынужденности чрезвычайных экономических мер, являвшихся компонентами этого феномена. После перехода к нэпу, ретроспективно в 1921–1922 гг., он уже признавал наличие расчетов на переход к коммунистическому производству и распределению.

Менее известны оценки "военного коммунизма" другого "вождя" – Л.Д. Троцкого. На XI съезде РКП(б) он говорил: "С точки зрения отвлеченно-хозяйственной можно сказать, что та наша политика была ошибочна. Но если поставить ее в мировой обстановке и в обстановке нашего положения, то она была с точки зрения политической и военной в широком смысле слова абсолютно необходима"¹⁰¹. На IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. Троцкий выступил с докладом о новой экономической политике. Тезисы (проспект) доклада им были опубликованы в "Правде" 6 декабря 1922 г. Оценивая "военный коммунизм" как "режим осажденной крепости", Троцкий определял проведение всех его составных частей необходимостью сломать сопротивление контрре-

волюции и отстоять Советскую власть. «Этот "коммунизм" был справедливо назван военным не только потому, что заменил хозяйственные методы военными, но и потому, что служил в первую очередь военным целям».

В изданной в 1923 г. брошюре Л.Д. Троцкий ответил и на такой вопрос: "Не надеялись ли мы перейти от военного коммунизма к социализму без больших хозяйственных поворотов, потрясений и отступлений, т.е. по более или менее прямой восходящей линии?" – "Да, – писал он, – действительно в тот период мы твердо рассчитывали, что революционное развитие в Западной Европе пойдет более быстрым темпом. Это бесспорно". Предполагалось, что если европейский пролетариат возьмет власть, то он "поможет нам технически и организационно и, таким образом, даст нам возможность путем исправления и изменения методов нашего военного коммунизма, прийти к действительно социалистическому хозяйству. Да, мы на это надеялись"¹⁰².

Думается, что признание Троцкого отвечает сути "военного коммунизма", который осуществлялся по объективным обстоятельствам военного времени, но углублялся большевистским руководством, движимым иллюзиями теоретической мысли, постулатами "диктатуры пролетариата", социализма, коммунизма, что вело к левацким заскокам в проведении экономической политики.

Из историков, на мой взгляд, близок был к правильному осмыслению "военного коммунизма" английский ученый Э. Карр. В фундаментальном труде, опубликованном в 1954 г., он писал: «Воздействие голода и гражданской войны толкнуло советский строй на путь чрезвычайных мер, который одновременно оказался также и путем социализма. Двойственный характер мероприятий, которые были осуществлены под натиском неотвратимой необходимости и в то же время оказались выражением коммунистических принципов, стал существенной чертой и той политики, которая стала впоследствии известна как "военный коммунизм"»¹⁰³.

"Военный коммунизм" складывался и функционировал более двух лет, он успел стать определенной хозяйственной системой со своей идеологией и социальной психологией. Это, кстати сказать, во многом определило его влияние на последующую историю нашей страны.

В целом же "военный коммунизм" с его административно-приказными методами принуждения вполне включился в формируемую систему политическую, дополнял ее, взаимодействовал с ней.

"ПАРТИЯ, СТОЯЩАЯ У ВЛАСТИ"

Теряя сущностные качества политической партии, РКП(б) все больше превращалась в государственную структуру.

Размышляя об увиденном в России в 1920 г., Бертран Рассел в уже упоминавшейся книге подразделил правящий слой Коммунистической партии (а следовательно, и страны) на три группы. "Это, во-первых, старая гвардия революционеров, испытанных годами преследований. Эти люди занимают большую часть самых высоких постов. Тюрьма и

ссылка сделали их нестигаемыми и фанатичными и до некоторой степени оторвали их от собственной страны. Это честнейшие люди с глубочайшей верой в то, что коммунизм возродит весь мир... Они безжалостны, преследуя коррупцию или пьянство, когда подобные вещи случаются среди чиновников, но они создали систему, при которой соблазн мелкой коррупции огромен, и их собственная материалистическая теория должна бы убедить их в том, что при такой системе коррупция должна быть безудержной". Ниже верхушки правящей пирамиды, по Б. Расселу, занимала политические посты группа, состоявшая "из карьеристов, ставших ревностными большевиками по причине материального успеха большевиков". К третьей группе автор отнес людей, "не являвшихся ревностными коммунистами, но которые сплотились вокруг правительства, поскольку оно оказалось стабильным..."¹⁰⁴

Эта характеристика правящего слоя партии в целом во многом справедлива, хотя и слишком схематична. Так, в верхушке правящей пирамиды особое место занимало высшее руководство, определявшее политику партии, – Политбюро, Оргбюро, Центральный комитет. Последний распоряжался кадрами, переводя партработников с одной должности на другую, из одного региона в другой. "Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии", – констатировал Ленин весной 1920 г.¹⁰⁵ При решении кадровых вопросов государственных структур руководствовались прежде всего политической благонадежностью, партийной и классовой принадлежностью. Это обеспечивало партии большинство во всех звеньях государственного аппарата, а на ключевых постах, как правило, были одни коммунисты.

По данным Г.Е. Зиновьева, только с октября 1917 по март 1919 г. в государственном управлении было сосредоточено 200 тыс. членов партии¹⁰⁶. Непосредственными проводниками политики партии были все высшие и центральные государственные ведомства (Совнарком, Совет Обороны, народные комиссариаты). Под непосредственным контролем ЦК РКП(б) работал Реввоенсовет республики, осуществлявший руководство армией и флотом, по партийным директивам и указаниям вели свою идеологическую деятельность различные политические структуры в армии (институт военных комиссаров, политотделы) и в других государственных и общественных организациях, среди населения.

В конце гражданской войны Восьмой Всероссийский съезд Советов на 95% состоял из коммунистов и им сочувствующих, губернские – на 78,6%, уездные – 43, губернские исполкомы – на 91,3, уездные – 78,4, городские – на 79,2%. Коммунистами были все председатели губернских и уездных исполкомов, чрезвычайных комиссий, революционных трибуналов. Такова статистика, красноречиво свидетельствующая об утвердившейся монополии РКП(б) на власть и управление государственными структурами.

"...Мы должны знать и помнить, – говорил Ленин в ноябре 1920 г., – что вся юридическая и фактическая конституция Советской

Таблица 1. Партийный состав съездов Советов в 1918–1920 гг. (в %) ¹⁰⁷

	Уездные съезды				Губернские съезды			
	1918 ян- варь– июнь	1918 июль– де- кабрь	1919	1920	1918 ян- варь– июнь	1918 июль– де- кабрь	1919	1920
Коммунисты и сочувствующие (кандидаты)	48,4	72,8	54,8	43,0	52,4	90,3	75,4	78,6
Представители других партий	19,5	8,9	4,8	0,7	24,5	4,0	3,6	0,2
Беспартийные	32,1	18,3	40,4	56,3	23,1	5,7	21,0	21,2

	Всероссийские съезды						
	2-й ок- тябрь 1917	3-й ян- варь 1918	4-й апрель 1918	5-й июль 1918	6-й ноябрь 1918	7-й декабрь 1919	8-й декабрь 1920
Коммунисты и сочувствующие (кандидаты)	52,0	72,0	68,5	66,0	97,2	93,0	95,0
Представители других партий	48,0	–	29,3	33,1	2,5	2,6	1,0
Беспартийные	–	–	2,2	0,9	0,3	4,4	4,0

Таблица 2. Партийный состав губернских и уездных исполкомов (в %) ¹⁰⁸

	Уездные исполкомы		Губернские исполкомы	
	1919	1920	1919	1920
Коммунисты и сочувствующие (кандидаты)	84,2	78,4*	92,8	91,3*
Меньшевики	0,2 } 0,4 } 0,2 } 1,1 }	1,5 }	0,2 } 0,3 } 1,4 }	0,8
Левые эсеры				
Правые эсеры				
Анархисты				
Другие партии				
Беспартийные	13,9	20,1	5,3	7,9

* Некоторое сокращение коммунистов в 1920 г. объясняется передвижениями кадров на военную и хозяйственную работу.

республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать этот пролетариат своим духом, подчинить его себе"¹⁰⁹. Абсолютное господство коммунистов на съездах Советов и исполнительных органах позволяло им "исправлять, назначать и строить по одному принципу", но что касается "юридической конституции", то она это не предусматривала. Здесь Ленин допустил явную передежку.

Коммунистическая партия владела государственным аппаратом через своих представителей в нем, как освобожденных от партийной работы, так и совмещавших государственные и партийные посты. На XI съезде РКП Е.А. Преображенский возмущался, имея в виду И.В. Сталина: "Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов и, кроме того, за работу в Политбюро, и Оргбюро, и десятке цекистских комиссий?"¹¹⁰ А по признанию Л.Д. Троцкого, который, кстати сказать, как и Сталин, возглавлял два наркомата, был председателем Реввоенсовета республики, членом Политбюро и всяческих комиссий, "совместительство у нас, по общему правилу, ни в каких областях не давало положительных результатов"¹¹¹.

Принято считать, что совмещение партийных и государственных постов вызывалось нехваткой кадров. Дело не только, вернее, не столько в этом. Такое совместительство позволяло напрямую проводить политику партии, директивы ее руководства через государственные ведомства. Конечно, не только через совместителей. Ведь руководители всех государственных ведомств были коммунистами, выполнение партийных директив было для них обязательным, и каждое ведомство принимало решения и выполняло их в духе этих директив.

Об участии партийных кадров в непосредственной советской работе свидетельствуют имеющиеся данные о деятельности членов 146 уездных партийных комитетов (из 277 уездных парткомов 28 губерний) и 61 члена (из 66) 13 губернских комитетов РКП(б) в конце 1919 г. Членами исполкомов Советов были 468 человек, или 63,5% всех членов 146 уездных партийных комитетов, на ответственных советских должностях (заведующие отделами и подотделами исполкомов) – 63 человека (8,5%); 37 человек, или 60,6% членов губкомов РКП(б), были членами губисполкомов, 2 человека (3,3%) – членами городских и уездных исполкомов, 7 человек (11,5%) – заведующими отделами и подотделами исполкомов¹¹². Что же удивительного, что большинство партийных организаций финансировались государственными органами, о чем указывалось на IX съезде РКП(б)¹¹³.

Решения, принимаемые высшим руководством партии, по иерархической лестнице спускались до низовых организаций, которые должны были беспрекословно их исполнять.

Выше отмечалось, что уже в первой половине 1918 г. достаточно четко обозначилась тенденция подмены государственных органов партийными, выполнения партийными организациями несвойственных им функций. По мере развертывания гражданской войны эта тенденция усиливалась. "Партийные комитеты почувствовали себя властью"; они

определяют состав исполкомов, издают распоряжения и постановления, обязательные для местной Советской власти "хотя бы они шли вразрез с постановлениями центральной власти", писал осенью 1918 г. во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет П.Г. Смидович¹¹⁴. В то же время Я.М. Свердлов в межведомственной комиссии, определявшей судьбу комбедов, отметил, что коммунисты – это власть в волости, "тенденции в этом направлении намечаются всюду..."¹¹⁵. Медведковский комитет РКП(б) (Вятская губерния) в ноябре 1918 г. принял постановление о наложении контрибуции на местное население¹¹⁶. В начале декабря 1918 г. Наркомат внутренних дел получил сведения, что Юрьев-Польский уездный партийный комитет (Владимирская губерния) "предоставил всю власть в уезде пяти членам временного партийного комитета с широкими полномочиями на право смещения и роспуска уездисполкома" Нарком Г.И. Петровский телеграфировал Владимирскому губисполкому: "Подобные эксперименты приводят к полной дезорганизации работы"¹¹⁷. Примером утверждавшихся предостережений о Советской власти может служить статья в газете "Белевский пролетарий" В ней в категоричной форме говорилось, что в Советской республике "верховой властью является Центральный Комитет партии, верховной властью на местах – партийные комитеты"¹¹⁸. А вот как этот вопрос представлен в решении Тамбовского губернского съезда Советов (сентябрь 1918 г.): "Обнародовать в пределах Тамбовской губернии верховную диктатуру РКП(б) и комбедов и ходатайствовать перед ВЦИК об объявлении верховной диктатуры РКП(б) во всей территории РСФСР"¹¹⁹. Сказалась "направляющая роль" коммунистов съезда Советов. 28 февраля 1919 г. "Правда" сообщала о резолюции, принятой Тамбовским губернским съездом РКП(б): "Съезд декретировал РКП верховной властью и передал ей все управление губернией. Этим постановлением провозглашена диктатура РКП в губернии. Все советские учреждения и деятели отныне подчинены директивам и инструкциям партии коммунистов". Во многих местах партийные ячейки сами решали земельные споры, выполняли административные, хозяйственные и даже карательные функции. В начале 1919 г. ЦК РКП(б) неоднократно обращал внимание на участвовавшие случаи подмены Советов партийными комитетами¹²⁰.

18 февраля 1919 г. Оргбюро ЦК по докладу Н.И. Муралова о его командировке в Самару, Уфу, Стерлитамак, Златоуст и о постановке в этих городах партийной работы в своем постановлении отметило чересчур мелочное вмешательство парторганов в жизнь советских учреждений и предложило Секретариату ЦК направить соответствующим губкомам циркулярное письмо по этому вопросу¹²¹. VIII съезд РКП(б) дал разъяснение: "Свои решения партия должна проводить через советские органы в рамках Советской Конституции. Партия старается руководить деятельностью Советов, но не заменять их"¹²². Однако и после съезда вмешательство партийных комитетов в действия государственных органов, подмена их продолжались. Находившийся по командировке Московского военкомата в Шацком уезде Тамбовской губернии А.М. Большаков в докладе в ЦК партии от

11 января 1920 г. сообщал о своих наблюдениях: "Укомпарт обезличил исполком Совета, доводя его до простого лакея, убив окончательно его работоспособность и инициативу"; осуществляя прямое руководство отделами, он решал за них все вопросы¹²³. На подобные явления как незаконные обратил внимание Наркомат юстиции. 9 августа 1919 г. заместитель наркома П.И. Стучка писал в ЦК партии: Череповецкий губком партии "присваивает себе право непосредственного вмешательства в дела народных судов", необходимо ему разъяснить неправомерность таких действий¹²⁴. А в декабре на коллегии наркомата обсуждался вопрос: компетентен ли губком партии изъять какое бы то ни было дело по обвинению ответственных партийных работников в преступлениях, подсудных Революционному трибуналу, из трибунала или предлагать трибуналу прекратить подобные дела. Коллегия признала: такие действия губкома недопустимы¹²⁵.

Как объяснить переключение партийных организаций на выполнение несвойственных им государственно-приказных функций? Была здесь объективная причина: несознательность и культурная отсталость влившихся в государственный аппарат представителей трудящихся не позволила им осуществлять власть, управлять страной, да еще охватившей гражданской войной. Сказалось отсутствие практики демократического развития страны, опыта парламентаризма (десять лет существования Думы мало что дали в этом отношении), массового участия граждан в повседневной политической жизни. Сказывалась, конечно, и атмосфера "бури и натиска" "военно-коммунистических" представлений, будто командными методами можно форсированно решить все вопросы, следовательно, в этом и смысл партийного руководства. К тому же пользоваться командными методами было проще – это немаловажный фактор, особенно в условиях, когда численность партии росла не по дням, а по часам, а с ней и численность молодых руководящих кадров. А ведь их политическая культура, навыки руководства, психология мышления сформировались в атмосфере чрезвычайной, военной, когда методы "боевых" приказов доминировали над методами демократическими. Впрочем, и среди "старых" деятелей партии были адепты таких методов, сложилось представление о партии как командной силе, что видно, в частности, из заметок И.В. Сталина, относящихся к 1921 г.: Компартия – это "своего рода орден меченосцев внутри государства Советского"¹²⁶.

К тому же в партийных документах, статьях и выступлениях руководящих деятелей присутствовали или противоречащие друг другу формулировки, или такие, которые можно было понимать однозначно: управляет страной партия. Не свободна была от этого и принятая VIII съездом РКП(б) резолюция по организационному вопросу. Один ее пункт начинается со слов: "Российская коммунистическая партия, стоящая у власти и держащая в своих руках весь советский аппарат..." выделено нами. – Е.Г.), другой же говорит о том, что партия проводит свой политический курс через коммунистов, работающих в различных сферах государственной жизни, и о недопустимости смешения функций

партийных и государственных органов¹²⁷. Партийный работник, видел он или не видел противоречивость этих двух положений, мог впрямую понять первое ("партия, стоящая у власти") и руководствоваться им в своей практической деятельности. "Правящая партия", "партия управляет", "диктатура партии" – эти выражения стали повседневными в партийной печати, пропагандистской работе, выступлениях партийных и государственных деятелей, в том числе и Ленина: партия "господствует и должна господствовать над громадным государственным аппаратом? "Пока управлять будет правящая партия..."¹²⁸. Что же удивительного, что такое своеобразное понимание руководящей роли партии во многом определяло диктаторские командные приемы и методы деятельности партийных организаций. Другой причиной применения ими таких приемов и методов была гражданская война. Еще задолго до революции Ленин предрекал, что в эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является воюющая партия. И когда эта война была развязана, "идеал" осуществлялся: РКП(б) стала воюющей. Свойственные ей изначально строгая централизация и дисциплина были еще более ужесточены, руководство партийными организациями – сверху донизу – осуществлялись методами, имевшими характер боевых приказов.

Между тем, особенно в 1920 г., когда наметился переход от войны к миру, партия оказалась в кризисном состоянии, важнейшей причиной которого была противоречивость ее положения. Она себя провозглашала партией рабочего класса, но сами рабочие в обстановке углублявшейся разрухи, материальных лишений все чаще открыто проявляли недовольство ею. В партии зрело недовольство командными методами руководства. Неприятие оппозиционного меньшинства в партии достигло крайних пределов (хотя на словах возможность компромиссов с ним, уступок ему признавалось). Недовольство вызывало предоставление различных привилегий руководителям. На IX партийной конференции (сентябрь 1920 г.) делегаты говорили о разлагающем влиянии привилегий на внутреннюю жизнь партии. Нам надо добиться того, заявил А.И. Рыков, "чтобы каждый коммунист знал, что мы также по тому же суду отвечаем за свои злоупотребления, даже больше чем спецы. Если каждый из наркомов вроде меня, членов ВЦИК будет знать, что также подсуден общим судам и также может быть посажен в концентрационный лагерь... то эта болезнь будет изжита на долгое время"¹²⁹. Остро критиковали сложившееся положение в партии представителя оппозиции (Т.В. Сапронов, Е.Н. Игнатов). Конференция вынуждена была принять решение о создании комиссии для обследования "кремлевских привилегий". Много говорилось о возникшей новой проблеме: "верхи и низы". Имелись в виду аппаратная часть РКП(б) и рядовые партийцы. IX партийная конференция наметила меры к оздоровлению партии: создать специальные органы печати, чтобы осуществить более широкую критику как местных, так и центральных учреждений партии; указывалось, что какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы, все ответ-

ственные работники независимо от занимаемой должности должны были прикрепляться к первичным парторганизациям, предусматривалась ротация партийных кадров, намечалось выработать практические меры для устранения неравенства в условиях жизни ответственных работников и трудящихся¹³⁰. Все это осталось благим пожеланием. Через полгода X съезд РКП(б) в своей резолюции констатировал: централизация развивала тенденцию к бюрократизации партии и отрыву ее от масс; партия действовала по системе боевых приказов, привилегии становились почвой для злоупотреблений разного рода, появились симптомы бытового разложения. Все это "привело к внутреннему партийному кризису"¹³¹.

При всем при том формальные демократические элементы функционирования РКП(б), предусмотренные ее уставом, соблюдались. Ежегодно собирались партийные съезды и конференции. Выборы в ЦК проводились на альтернативной основе. На съездах и конференциях в жарких дискуссиях обсуждались основные вопросы политики партии. Но обсуждения и критические голоса не влияли на принимаемые решения: большинством голосов неизменно одобрялась политика ленинского руководства.

Монополия РКП(б) на власть, сращивание партийных и государственных органов вели к партийной диктатуре, отождествлению ее с "диктатурой пролетариата". Идея "диктатуры пролетариата" предполагала, что субъектом власти является рабочий класс. На деле таковым он не являлся. Он даже не влиял на избрание партийных органов, особенно центральных, и не мог контролировать их деятельность. На X съезде РКП(б) Ленин прямо заявил: "Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию"¹³².

Превращение партии в государственную структуру привело Ленина к ревизии своих первоначальных взглядов на Советы. В «Детской болезни "левизны" в коммунизме» уже не Советы являются основой политической системы, а Коммунистическая партия. Советы же лишь "рычаг" партии для управления государством. По существу это отказ от программного лозунга большевиков "Вся власть Советам!", с которым победила революция. Большевики привели Советы к власти – они же лишали их реальной власти. Это не без оснований констатировал П.А. Кропоткин в письме Ленину 4 марта 1920 г.: «Россия уже стала советской республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей "партии" уже уничтожили влияние и строительскую силу этого многообещавшего учреждения – Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты»¹³³.

Диктатура класса, трансформировавшаяся в диктатуру партии, на практике сводилась к власти узкого круга ее "верхов". Наверху партийной пирамиды Политбюро, Центральный комитет определяли политику партии, принимали решения по множеству текущих вопросов жизни страны и направляли их партийным комитетам. На местах решения и указания партийных комитетов подлежали исполнению госу-

дарственными органами. "И сколько бы ни говорили об избирательном праве, о диктатуре пролетариата, о стремлении ЦК к диктатуре партии, – говорил Т.В. Сапронов на IX съезде РКП(б), – на самом деле это приводит к диктатуре партийного чиновничества. Это факт"¹³⁴. А вместе с властью у "партийного чиновничества" формировалось убеждение в собственной непогрешимости.

Ленин сформулировал положение: диктатура класса может быть выражена в диктатуре одного лица¹³⁵. Теоретически, может быть и непреднамеренно, расчищался путь к единоличной диктатуре. Уже в 1918 г. наметилась тенденция к особому выделению и возвеличению общероссийских и местных партийных "вождей". Отвечая на письмо одной волостной ячейки РКП(б) (Спасского уезда Тамбовской губернии), в котором явно просматривалась такая тенденция, ЦК партии 20 ноября 1918 г. писал: "Никакого культа отдельной личности в коммунистической организации быть не должно. Если по отношению к нашему вождю – товарищу Ленину – замечается особое уважение, то это объясняется его заслугами перед рабочим классом всего мира"¹³⁶. Так дипломатично по сути признавалось особое место Ленина в партии. В 1919 г. возникла оппозиционная группировка в партии так называемых децистов, представители которой выражали недовольство сложившимся "пролетарским единодержавием", имея в виду разрыв между массой партийных функционеров и правящей верхушкой. Прежде всего имелось в виду безграничное влияние Ленина.

Низкий культурный уровень населения России, психология "вождизма" – обоготворения власть предержащую, – традиционно присущая ему, как нельзя лучше подходила к олицетворению партии в одной личности, тогда – в личности Ленина. А это открывало путь к становлению культа "вождя". По мнению американского историка Ричарда Пайпса, "диктаторство" Ленина проистекало из его стремления "сконцентрировать в своих руках неограниченную власть"¹³⁷, из его авторитарных наклонностей. На мой взгляд, ближе к истине английский историк Э. Карр. Сила Ленина, читаем в его фундаментальном труде, "основывалась на моральном авторитете, а не на внешней власти. Но это способствовало тому, что в партии, как и во всем государстве, сложилась традиция личного руководства, которую было трудно преодолеть"¹³⁸.

Отождествление "диктатуры пролетариата" с диктатурой РКП(б), а затем с личностью Ленина входило в массовое сознание, стало одним из постулатов партийных теоретиков и руководителей. Фактическая диктатура Коммунистической партии составила важнейшую особенность советской политической системы и во многом определила характер функционирования государственного механизма и общественных организаций.

Другая особенность советской политической системы, неразрывно связанная с первой, – однопартийность. В годы гражданской войны продолжался процесс вытеснения Коммунистической партией всех еще оставшихся небольшевистских партий с политической арены. Приближалась их полная ликвидация.

Многие историки считают, что однопартийность в Советской России установилась летом 1918 г., когда произошел распад партии левых эсеров, резко сократилась численность в прошлом влиятельных и многочисленных партий меньшевиков и правых эсеров, отстраненных от участия в Советах. Предполагается при этом, что оставшиеся их организации, а также другие мелкие партии принимать в расчет не стоит как не имевшие значительного влияния среди населения и в органах власти. Можно ли с этим согласиться?

Да, численность и влияние всех разновидностей небольшевистских социалистических партий к осени 1918 г. были невелики. И все же при всей слабости и оторванности от широких масс, различиях политических оттенков и тактических линий их нельзя сбрасывать со счетов как политическую силу в 1918–1920 гг. Предвидя провал большевистских экспериментов, эти партии отнюдь не теряли надежд на лучшее будущее. Их критические голоса, направленные против политики Советской власти, довольно громко звучали на всероссийских и местных съездах Советов, профсоюзов, на беспартийных конференциях.

Гражданская война разгоралась, и вопрос "кто кого?" окончательно не был решен. Страна переживала величайшие бедствия – голод, разруху. Все это поддерживало веру в то, что большевики потерпят крах, народ отшатнется от них и повернет на сторону некоммунистических партий. РКП(б) учитывала возможность такого поворота событий и на протяжении гражданской войны основной огонь пропаганды направляла против меньшевиков (РСДРП) и эсеров.

Между тем летом 1918 г. наметился сдвиг влево большинства РСДРП. В ряде документов ее ЦК подчеркивалось, что партия в целом и ее отдельные члены не должны участвовать в организации восстаний против большевистского правительства. Осенью 1918 г. наступил кризис "демократической контрреволюции". Реставраторская политика правительств, созданных с помощью и при участии социалистических партий, там, где удалось свергнуть Советскую власть, оборачивалась и против самих этих партий. От них отворачивались многие их тех, кто продолжал им верить и возлагать на них надежды. К тому же буржуазия и монархическое офицерство тоже стремились избавиться от них. Диктатура белогвардейских генералов обрушивала репрессии и против этих партий.

Это было время успехов Советской республики: был аннулирован грабительский Брестский договор. События на Западе (революция в Германии) как будто подтверждали расчеты большевиков на европейскую революцию, и тем самым вроде отпадал один из доводов меньшевиков против социалистической революции в России.

В этих условиях конференция меньшевиков в октябре приняла тезисы и резолюцию об отказе от политического сотрудничества с "враждебными демократии классами". Признавалось, что Октябрьская революция – "историческая необходимость" и "гигантское бродило, приводящее в движение весь мир" В воззвании от 14 ноября ЦК РСДРП выразил готовность "решительно и бесповоротно" порвать союз с бур-

жуазией и "встать в безоговорочно враждебное отношение к вмешательству иностранных хищников"¹³⁹.

В советской историографии было принято считать этот поворот меньшевиков тактическим шагом. Как будет показано ниже, авторы (в том числе автор этой работы) находились в плену официальных версий.

Переход меньшевиков от активной борьбы против Советской власти к признанию ее, хотя и был половинчатым (советский строй признавался "как факт действительности, а не как принцип"), получил положительную оценку Совнаркома. Следует при этом заметить, что поворот совершили не все меньшевики, а только их "левое" крыло (лидер – Ю.О. Мартов) и центр (лидеры – Ф.И. Дан, И.Г. Церетели). Правое крыло партии (лидер – М.И. Либер) не отказалось от вооруженной борьбы.

В феврале 1919 г. в Петрограде состоялась конференция партии правых эсеров. В принятой резолюции она призвала партийные организации эсеров к свержению реакционных правительств на территориях, занятых белогвардейцами, не вести борьбу против Советской власти вооруженным путем и не блокироваться с буржуазией. Конференция в резолюции по организационному вопросу высказалась за немедленное восстановление административно-политического аппарата партии на территории Советской России, для чего созвать экстренный съезд или Совет партии, переизбрать ЦК¹⁴⁰. Руководство правых эсеров, находившихся на занятой колчаковской армией территории, также заявило об отказе от вооруженной борьбы против Советской власти (В.В. Вольский, Н.В. Святицкий, Н.И. Ракитников, К.С. Буревой).

Учитывая такой поворот руководящих органов меньшевиков и правых эсеров, ВЦИК изменил свое постановление от 14 июня 1918 г. об исключении из Советов меньшевиков (30 ноября 1918 г.) и правых эсеров (26 февраля 1919 г.); всем группам этих партий, признавшим новый курс своего руководства, было вновь предоставлено "право наряду с другими партиями принимать участие в Советской работе"¹⁴¹. Постановление ВЦИК об отношении к партии правых эсеров при этом предупреждало, что будет продолжена беспощадная борьба "со всеми группами, каким бы знаменем они не прикрывались, которые прямо или косвенно поддерживают внутреннюю или внешнюю контрреволюцию"¹⁴². Слово "косвенно" создавало простор для широкой трактовки степени поддержки контрреволюции, а следовательно, и действий ВЧК.

Последующие документы и действия руководства партии правых эсеров трактовали отказ от вооруженной борьбы против большевистской власти лишь как "тактическое решение". С этим была не согласна оппозиционная группа, сложившаяся в конце 1918 г. в результате разочарования политикой партии, способствовавшей победе диктатуры Колчака. Придя к убеждению, что партия правых эсеров обанкротилась и рискует окончательно погибнуть, если не откажется от вооруженной борьбы на стороне белогвардейцев, группа в начале 1919 г., получив разрешение советских властей, перебралась на территорию Советской России. Сначала она надеялась оставаться в партий-

ных рамках, не создавая отдельной организации, но ЦК правых эсеров обрушился на нее с резкой критикой и даже исключил из своего состава ее лидеров К.С. Бурового и Н.И. Ракитникова за активное отстаивание позиции группы¹⁴³.

На IX Совете партии (июнь 1919 г.) группа меньшинства (В. Вольский, К. Буровой, Н. Ракитников, Н. Святицкий и др.) высказалась за политическое соглашение всех социалистических партий и примирение с большевиками. Однако большинство выступило в пользу позиции "третьей силы", чуждой и "большевизму, и реставрации". В принятой резолюции Совет партии объявил, что, выступая против и большевистской диктатуры и буржуазно-помещичьей реставрации, он видит выход из заколдованного круга только в "третьей силе" "трудовой демократии России". Партия должна готовить ее широкое движение и объединять его под своим руководством. Однако, говорилось далее в резолюции, "обусловливаемый в настоящее время всей политической ситуацией отказ партии от вооруженной борьбы с большевистской диктатурой не должен истолковываться как принятие, хотя и временное и условное, большевистской власти, а лишь как тактическое решение, продиктованное реальным положением вещей и расчетом наиболее целесообразного употребления партийных и народных сил"¹⁴⁴.

Совет предлагает правым эсерам "всячески предостерегать деревню от рекомендуемой партией левых эсеров тактики вспышкопускаательства, способной истощать силы крестьянства, предоставив легкую возможность бить их по частям"¹⁴⁵.

Другая оппозиционная группа партии правых эсеров – "Народ" приняла решение предоставить свои силы в распоряжение Реввоенсовета Республики. В октябре 1919 г. ЦК партии постановил распустить эту группу, а руководителей "меньшинства" К. Бурового, Н. Святицкого и др., поддержавших "Народ", "в последний раз предупредить о недопустимости их поведения"¹⁴⁶. Тогда "предупрежденные" потребовали от своего ЦК, чтобы "он определенно и категорически встал на путь активной борьбы за революцию"¹⁴⁷. В ответ ЦК распустил их группу, после чего она выделилась организационно в качестве группы "меньшинства партии социалистов-революционеров" и создала руководящий ее орган – Центральное бюро в составе ее лидеров¹⁴⁸.

Внутренние раздоры, угрозы раскола партии вследствие различных подходов в отношении к Советской власти были важной причиной того, что руководство правых эсеров время от времени в своих заявлениях, документах подчеркивало, что оно против "реакционной реставрации" и по крайней мере пока не стремится к вооруженному свержению большевистской диктатуры. Эту свою позицию ЦК правых эсеров, в частности, разъяснял в письме, адресованном находившейся в России делегации английских рабочих (май 1920 г.): "Как бы ни компрометировала дело революции большевистская власть, сколько бы она ни делала ошибок и преступлений против свободы, но пока к большевистскому наследству протянута мощная иностранной поддержкой богатые иностранным золотом и оружием руки социальной и политической реставрации – до тех пор вооруженная рука не поднимется из

нашего лагеря против этой власти. Только после окончательного обезвреживания реакции, только после обеспечения России от внешних и внутренних контрреволюционных переворотов борьба демократии развернется во всей своей широте и глубине. А теперь стране суждено терпеливо выносить большевистскую диктатуру, питаемую гражданской войной и международным осадным положением в кольце внешних врагов"¹⁴⁹. Следует, однако, сказать, что партия далеко не "терпеливо выносила большевистскую диктатуру" Многие эсеры на протяжении всей гражданской войны активно участвовали в восстаниях крестьян, забастовках рабочих, выступая в качестве их идейных вдохновителей и организаторов. Конференция правых эсеров, состоявшаяся в сентябре 1920 г., по существу призывала готовиться к вооруженной борьбе. "IX Совет партии, – говорилось в ее резолюции, – постановил, ввиду имевшихся в то время успехов контрреволюции, приостановить вооруженную борьбу с большевистской властью". Ныне же, когда обнаружилась невозможность торжества буржуазно-помещичьей реакции и имеется "широкое повстанческое движение народных масс для ниспровержения коммунистической диктатуры... конференция ПСР предвидит неизбежность в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевистской властью"¹⁵⁰.

Позиция ЦК и большинства партии меньшевиков в отношении Советской власти существенно отличалась от эсеровской. Их лояльность к власти и отказ от вооруженной борьбы с ней, готовность с ней сотрудничать были более последовательными. Меньшевистские лидеры даже делали попытки пойти на какие-то соглашения с Советской властью, но на своих условиях. Примером этого может служить письмо Ю.О. Мартова от 17 июня 1919 г. Л.Б. Каменеву, в котором изложена позиция ЦК РСДРП по вопросу об участии меньшевиков в хозяйственных органах. "...По-прежнему, – писал он, – мы непоколебимо убеждены в том, что успешное участие РСДРП в общем деле спасения революции... возможно лишь путем такого соглашения на основе политической платформы, которое охватило бы всех социалистов, готовых бороться в одних рядах против контрреволюции и... которое позволило бы социал-демократии разделить ответственность за общее направление политики. При таком соглашении и вопрос о полном использовании для практической работы всех сил, которыми может располагать социал-демократия, решился бы сам собой"¹⁵¹.

Весной 1920 г. съезд РСДРП принял тезисы в качестве основы платформы для объединения всех марксистских социалистических партий. Их терминология и содержание во многом напоминают большевистские.

– В мировом масштабе имеются "предпосылки для социальной революции, заканчивающей эру капиталистического развития и начинающей эру социализма".

– Задача пролетариата – взять с помощью остальных трудящихся масс государственную власть, "каковы бы ни были призрачны демократические формы данного государства".

– Это предполагает применение революционной силы в случае сопротивления свергаемого меньшинства.

– Это предполагает установление диктатуры пролетариата там, где он составляет большинство населения.

– "Задачей пролетариата, ставшего у власти, является преобразование частнокапиталистического хозяйства в социалистическое путем экспроприации капиталистического класса".

– Классовая диктатура пролетариата не противоречит принципам демократии, она вполне совместима с ними.

– Ограничения основных признаков демократии диктатурой пролетариата при известных условиях допустимы "как мера законной революционной самообороны".

– Пролетарская демократия, противоположная буржуазной демократии, не может копировать старые государственные формы, она нуждается в новых учреждениях, приспособленных к осуществлению социалистических преобразований. Таковы рабочие и крестьянские Советы, фабрично-заводские комитеты, профсоюзы и др., являющиеся органами классовой борьбы¹⁵². Под этими пунктами "платформы" мог бы, думается, подписаться сам Ленин.

Эта "платформа", рассчитанная на зарубежные социалистические партии, далее предостерегает их от повторения негативной практики большевиков в Советской России:

– установление диктатуры меньшинства над народом ("хотя и во имя интересов народа");

– политики терроризма, "органически связанной с стремлением утвердить диктатуру меньшинства";

– политики, "пытающейся перескочить через естественные фазы развития революции и исключительными мерами ускорить торжество социализма в самой полной форме несмотря на отсутствие для этого предпосылок".

Заканчивается документ тезисом, который по существу раскрывает мотивы, которыми руководствовались меньшевики в их отношении к Советской власти: "Везде, где государственная власть в ходе революции попала в руки активного меньшинства рабочего класса и последнее в борьбе с непреодолимыми объективными противоречиями своего собственного положения блуждает по пути экономического утопизма и политического терроризма, революционная марксистская социал-демократия, безусловно поддерживая это меньшинство в его борьбе со всяческой контрреволюцией и в отстаивании им принципа власти трудящихся", должна направлять свои усилия к тому, чтобы "обеспечить развитие рожденной в ненормальных условиях революционной диктатуры меньшинства – по необходимости утопической и террористической – во власть подлинного трудящегося большинства"¹⁵³.

В программной статье, опубликованной в 1922 г., Ю.О. Мартов уже прямо объяснял политику, которой меньшевики следовали в годы гражданской войны. Цель после Октябрьской революции, писал он, установление демократического режима, однако тогда эта цель не ставилась в качестве очередной задачи. ". Кипевшая в стране граж-

данская война против сил, отвергающих самую почву русской революции, исключала непосредственный переход к какому-либо конституционному режиму, основанному на твердых основах права... всякая попытка немедленно осуществлять режим демократии могла бы привести лишь к его банкротству, к использованию демократических форм реакционными силами для ликвидации завоеваний революции. Поэтому, отвергая диктатуру большевиков в ее олигархической форме и ее террористических проявлениях и прежде всего отрицая ее обоснование как рычага социалистического преобразования, наша партия тем не менее признавала неизбежность сохранения на известное время режима революционного управления, т.е. концентрации всей государственной власти в руках правительства на все время гражданской войны вплоть до ограждения основных завоеваний революции"¹⁵⁴.

Даже в самом конце гражданской войны меньшевики не изменили своей позиции. В декабре 1920 г. Ю. Мартов и Р. Абрамович по поручению ЦК РСДРП и Бунда обратились с письмом к социалистическим партиям и профсоюзам всех стран с призывом к признанию Советской России и возобновлению торговли с ней¹⁵⁵.

Однако лояльность меньшевиков к Советской власти их не спасала. Тяжелое материальное положение толкало рабочих на забастовки и другие проявления недовольства. Критика меньшевиками большевистской экономической политики, их высказывания против партийной диктатуры, требования демократических свобод падали на благоприятную почву и большевистские вожди, опасаясь растущего влияния меньшевиков, видели в этой партии угрозу себе и Советской власти. Где и когда бы ни возникали забастовки, главными их виновниками объявлялись меньшевики. Так было, в частности, весной 1919 г. в Туле, где ЧК, наводя "порядок", арестовывала меньшевиков и заодно с ними эсеров.

23 октября 1919 г. Тульский губком РКП обсуждал вопрос "О линии поведения по отношению к меньшевикам" Член губкома, ездивший в Москву с докладом в связи с конфликтами между представителями губернских властей, в частности, сообщил, что Ленин в беседе говорил о меньшевиках: мы должны их "использовать в своей выгоде, но ни в коем случае не допускать их организации, и вообще условие их работы таково, что если они в провинции создадут свою организацию, то будут арестованы"¹⁵⁶. Трудно сказать, насколько пунктуально передано мнение Ленина, но сказанное в целом соответствует политике руководства РКП(б) по отношению к партии меньшевиков.

По обсуждаемому вопросу губком постановил: не допускать создания меньшевистских организаций в Туле и губернии; персональное использование меньшевика на советской и агитационной работе допускается только по "директивам губкома", предложить губчека следить за выступлениями меньшевиков; в случае их антисоветского характера немедленно изолировать выступающего; коммунистам не вступать с меньшевиками в прения, если он выступит вполне "советски", в противном случае полемизировать и "разбивать их"¹⁵⁷.

Видный меньшевик О.А. Ерманский вспоминал: «В ту пору и позже

приходилось кое с какой стороны слышать выражения удивления: дескать, вот партия, которая активно ведет борьбу в защиту тех, кто на нее обрушивается репрессиями. На это приходилось отвечать, в свою очередь, вопросом: "А вы думаете, что в политической деятельности надо руководствоваться мстостью за чьи-либо ошибки, а не принципиальными соображениями защиты революции"»¹⁵⁸.

Однако значительная часть партии не была согласна с такой политикой ЦК. Так, в декабре 1918 г. петроградская группа меньшевиков выступила с протестом против навязывания всей партии тактики, "превращающей ее в безвольного исполнителя большевистских предначертаний и планов"¹⁵⁹. Резкой критике меньшевики подвергались со стороны руководства правых эсеров. В.М. Чернов в издававшемся в Берлине журнале "Революционная Россия" даже назвал меньшевиков "адвокатами большевиков", считал недопустимыми их "принципиальный отказ от программы свержения большевистской власти силой оружия, а также их надежды на медленную мирную эволюцию от большевистской диктатуры к демократическому режиму"¹⁶⁰. В сентябре 1919 г. ЦК ПСР обратился к организациям партии с разъяснением своей позиции в связи с имевшимися фактами поисков меньшевиками каких-то соглашений с большевиками. Считая эти поиски бесплодными и бесперспективными, ЦК все же полагал, что для меньшевиков существует гораздо меньше препятствий "к отысканию почвы для совместной работы с большевиками", чем для партии эсеров. Дело в том, разъяснялось в обращении ЦК, что для эсеров как крестьянской партии главным препятствием для соглашения с большевиками служит их политика в отношении трудового крестьянства (для нее крестьянство лишь "дойная корова в вопросе продовольствования городов и армий"). Меньшевики же, оторванные от деревни, пытаясь опереться на часть сохранившегося пролетариата, не имеют "таких непримиримых с основами большевистского режима требований". Логика положения меньшевиков определяет их лишь оппозиционно-реформаторскую тактику постепенного "окультуривания" большевиков. Для эсеров же тактика соглашательства с большевиками неприемлема, она "погубила бы нас в глазах трудового крестьянства". "Мы сами пойдем своим путем, не продавая своего права первородства за чечевичную похлебку и не отказываясь от критики тех уступок, ценою которых меньшевики купят возможность совместной с большевиками работы"¹⁶¹. Так заканчивалось обращение ЦК ПСР. В другом обращении к эсеровским организациям их ЦК квалифицировал позицию меньшевиков как "нерешительную и межеумочную", которая влечет за собой "лишь бесконечную травлю их большевиками, прекращение ими собственной работы и отход от них рабочих"¹⁶².

Неоднозначной была позиция анархистов. Среди них были разные течения: анархисты-коммунисты, анархисты-синдикалисты и др. Одни из них были непримиримы к большевикам, вели с ними борьбу, не останавливаясь перед крайними средствами. В сентябре 1919 г. группа "анархистов подполья" совершила террористический акт, бросив бомбу в здание Московского комитета партии. Погибли 12 и получили ранения

55 человек. Другие были лояльны к большевикам и Советской власти, защищали ее, сражаясь на фронтах гражданской войны. Вернувшийся в 1917 г. в Россию идеолог анархизма П.А. Кропоткин не принимал участия в событиях. Он признавал, что в России происходит самая глубокая в истории человечества революция. Вместе с тем критиковал политику коммунистов, направленную к переустройству России “под знаменем строго централизованной диктатуры одной партии”. 27 ноября 1919 г. Президиум ВЦИК постановил предоставить центральным учреждениям всех партий, принявших решения о мобилизации своих членов для защиты Советской республики, по 2–3 мандата (с совещательным голосом) на Седьмой Всероссийский съезд Советов* Были названы следующие некоммунистические партии: Российская социал-демократическая рабочая партия (меньшевики), революционные коммунисты, социал-демократы интернационалисты, Бунд, украинские боротьбисты и левые эсеры (борьбисты), меньшинство партии эсеров, объявившее о лояльности, Поалей-Цион, Союз эсеров-максималистов¹⁶³. В избранный съездом ВЦИК вошли представители революционных коммунистов, эсеров-максималистов, союза анархистов¹⁶⁴.

На съезде выступили 10 представителей оппозиции: Ф.И. Дан и Ю.О. Мартов (от меньшевиков), К.С. Буревой (от эсеров меньшинства), С.А. Лозовский (от социал-демократов интернационалистов) и др. Ю.О. Мартов зачитал проект резолюции меньшевиков, которая резко критиковала Коммунистическую партию за нарушения Советской Конституции: несоблюдение сроков проведения всероссийских и местных съездов Советов, частую подмену ВЦИК его Президиумом, создание неконституционных органов, сосредоточение власти в исполкомах, выход из-под контроля Советов чекистских органов и бессудные их расправы, развитие бюрократизма. Она требовала свободы печати, союзов и собраний, неприкосновенности личности, отмены террора¹⁶⁵.

Приведенные отдельные факты, примеры перипетий взаимоотношений небольшевистских партий и Советской власти показывают, что эти взаимоотношения отнюдь не были столь однозначными, какими они представлялись в историографии, а именно: все эти партии на всех этапах гражданской войны не признавали эту власть, активно участвовали в вооруженной борьбе против нее. Все было сложнее, временами в зависимости от общей политической ситуации небольшевистские социалистические партии, постоянно оставаясь в оппозиции к власти, переходили от вооруженной конфронтации к лояльности. Более жесткой была политика большинства правых эсеров, лишь временно отказавшихся от вооруженной борьбы. Переменчива была и тактика по отношению к этим партиям самой власти. Однако при любых тактических поворотах той и другой стороны в основе оставалось изначальное неприятие коммунистами идеологических, политических взглядов, отличавшихся от их собственных, в условиях

---

* Представители небольшевистских партий были и на Восьмом Всероссийском съезде Советов с решающим (бундовец) и 16 с совещательными голосами (бундовцы, меньшевики, эсеры, поалей-ционисты, анархисты).

гражданской войны оно еще больше усиливалось и становилось основанием для зачисления любой другой партии в разряд контрреволюционных. Если накануне и в первое время после Октябрьского переворота какие-то соглашения с “мелкобуржуазными” партиями считались допустимыми (вспомним правительственный блок с левыми эсерами), то в конце гражданской войны даже одна только постановка такого вопроса воспринималась как крамольная. В изданной в 1920 г. книге “Терроризм и коммунизм” Л.Д. Троцкий писал: «Революционное господство пролетариата предполагает в самом пролетариате политическое господство партии с ясной действительной программой и непререкаемой внутренней дисциплиной. Политика блоков внутренне противоречит режиму революционной диктатуры. Мы имеем в виду не блок с буржуазными партиями, о котором вообще не может быть речи, но блок коммунистов с другими “социалистическими” организациями, которые представляют разные ступени отсталости и предрассудков трудящихся масс»¹⁶⁶.

Колебания, зигзаги в политике и тактике меньшевистских партий вели к разброду в их рядах и расколам. Партии таяли, теряя своих членов. Покидали их по разным причинам: падение влияния партий, разочарование в их деятельности, а также по причинам материальным. Надо было жить, а для этого работать, единственным же работодателем было “пролетарское” государство, выдававшее продовольственные карточки, спасавшие от голодной смерти. Влияли, конечно, и массивная официальная пропаганда, направленная против некоммунистических партий, и особенно репрессии властей. В мае 1919 г. ЦК РКП(б) направил на места циркуляр об аресте видных меньшевиков и эсеров, ведущих антисоветскую деятельность¹⁶⁷. Органы же ВЧК арестовывали не только конкретных виновников, но и более широкий круг членов враждебных партий. Более того, арестам подвергались и члены лояльных к Советской власти партий и организаций. Обращение ЦК левых эсеров ко всем своим организациям (осень 1919 г.) констатировало не прекращающиеся аресты активных работников партии, хотя партия в настоящее время “не ведет борьбы с большевистской властью путем применения вооруженных действий”. Несмотря на насилие, ЦК предлагал местным организациям направить всю свою энергию на “беспощадную борьбу с денкинской-юденической контрреволюцией”¹⁶⁸.

ЦК Бунда в телеграмме из Минска в Совнарком и ВЦИК 21 апреля 1919 г. по поручению Всероссийской конференции этой партии протестовал против “возобновления политики преследования”, арестов членов партии и ЦК, закрытия ее прессы, требовал соблюдения постановления ВЦИК о легализации партии. Интересна и такая мотивировка требования: “В настоящий момент, когда необходима концентрация всех сил русского пролетариата для защиты революционных социалистических завоеваний, отражения полчищ контрреволюции, политика преследований является опасной, губительной...”¹⁶⁹.

На заседании Политбюро ЦК РКП (б) 31 октября 1919 г.

обсуждалась просьба ЦК меньшевиков освободить ряд арестованных в качестве заложников, так как партия призвала своих членов записываться в Красную Армию, поэтому “нет основания держать членов партии в тюрьме” (постановлено: поручить комиссии в составе Бухарина, Дзержинского, Каменева рассмотреть список арестованных меньшевиков для выяснения того, кого можно освободить)¹⁷⁰.

9 января 1920 г. Центральное организационное бюро “меньшинства партии С.-р”. обратилось во ВЦИК с заявлением: “Несмотря на неоднократные постановления и указы об амнистии и дополнения к ним об освобождении из мест заключения и концентрационных лагерей членов тех политических партий и групп, которые объявили мобилизацию своих членов на защиту Советской республики, до сих пор члены МПСП не только в провинции, но и в Москве находятся в концентрационных лагерях... Несмотря на допущение наших представителей на 7-й съезд Советов и наше там присутствие, наши организации на местах подвергаются разгрому, члены – арестам, им чинятся всяческие препятствия в выявлении своей точки зрения на переживаемые нами события. Уфимская организация была 29 октября, якобы по предписанию из центра, арестована при обсуждении вопроса о мобилизации своих членов для отражения натиска контрреволюции. В Петрограде производятся обыски среди членов нашей организации и берутся в виде заложников жены наших товарищей. В Кирсанове Тамбовской губернии нашим членам приписываются вздорные обвинения в принадлежности к тем или иным бандитским группам... Существование наших организаций носит местами нелегальный, местами полулегальный и лишь в некоторых случаях открытый характер”¹⁷¹.

Петербургский комитет РСДРП в письме в редакцию “Известий ВЦИК” писал о преследованиях и травле, которым без оснований подвергаются члены организаций. Причем после нескольких месяцев тюремного заключения их освобождают, так и не предъявив им никаких обвинений¹⁷².

В ряде случаев Президиум ВЦИК, рассмотрев поступившие жалобы, признавал неправомерность чекистских репрессий. Но это мало что меняло.

Интересна мотивация репрессий в отношении лояльных партий и политических организаций, производимых ЧК. О ней можно судить по документу ВЧК – секретному циркулярному письму, направленному 18 декабря 1920 г. председателям губернских чрезвычайных комиссий. В нем указывались, чем надо руководствоваться, производя аресты представителей “меньшинства правых эсеров”. Группа “меньшинства ПСР”, признает ВЧК в письме, выполняет “известную положительную работу”, поскольку она выступает против контрреволюционной деятельности официальной партии социалистов-революционеров во главе с В. Черновым и старается привлечь членов этой партии на советскую позицию. Она критикует прежние ошибки и преступления партии эсеров, осуждает ее тактику вооруженных выступлений против Советской власти и ее поиски так называемого третьего пути, т.е. чего-то среднего между диктатурой пролетариата и диктатурой

буржуазии. Она мобилизовала своих членов для борьбы против наступления “польских панов”. “Для европейского общественного мнения также было важно появление в рамках эсеровской партии группы, критиковавшей ее позицию с эсеровской точки зрения и независимо от коммунистов разоблачавшей ее контрреволюционность. Эту сторону вопроса учитывала, между прочим, Советская власть, легализуя меньшинство партии С-р”.

Далее письмо ВЧК указывает на “отрицательные черты” группы, “принуждающие нас с особой осторожностью относиться к ее работе”¹⁷³. Неприемлема основная цель группы – восстановление партии эсеров, возвращение ей прежней силы и влияния. Выступая со своими интересами, она должна подчеркивать то, что ее отделяет от Коммунистической партии. Критика же большевиков особенно опасна, так как трудящиеся находятся в крайне тяжелых условиях и на этом группа может нажать “партийный капиталец”. Пользуясь своей легальностью, она по существу делает дело большинства партии, находящейся на нелегальном положении. Выдавая себя защитницей крестьянских интересов, группа превращается в рупор собственнических и кулацких интересов, задеваемых советской политикой. Наконец, нет гарантий, что по крайней мере часть группы “меньшинства” не окажется снова по ту сторону баррикады¹⁷⁴. Из всего сказанного вытекают установки ВЧК местным чекистским органам в отношении группы “меньшинства партии С.-р.”: взять на учет все комитеты группы, а также примыкающие к ней и сочувствующие ей организации. Должны быть точно известны “местопребывание этих групп и организаций, их состав, характер их работы, сфера их влияния и связей, способ их взаимных отношений, явки, шифры, адреса, клички, излюбленные адреса собрания, издания (газеты, листки, брошюры, воззвания и пр.)”. Все это необходимо для “обезвреживания участников группы в случае опасности их активного контрреволюционного выступления”.

Далее следовали указания, относящиеся к конкретным мерам “обезвреживания”. К деятельности группы, направленной к разоблачению эсеров, к борьбе с буржуазией и контрреволюцией, “относиться терпимо, не ставить ей излишних препятствий, не вызываемых необходимостью, и не подвергать членов группы произвольным репрессиям”. Принимать меры против их “безответственной критики Советской власти”, “но действовать при этом с величайшим тактом, чтобы не давать им возможность кричать о притеснениях лояльной оппозиции”. “Не нужно насильственно толкать их к переходу в активную оппозицию и умножению рядов С.-р. Центра и правых, но вместе с тем нельзя позволять им широко развешивать работу, направленную по существу к срыву Советской власти”. Сторонников этой группы, использующих свое легальное положение во враждебных Советской власти целях, “трактовать как обычных контрреволюционеров, не считаясь с их номинальной принадлежностью к легальной группе меньшинства С.-р.”¹⁷⁵.

Цитируемый документ ВЧК раскрывает циничную логику, которой

следовали чекистские органы, подвергая репрессиям не только действительных врагов, но и лояльные по отношению Советской власти политические организации, оппозиционно настроенные к большевистской диктатуре.

Уже с осени 1919 г. началась полоса самоликвидации ряда партий. В ноябре 1919 г. съезд социал-демократов интернационалистов объявил о ликвидации партии и вступлении в Коммунистическую. В апреле 1920 г. такое же решение приняла конференция Союза эсеров-максималистов. Тогда же конференция Бунда решила выйти из РСДРП и сблизиться с коммунистами. В марте 1921 г. партия слилась с РКП(б). Весной 1920 г. самораспустилась и вступила в РКП(б) партия украинских боротьбистов. В сентябре 1920 г. съезд партии “революционных коммунистов” постановил слиться с РКП(б), “незвизрая на те теоретические разногласия, которые продолжают разделять революционеро-коммунистов и коммунистов-большевиков”¹⁷⁶.

Монополюбно правившая Коммунистическая партия принимала меры к полной изоляции остатков других партий. 16 июля 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) постановил: “Поручить ВЧК обстоятельно разработать план расселения меньшевистских политических вождей для их политического обезвреживания, представив детальный доклад в Политбюро. При разработке плана обратить внимание на возможность выезда меньшевистских вождей за границу”. И в том же заседании по письму ЦК РСДРП в Совнарком о разрешении выехать за границу Мартову и Абрамовичу постановлено: “Ходатайство ЦК РСДРП удовлетворить”¹⁷⁷.

Используя государственный аппарат, Коммунистическая партия держала все другие партии под постоянным политическим прессингом. Аресты, ссылки в окраинные районы, высылки за границу побуждали эти партии “законную” легальную деятельность сочетать с нелегальной. Видный деятель меньшевиков, член их ЦК Б. Двинов писал после гражданской войны: «Легальность и подполье чередовались для нас с середины 1918 г. в зависимости от политического курса власти, от изменчивого хода гражданской войны и т.д. Мы сами как-то свыклись с этим и считали почти “нормальным”, что через месяц, когда будут перевыборы в Совет, нас, вероятно, арестуют на это время, а потом, может быть, и выпустят»¹⁷⁸.

И снова вернемся к Р. Люксембург, которая осенью 1918 г. размышляла о происходивших в Советской России событиях. И хотя конкретные сведения о них были довольно скудны, она высказывала в связи с ними опасения, что действия РКП(б) могут принять для нее самой крайне негативный оборот. Соглашаясь с тем, что гражданская война вынуждает партию и Советскую власть ограничивать свободу для своих противников, она в то же время утверждала: “Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих”, свобода только для сторонников правительства и одной партии – это не свобода, она становится привилегией. При ней дирижируют и правят с неумеренной энергией “несколько дюжин партийных вождей... элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей,

единогласно одобрять предложенные резолюции”, в своей основе это диктатура горстки политиков, а не диктатура пролетариата. И заключает: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни – покушениям, расстрелам заложников и т.д. Это могущественный закон, действия которого не может избежать никакая партия”¹⁷⁹.

Р. Люксембург “смотрела в корень” – избежать действия “могущественного закона” большевикам не было дано.

О “КРАСНОМ ТЕРРОРЕ” И ЕГО ОРУДИИ – ЧК

На Пятом Всероссийском съезде Советов в связи с поднятым левыми эсерами вопросом о расстреле адмирала А.М. Щасного по приговору Верховного трибунала ВЦИК Я.М. Свердлов говорил: “Революция в своем развитии вынуждает нас к целому ряду таких актов, к которым в период мирного развития мы бы никогда не стали прибегать”¹⁸⁰. Далее он признал, что это был не первый случай расстрела противников Советской власти. “Смертные приговоры мы выносили десятками по всем городам: и в Петрограде, и в Москве, и в провинции”¹⁸¹. Все же до лета 1918 г., до того как вся страна оказалась в огне гражданской войны, массового террора как орудия политики правящей партии еще не было. Это в 30-е годы признавал даже активный участник борьбы против большевистской власти, английский представитель в Москве Р. Локкарт. После Октябрьского переворота, писал он в своих воспоминаниях, “террора еще не существовало, нельзя было даже сказать, что население боялось большевиков. Газеты большевистских противников еще выходили, и политика Советов подвергалась в них жесточайшим нападкам... Их (большевиков. – Е.Г.) последующая жестокость явилась следствием обостренной гражданской войны. В гражданской же войне немало повинны и союзники... Нашей политикой мы содействовали усилению террора и увеличению кровопролития”¹⁸².

В резко ухудшившейся летом 1918 г. военно-стратегической и политической обстановке трагическая спираль жестокости большевистской власти круто сделала виток вверх. В Ярославле после подавления восстания летом 1918 г. были расстреляны 350 человек. Десятки человек расстреляны в Муроме и других городах, где готовились восстания. В ночь с 16 на 17 июля в Екатеринбурге по приказу Уральского областного Совета расстреляны бывший царь Николай II с семьей. Резолюция ВЦИК, принятая 29 июля после выступлений Ленина и Троцкого, предупреждала: “Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее”¹⁸³. В августе в Пензенской губернии вспыхнуло восстание, и тогда Ленин передал по телеграфу указание губисполкому “провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города”¹⁸⁴. На убийство своего руководителя М.С. Урицкого, В. Володарского и ранение Ленина Петроградская ЧК тут же отреагировала: она расстреляла 512 заложников. Кроме того, она опубликовала

длинный список арестованных, заявив: если будет убит хотя бы один из советских работников, заложники будут расстреляны¹⁸⁵.

1 сентября, откликаясь на ранение Ленина, “Правда” в передовой статье писала: “Отныне наступил момент борьбы не на живот, а на смерть, когда все средства дозволены”. Репрессии, включая расстрелы, приняли массовый характер, во многих случаях террор уже был направлен не только против отдельных лиц, совершивших преступления, но за “классовую” принадлежность. “Законное” основание для этого давало постановление Совнаркома о “красном терроре”, принятое 5 сентября 1918 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о деятельности ВЧК. Оно гласило, что “при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью”. Правительство признало целесообразным изолировать классовых врагов в концентрационных лагерях, а заговорщиков, мятежников расстреливать¹⁸⁶. Классовыми же врагами считались не только буржуазия и помещики, но и все, кто находился в оппозиции большевистской власти. Все революции сопровождались контрреволюцией, взаимным насилием, принимавшим крайние формы. Так, например, было во Французской буржуазной революции 1789–1793 гг. Советская власть, прибегнув к массовому террору, не была исключением.

Главным орудием осуществления террора была ВЧК, а на местах – губернские и уездные чрезвычайные комиссии. Полномочия их, обширные с самого начала, в ходе войны расширились, они подавляли восстания, раскрыли и ликвидировали ряд заговоров, им было предоставлено право рассматривать дело о контрреволюционных преступлениях, не передавая их в народные суды и трибуналы. Таким образом, были узаконены внесудебные расправы, что делало неопределенными пределы действий “карающего меча революции”. В письме Ленину от 17 сентября 1918 г. П.А. Кропоткин писал, что недостойно руководителей социальной революции отдавать приказы брать заложников, творить массовые расстрелы людей, которых “держали в тюрьмах специально для этой цели – огульной мести, и наконец, массовые аресты с той же целью”¹⁸⁷.

21 октября 1919 г. декретом Совнаркома при ВЧК учреждался Особый революционный трибунал, в который поступали дела о крупных спекуляциях и должностных преступлениях. “Особый революционный трибунал, – гласил декрет, – в своих суждениях руководствуется исключительно интересами революции и не связан какими-либо формами судопроизводства... Приговоры Особого революционного трибунала окончательны и обжалованию в кассационном порядке не подлежат”¹⁸⁸. Декрет еще больше увеличивал всевластие ВЧК, которая, как и местные ЧК, и без того имела полномочия внесудебных расправ. В условиях широко распространенного правового нигилизма это создавало возможность не только совершать трагические для судеб людей ошибки, но и многочисленные злоупотребления властью.

Осенью 1918 г. Роза Люксембург, размышляя о русской революции, выражала беспокойство, как бы широкое применение террора против врагов революции не привело к падению морали самих

революционеров, как бы диктатура пролетариата не выродилась в диктатуру “небольшого руководящего меньшинства от имени класса”. Террор, писала она, обоюдоострый меч. “Да, всякое длительное правление с помощью осадного положения неизбежно ведет к произволу, а всякий произвол действует на общество развращающе”¹⁸⁹. Последующие события показали, что эти опасения не были напрасными. Резко осудил террор в России К. Каутский. В вышедшей в 1919 г. в Берлине книге “Терроризм и коммунизм”¹⁹⁰ он писал, что нельзя оправдать террор соображениями “революционной целесообразности”. Большевик с его методами, считал К. Каутский, – это извращение марксизма, приспособление его к крестьянской действительности России. Да, Маркс в 1848 г. действительно возлагал надежды на победоносную силу революционного террора, однако в 1871 г. (“Гражданская война во Франции”) он решительно отверг террор, полагая возможным для рабочих достичь своей цели мирным путем (Америка, Англия).

В 1920 г. К. Каутскому отвечал Л.Д. Троцкий в книге “Терроризм и коммунизм”. По Троцкому, демократия не разрешает ни одного вопроса, ни одного противоречия. Могущественное средство политика – устрашение. “Террор вытекает из природы революции, цель (социализм) при известных условиях его оправдывает. Кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. от мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от революционной диктатуры... и ставит крест на социализме”¹⁹¹.

Такова была позиция и Ленина. Считая, как и Маркс, насилие “повивальной бабкой” старого общества, когда оно беременно новым, неизбежным в ходе революции и основным признаком понятия “диктатуры пролетариата”, Ленин неоднократно высказывался в том смысле, что насилие в форме террора навязано контрреволюционными силами и является временным методом борьбы. Такова была и установка ЦК РКП(б). Один из пунктов принятого его пленумом 29 ноября 1919 г. постановления гласил: “Предложить т. Ленину в своем докладе (на Седьмом съезде Советов. – *Е.Г.*) указать на то, что террор был нам навязан, что с победой над Деникиным, Юденичем и Колчаком и прекращением блокады суровость пролетарской диктатуры ослабеет и все трудящиеся, в том числе и интеллигентный обыватель, будут поставлены в лучшие политические и экономические условия”¹⁹². Эти положения стали частью партийной пропаганды. Однако, как будет показано в следующей главе, и по окончании гражданской войны “суровость пролетарской диктатуры” не ослабевала.

Масштабы и витки спирали террора были в зависимости от хода гражданской войны. Так, осенью 1918 г. когда несколько улучшилось положение Советской республики, Шестой Чрезвычайный съезд Советов принял постановление об амнистии, предлагавшее “освободить от заключения всех тех задержанных органами борьбы с контрреволюцией, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против Советской власти или подготовке его, или в

организации белогвардейских сил, или в содействии тем партиям и группам, которые явно поставили себе целью вооруженную борьбу против Советской власти.

Освободить от заключения всех заложников, кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов". Революционным трибуналам и народным судам предписывалось пересмотреть списки осужденных ими лиц с целью досрочного освобождения тех из них, "освобождение которых не представляет опасности для Республики"¹⁹³. Но вскоре военно-политическое положение страны снова обострилось, и это опять вело к ужесточению репрессий. В какой-то мере это диктовалось самой логикой непримиримой межклассовой войны, что признавали даже противники большевиков. Меньшевик Ф.И. Дан, в те годы резко критиковавший политику Советской власти и правящей партии, позже в эмиграции писал, что они вынуждены были решать неотложные задачи "самыми упрощенными и грубейшими методами" «Не надо пояснять, почему на этих путях, в обстановке гражданской войны, диктаторские формы новой власти не могли не становиться все более законченными и "жесткими"»¹⁹⁴.

Насилия, жестокости вызывались культивировавшейся классовой ненавистью, наследством кровопролитной мировой войны, обесценившей человеческую жизнь и во многом извратившей мораль общества. Лидерами коммунистов "красный террор" рассматривался как необходимое и неизбежное средство спасения "завоеваний революции" Интересны в этом отношении воспоминания М. Горького о его беседах с Лениным, в которых речь шла о "жестокости революционной тактики и быта". "Чего вы хотите? – удивленно и гневно спрашивал он. – Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке? Где тут место мягкосердечию и великодушию? Нас блокирует Европа, мы лишены ожидавшейся помощи европейского пролетариата, на нас, со всех сторон, медведем лезет контрреволюция, а мы – что же? Не должны, не вправе бороться, сопротивляться? Ну извините, мы не дурачки"¹⁹⁵.

"Красный террор" подпитывался идеей "диктатуры пролетариата" и "военно-коммунистической" идеологией, из которой следовало: «Мы ускоренно строим коммунизм, а значит, "кто не с нами, тот наш враг"». Врага же надо уничтожать, во всяком случае изолировать.

Насилия подхлестывались публикациями в печати, утверждавшими, что "диктатуре пролетариата" все позволено. Так, осенью 1918 г. статья в "Еженедельнике чрезвычайной комиссии" восхваляла пытки. Правда, эта статья была осуждена руководством. 25 октября ЦК РКП(б) обсуждал вопрос о чрезвычайных комиссиях и в связи со статьей принял решение: закрыть "Еженедельник" и назначить политическую ревизию ВЧК и местных ЧК комиссией ЦК в составе Л.Б. Каменева, И.В. Сталина, Д.И. Курского¹⁹⁶. В тот же день вопрос о публикации статьи обсуждался на Президиуме ВЦИК, который признал, что высказанное в ней одобрение пыток находится в глубоком противоречии с политикой и задачами Советской власти. В постанов-

лении указывалось: “Прибегая по необходимости к самым решительным мерам борьбы с контрреволюционным движением, помня, что борьба с контрреволюцией приняла формы открытой вооруженной борьбы, в которой пролетариат и беднейшее крестьянство не могут отказаться от мер террора, Советская власть отвергает в основе как недостойные, вредные и противоречащие интересам борьбы за коммунизм меры, отставиваемые в указанной статье”¹⁹⁷.

В изданном в Казани 1 ноября 1918 г. Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте журнале “Красный террор” была помещена статья М.И. Лациса, в которой он утверждал, что не улики важны, главное не в том восстал ли обвиняемый с оружием или на словах, а к какому классу он принадлежит. На VIII съезде РКП(б) Н.В. Крыленко, занимавший важный пост в системе правосудия (председателя Революционного трибунала при ВЦИК), говорил: “В эпоху диктатуры пролетариата мы должны, в силу целого ряда обстоятельств, переходить к формам чрезвычайной судебной расправы”¹⁹⁸.

Отношение Ленина к нарушениям законности по отношению к “классовым врагам” было двойственным. В одних случаях он их осуждал, в других по существу одобрял и даже сам их допускал. По поводу упомянутой статьи М.И. Лациса он писал: «Вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале “Красный террор” товарищ Лацис, один из лучших, испытанных коммунистов, который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо этого написал на стр. 2 в № 1 своего журнала: “Не ищите (!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...”»¹⁹⁹. Да, с точки зрения элементарно-юридической это была нелепость, и Ленин, будучи юристом по образованию, не мог не обратить на это внимания. Но вот другое его заявление, сделанное на пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 г.: “Я рассуждаю трезво и категорически, что лучше посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или невиновных, сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? – Первое лучше. И пусть меня обвинят в каких угодно смертных грехах и нарушениях свободы – я признаю себя виновным, а интересы рабочих выиграют”²⁰⁰. В этих словах – признание и в какой-то мере оправдание репрессий, совершавшихся и в отношении людей невинных. Подобные заявления, исходившие от руководящих деятелей, отвечали настроениям широкого круга партийных и советских работников как в центре, так и на местах. Важным фактором формирования у них психологии правового нигилизма была война. Как отмечал Н.А. Бердяев, “война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе”. И далее: “Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он пришел через дисциплину военную и партийную. Новые люди,

пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было *ressentiment** по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести”²⁰¹.

Чекистские органы, творившие и суд и расправу в соответствии с установкой беспощадно уничтожать врага, широко использовали право выносить самые суровые приговоры, зачастую не вникая в степень вины своей жертвы. В декабре 1918 г. член коллегии Наркомата юстиции М.Ю. Козловский представил Ленину 8 дел, по которым ВЧК вынесла приговор – расстрелять. 6 приговоров он опротестовал, так как, по его мнению, их обоснования были просто нелепы. “Из них, – писал Козловский Ленину, – Вы усмотрите, как ведутся дела ВЧК, с каким легким багажом отправляют там в лучший мир”²⁰². В другой записке Ленину он сообщал, что из 17 приговоров ВЧК к расстрелу 16 он опротестовал и Коллегия Наркомата юстиции протесты признала правильными²⁰³.

ВЧК и ее местные органы широким бреднем захватывали не только подлинных заговорщиков, контрреволюционеров, но и людей невинных, которых вследствие доносов или их принадлежности к небольшевистским партиям работники ЧК считали потенциально опасными. На заседании Политбюро ЦК РКП (б) 11 сентября 1919 г. рассматривалось заявление Л.Б. Каменева, А.В. Луначарского и А.М. Горького о массовых арестах профессоров и ученых, вызванных их былой принадлежностью к партии кадетов. Принято постановление: предложить Каменеву, Бухарину и Дзержинскому совместно с заявителями “пересмотреть дела арестованных во время последних массовых арестов”²⁰⁴. Большинство же подвергавшихся арестам невинных людей не могли избежать обычной участи жертв чрезвычайка.

Примечательна статья в “Правде” от 10 января 1919 г. Ее автор (подпись – Илья) отмечал заслуги ЧК, которые своими быстрыми и решительными действиями ликвидировали смертельно опасные для республики контрреволюционные заговоры. Внесудебные скорые расправы с врагами, когда страна находилась в кольце фронтов, считал автор, были необходимы. В то же время внесудебные расправы, утверждалось в статье, чреватые серьезными ошибками. “Чрезвычайные комиссии – острое оружие; в одно время оно с необычайным успехом рубит и режет противника, но в другое время с таким же успехом может рубить и своих”. Все зависит от чекистских следователей, их честности, поскольку их следственный материал служит непосредственным аргументом для внесудебной расправы: ЧК выносит приговоры без вызова обвиняемых и свидетелей, нет гласности. Создается исключительная власть следователей ЧК. Предвидения автора во времена сталинщины сбылись: наследники чекистов “с таким же успехом” “рубят и своих” – коммунистов и беспартийных.

Особенно много элементов, злоупотреблявших своей властью,

* Обида, злопамятство (*фр.*).

вобрали в свой состав уездные ЧК. С этим в немалой степени было связано постановление ВЦИК, принятое 20 января 1919 г., об упразднении в течение 20 дней уездных ЧК. Причина роспуска в постановлении сформулирована так: “В целях правильной организации и более решительной борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности”²⁰⁵. Губернским исполкомам и губернским ЧК предоставлялось право ходатайствовать перед ВЧК о продлении существования или срока ликвидации уездных ЧК. В 60 уездах ЧК не были ликвидированы²⁰⁶, а кое-где вследствие “контрреволюционных выступлений” они вновь восстанавливались.

Поступавший в Совнарком и ВЦИК поток жалоб на чрезвычайные комиссии, многочисленные факты их злоупотреблений, незаконных вынуждали время от времени возвращаться к вопросу о правах, прерогативах этих органов. Так, постановлением от 17 февраля 1919 г. ВЦИК попытался несколько ограничить права ЧК. За чрезвычайными комиссиями оставлялось лишь право ведения следствия по возбуждаемым ими делам, вынесение же приговоров передавалось революционным трибуналам. Однако в случае вооруженных антисоветских выступлений за чрезвычайными комиссиями сохранялось право непосредственной расправы “для пресечения преступлений”. Это право за ними оставалось в местностях, объявленных на военном положении. Революционному трибуналу предоставлено было право проверки следственных действий чрезвычайных комиссий и “проверки законности содержания арестованных”²⁰⁷. Следствия по делам о преступлениях чрезвычайные комиссии обязывались заканчивать не позднее одного месяца, однако в случае необходимости продолжить следствия они могли ходатайствовать об этом перед местными Советами, а ВЧК – перед ВЦИК. Но чрезвычайные комиссии с ограничениями своих прав не очень считались. Постановление же ВЦИК от 20 июня 1919 г. уточняло: в местностях, объявленных на военном положении, ВЧК и губернским чрезвычайным комиссиям принадлежит право непосредственной расправы (вплоть до расстрела) “за преступные деяния”: “участие в контрреволюционных заговорах, государственная измена, шпионаж, бандитизм, торговля наркотиками”²⁰⁸. Осенью 1919 г. компетенция ВЧК была еще более расширена. Решением Совнаркома из общей подсудности были изъяты дела по крупной спекуляции товарами и должностным преступлениям (подлоги, хищения, взятки и т.п.) – они передавались в ведение ВЧК²⁰⁹.

В конце 1919 г. Красная Армия одержала решающие победы на фронтах, и в январе 1920 г. правительство отменило применение высшей меры наказания – расстрела. Принятое ВЦИК 18 марта 1920 г. положение о революционных трибуналах снова ограничивало право ЧК по применению внесудебных репрессий. На ВЧК и местные ЧК возлагалась обязанность ведения предварительного следствия по уголовным делам, подлежащим направлению в революционные трибуналы, последним надлежало определять по ним меры наказания. ВЧК и ЧК имели право заключать виновных в лагеря принудительных работ (на срок не свыше 5 лет) в исключительных случаях, перечисленных в

законе²¹⁰. Но вскоре началась война с Польшей, и все вернулось на круги своя. 28 мая 1920 г. постановлением Совета Труда и Оборона ВЧК предоставлялись “права военных революционных трибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности республики”²¹¹. ВЧК снова получила право вершить суд с применением расстрела. Предпринимавшиеся время от времени попытки несколько ограничить всевластие чрезвычайных комиссий существенных результатов не давали и не могли дать, так как насилие и террор имели своим источником государственную политику принуждения. Это понимали те, кто не был охвачен идеей “диктатуры пролетариата” и классового противостояния. Великий русский писатель-демократ В.Г. Короленко в 1920 г. в одном из своих писем наркому просвещения А.В. Луначарскому высказал свое отношение к политике и действиям Советской власти. Он судил о них с чисто гуманистических позиций. Короленко предсказывал, что социалистический эксперимент чреват самыми тяжелыми последствиями. “... Народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающие в нем мнения, который приступает к устройству социальной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: грабь награбленное), который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы, такой народ еще далек от того, чтобы стоять во главе лучших стремлений человечества. Ему нужно еще учиться самому, а не учить других”²¹².

В августе 1920 г., протестуя против казней политических противников, П.А. Кропоткин писал Ленину: “Во многом мы расходимся с Вами, но социальная революция мне так же дорога, как и Вам; и я думаю – пора доказать миру, что социальный переворот ведет за собой гуманность во всем, а следовательно, и в обращении со своими противниками”²¹³. Уже по окончании гражданской войны, 23 декабря 1920 г; П.А. Кропоткин направил Ленину письмо в связи с заявлением Советской власти, что она возьмет в заложники эсеров из группы Савинкова и Чернова, белогвардейцев национального и тактического центра и офицеров-врангелевцев с тем, чтобы их уничтожить в случае покушения на вождей Советов. «Такие меры, – писал П.А. Кропоткин, – представляют возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн... заложник посажен в тюрьму – не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам: “Убьете одного из наших, а мы убьем столько-то ваших” Не будет ли это сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и спасаете уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя»²¹⁴.

О количестве жертв “красного террора”, в частности чекистских органов, пока невозможно привести хотя бы приблизительные цифры. По явно заниженным данным ВЧК, за первые два года существования чрезвычайных комиссий (1918–1919) ими было арестовано по стране (без Украины) 128 010 человек. Какова их, по тем же данным, судьба? Почти половина из них – 54 150 человек – была освобождена (главным образом по амнистиям), 9559 человек являлись заложниками, они

обменивались на арестованных белогвардейцами “красных”, 13895 человек направлены в концентрационные лагеря, 36 226 человек содержались в тюрьмах, 4139 человек приговорены к принудительным работам, 9641 человек расстрелян²¹⁵. А за три года (1918–1920) расстреляно 12 733 человека²¹⁶.

Если даже верить этим данным ВЧК, то ведь еще остаются неучтенные сведения о расстрелах и различных видах репрессий, совершенных по приговорам революционных трибуналов, ревкомов и по произволу других местных властей без судебных формальностей. Книга исследователя истории “красного террора” С.П. Мельгунова – это своего рода мартиролог жертв “разящего меча революции”. В ней приводятся цифры расстрелянных по отдельным городам, местностям в различное время гражданской войны. Но исследователь не смог дать итоговые цифры всех жертв. Он писал: «Были попытки подвести итоги. Нужно ли это делать теперь? Вероятно, и в будущем никогда не раскроется вполне та темная завеса, которая скрывает от нас закулисные стороны кровавой полосы русской жизни за последние пять лет. История будет всегда стоять до некоторой степени перед закрытыми дверями в царство статистики “красного террора”. Имена и число его жертв мы не узнаем»²¹⁷. Этот вывод справедлив и поныне.

“Красный террор”, видимо, сыграл определенную роль в победе Советской власти. В то же время он плодил новых ее врагов, был использован ими и их зарубежными союзниками для оправдания интервенции и “белого террора”.

О “белом терроре”, как и о “красном”, нет достоверных обобщенных данных. Но о его масштабах можно судить по отдельным фактам. Так, по сведениям Наркомата внутренних дел, в июле 1918 г. белогвардейцами был расстрелян 4141 советский работник, в августе – 339, сентябре – 6016. В эти цифры не включены массовые расстрелы, производившиеся в занятых белыми местностях²¹⁸. В январе 1919 г. только в Уральской области было убито 1050 человек²¹⁹. Взяв Казань, они за один день расстреляли больше тысячи человек²²⁰.

В уже упомянутых письмах А.В. Луначарскому В.Г. Короленко рассказывал, как в 1919 г. деникинцы, заняв Полтаву, вытащили из общей ямы 16 разлагающихся трупов жертв ЧК и положили их напоказ. «Впечатление, – писал автор, – было ужасное, но к тому времени они сами расстреляли уже без суда несколько человек, и я спрашивал их приверженцев: думают ли они, что трупы расстрелянных ими, извлеченные из ям, имели бы более привлекательный вид. Да, обоюдное озверение достигло уже крайних пределов, и мне горько думать, что историку придется отметить эту страницу “административной деятельности” ЧК в истории первой Российской Республики, и притом не в XVIII, а в XX столетии»²²¹.

“Белый террор”, также вызванный классовой ненавистью и непримиримостью, воспринимался трудящимися как направленный непосредственно против них, усиливая их ненависть к белогвардейцам. И все же, думается, можно согласиться с авторами книги “Утопия у власти” М. Геллером и А. Некричем, которые, говоря об отличии “красного”

террора от “белого”, пишут, что террор на территориях, занятых белыми армиями, “был всегда делом отдельных лиц, отдельных генералов, садистов и изуверов, таких, как Май-Маевский или Слацов, носил, если, так можно выразиться, кустарный характер. Красный террор носил государственный характер. Он был направлен не против отдельных лиц, даже не против отдельных партий. Его объектом были целые социальные группы, целые классы...”²²²

С той поры страх, внушенный населению террором, стал спутником советской политической системы, ассоциируясь с чрезвычайными комиссиями (позже с КГБ).

ПРОФСОЮЗЫ – ИНСТРУМЕНТ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Гражданская война привела к резкому ухудшению условий жизни и труда рабочих. Прогрессивные меры, принятые Советским правительством в первые месяцы революции в области труда (декреты о 8-часовом рабочем дне, отпусках, социальном обеспечении, охране труда женщин, подростков), не соблюдались. На рабочих обрушились невероятные бедствия: голод, эпидемии, невозможность приобрести самое необходимое из одежды, физическое истощение. “Как живет рабочий” – под таким названием в 1920 г. было опубликовано письмо рабочего Филиппова крестьянам. Автор писал: “Вскочишь со светом, – и идешь в очередь... Много на это идет времени, часа по два и по три... Сменит жена, а тут гудок – иди на работу. Часто работаем сверхурочные часы по два и больше, на помощь фронту или для иной какой срочной работы, как недавно в Неделю крестьянина. Смотришь – поздний вечер настал, а дела такого же нужного, как работа на фабрике, дома не переделаешь. Не говорю, что постоянно бегаешь с заботами о семье: купить, достать чего – душа пить, есть просит, пайком не насытишься, три рта у детей, да жена”²²³. Это довольно типичная зарисовка одного дня жизни рабочего. Фактический прожиточный минимум фабрично-заводского рабочего в 1919–1920 гг. составлял примерно 38–39% от уровня 1913 г., хотя в довоенное время он был одним из самых низких в Европе.

Из-за голода, закрытия предприятий, ухода рабочих в деревню, в государственный аппарат, на фронты численность рабочих сокращалась. К осени 1918 г. промышленность потеряла 1,1 млн рабочих, в 1919–1920 гг. – еще 1 млн, всего свыше 2 млн. Таким образом, к концу гражданской войны на предприятиях осталось примерно 1,5 млн промышленных рабочих, что составляло 50% его численности в 1913 г. и 40,5% – в 1917 г.²²⁴

По тем же причинам шел процесс уменьшения концентрации рабочих: в 1920 г. на крупных предприятиях с числом рабочих свыше 500 было занято 47,3% всех рабочих, тогда как в 1914 г. – 55,2, в 1917 г. – 72,3%²²⁵. Значительно сокращалась та часть рабочих, которая относилась к потомственным и имевшим длительный рабочий стаж, т.е. кадровым.

Текучесть кадров приводила к смене квалифицированных рабочих неквалифицированными. Массовая национализация промышленности сделала абсолютное большинство рабочих тружениками государственных предприятий. По данным переписи 1920 г., к концу гражданской войны в государственном секторе было занято 93,4% и в кооперативном – около 3% всех промышленных рабочих. В частной промышленности (это были мелкие, в основном кустарные, предприятия) трудилась незначительная часть рабочих – всего около 4%²²⁶.

Советское государство превратилось в монополиста, на которого работали почти все рабочие. Дело не менялось от того, что по большевистской "теории" они стали "хозяевами производства" и им внушалось: "государство – это мы". По сути рабочие были в полной зависимости от государственных структур, для которых главными задачами были "все для фронта" и для "строительства социализма". Скудость материальных средств, которые могли быть использованы для удовлетворения хотя бы минимальных потребностей трудящихся, обострялась еще бюрократической сверхцентрализованной системой управления, не позволявшей учитывать условия района, того или иного производства, особенности нужд отдельного отряда рабочего класса и оставлявшей простор для злоупотреблений.

Да, часть рабочих, особенно промышленных, мирилась с необходимостью идти на жертвы и лишения "во имя победы над белогвардейцами и интервентами" Но и у нее было достаточно оснований для недовольства некомпетентностью, допускавшимися беззакониями на разных уровнях управления. Это недовольство выливалось в многочисленные забастовки, волнения.

Процессы, происходившие в народном хозяйстве и самом рабочем классе, непосредственно отражались на профсоюзах. Они все больше теряли чисто пролетарский характер. Численность промышленного рабочего класса сокращалась, а число членов профессиональных союзов неуклонно увеличивалось за счет пополнений других социальных слоев: служащих, кустарей, ремесленников.

В январе 1919 г. Второй Всероссийский съезд профсоюзов принял решение об обязательном членстве в профессиональных союзах всех работающих. Рабочие и служащие предприятий поголовно зачислялись в союз, а при выдаче зарплаты из нее автоматически высчитывались членские взносы, поступающие в кассу профсоюза. В конце гражданской войны, в январе 1921 г., в профсоюзах насчитывалось около 475 тыс. металлистов, 240 тыс. текстильщиков, 103 тыс. пищевиков, 60 тыс. кожевников, 57 тыс. деревообделочников, 60 тыс. швейников, 94 тыс. химиков²²⁷. Если в первой половине 1918 г. в профсоюзах числилось 946 тыс. членов, то в начале 1921 г. их было 7,5 млн человек²²⁸. Промышленные рабочие составляли всего 23% всех членов профсоюзов.

Объединенные в профсоюзы рабочие и служащие, естественно, рассчитывали, что эти массовые организации будут защищать их экономические интересы, бороться за улучшение материального положения своих членов. Но эти расчеты не оправдывались. Практика

профсоюзов определялась происходившим их интегрированием в государственные структуры, процессом огосударствления. Следует при этом отметить, что сама идея огосударствления профсоюзов в годы гражданской войны претерпела изменения. Если раньше она понималась как участие профсоюзов в организации управления промышленности на началах самоуправления самих тружеников предприятия, то теперь эта идея стала трактоваться как их сращивание с государственным аппаратом, превращение в его составную часть.

Вопрос о взаимоотношениях профсоюзов и Советской власти законодательство не решало, а это вело к параллелизму, дублированию деятельности профсоюзов и Наркомата труда, его отделов на местах. О ненормальности этого говорилось, в частности, в письмах от 11 ноября 1918 г. заместителя наркома труда в Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б)²²⁹. Нередко ответственные работники профсоюзов одновременно являлись членами хозяйственных управлений: "Не поймешь, где начало функций союза, фабкома и конец функций заводоуправления и группового правления", – записало в своем отчете за 1919 г. правление аппарата текстильщиков Орехово-Зуевского района²³⁰.

Аппарат профсоюзов непосредственно выполнял государственные функции. "Если спросить, что делали в эти первые тяжелые годы нашей революции профессиональные союзы, – вспоминал то время их руководитель М.П. Томский, – на это пришлось бы ответить: все делали. Трудно сказать, чего они не делали, так как делали они действительно все: боролись с голодом, организовывали продовольственные отряды, снимали с фабрик ответственных работников и посылали их на фронт, боролись с эпидемиями, организовывали комиссариаты, управляли производством, продолжали свою организационную работу внутри рабочего класса, одновременно ведя неутомимую повседневную борьбу с реформизмом, со всеми его проявлениями"²³¹.

В перечне М.П. Томского того, "что делали профсоюзы", опущена мобилизационная работа. О ней необходимо сказать особо, так как она составляла весомую часть выполняемых профсоюзами государственных функций, имевшую в военное время первостепенное значение. Сошлюсь только на отчет ВЦСПС за 1919 г. В предисловии к отчету говорилось: «Линия поведения профессиональных союзов в обороне страны могла быть одной, единственно правильной – ставя интересы революции выше интересов повседневной практики профсоюзов – все свое влияние и все организационные аппараты использовать для дела обороны страны. Союзы отбросили мысль о "нейтральном" отношении к обороне страны, помня, что с поражением советского строя в России, поражение потерпят и профессиональные союзы»²³². Профсоюзы проводили мобилизации своих членов на фронт, оказывали прямую помощь властям в осуществлении общих мобилизаций. На Третьем Всероссийском съезде профсоюзов (апрель 1920 г.) М.П. Томский в своем докладе заметил, что ВЦСПС стал полувоенным учреждением, а профсоюзы превратились в "передаточные органы военного ведомства"²³³.

"Профсоюзы – строители социализма" – и эту задачу, постав-

ленную перед ними РКП(б), большевистское руководство этих организаций старалось реализовать. "Нормальный устав Всероссийского производственного союза", разработанный Президиумом ВЦСПС в 1919 г., целью профсоюзов считал вовлечение "широких масс рабочих в социалистическое строительство", "осуществление социализма путем диктатуры пролетариата"²³⁴. Профсоюзы включались в осуществление "военно-коммунистических" мер, таких, как милитаризация труда, трудовая повинность. Пытаясь укрепить трудовую дисциплину на предприятиях, они применяли по существу карательные методы. Согласно принятому Совнаркомом 14 ноября 1919 г. Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах (оно было одобрено ВЦСПС), при местных отделениях производственных союзов создавались "тройки" (по одному представителю от заводоуправления, правления профсоюза и общего собрания членов профсоюза предприятия), которые могли наказывать нарушителей трудовой дисциплины как за совершение уголовных деяний: отправка на тяжелые общественные работы, а в случаях "упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине" подвергать "как нетрудовой элемент увольнению с предприятий с передачей в концентрационный лагерь"²³⁵. Приказные, принудительные методы были восприняты и профсоюзами. Впрочем, эти методы государственных органов использовали и в их отношениях с профсоюзами.

В мае 1920 г. группа членов ЦК Всероссийского союза служащих представила английской рабочей делегации, посетившей Советскую Россию, записку, в которой констатировалось: союзы, захваченные большевиками, "превратились в бюрократические учреждения с неизбежной волокитой и канцелярщиной, опекающие союзную массу, отдающие ей распоряжения и карающие ее всяческими дисциплинарными мерами"²³⁶. Для содержания все увеличивавшегося штатно-оплачиваемого аппарата профсоюзов требовались большие денежные средства, государство и даже ЦК РКП(б) их субсидировали. Половина расходов ВЦСПС в 1919 г. была покрыта субсидиями ВЦИК (500 тыс.), Наркомтруда (290 тыс.), ЦК РКП(б) (100 тыс.)²³⁷. М.П. Томский тоже писал: "Выполнение профсоюзами государственных функций ставило союзы в необходимость существования, главным образом, на государственные субсидии, а низшие союзные органы ставило в зависимость от финансирования их высшими организациями через субсидирование по сметной системе"²³⁸. Взятие государством профсоюзов на свое полное (например, союза железнодорожников) и частичное финансовое обеспечение было логическим следствием процесса их огосударствления.

Условия военного времени и огосударствление профсоюзов определяли процессы централизации во всей их системе и складывания структур, подчиненных по иерархии снизу вверх, со строгой дисциплиной и возможностью управлять из центра. Наметилась тенденция копирования государственных структур, что способствовало превращению профсоюзных звеньев в исполнителей государственных решений.

Профсоюзные объединения повсеместно испытывали на себе

диктат коммунистических ячеек, стремившихся направлять по своему разумению их деятельность. В письме Президиума ВЦСПС, направленном в декабре 1918 г. профсоюзам, констатировалось, что повсеместно комячейки в ультимативной форме диктуют свои решения правлениям профсоюзов и общим собраниям членов профобъединений, отменяют их решения, навязывают своих кандидатов в руководящие профсоюзные органы²³⁹. Командование профсоюзами усилилось. Идеологическим "обоснованием" этого процесса был насаждавшийся Коммунистической партией постулат: ее руководство охватывает не только государственные структуры, но и общественные организации трудящихся – они подчинены партии.

Г.Е. Зиновьев писал: "Партия занимается и экономикой, и всем хозяйством, и всем земельным делом, и образованием, и целым рядом других вопросов... Партия поэтому должна руководить всеми остальными функциями всех остальных рабочих организаций. И в этом смысле и не может быть речи о равноценности, о равноправии, о договаривающихся сторонах"²⁴⁰. Такой же была позиция Ленина. Профсоюзам он отводил роль "помощников" партии, "звена", связывающего партию с трудовой массой, "ремня", связывающего ЦК партии с членами профсоюзов²⁴¹.

Тезисы М.П. Томского "Задачи партии в профессиональном движении" (ноябрь 1918 г.) проникнуты идеей; профсоюзы должны строиться так, чтобы партия могла ими овладеть: "Лучшим методом подчинения всего профессионального движения Коммунистической партии [являются] проведение через руководящие центры профессионального движения строжайшей союзной дисциплины и укрепление авторитета и силы находящихся в наших руках центров профессионального движения"²⁴². А в тезисах к Третьему съезду профсоюзов (1920 г.) – "Задачи профессиональных союзов и взаимоотношение партии, союзов и Советов" – он констатировал: "Будучи формально непартийными объединениями трудящихся, независимо от их политических и религиозных [взглядов], профсоюзы в целом, стоя на платформе осуществления коммунизма через диктатуру пролетариата, в своей практической деятельности фактически проводили чисто коммунистическую линию, являясь проводником политики гегемона пролетарской революции РКП"²⁴³.

Резолюция IX съезда РКП(б) говорила о профсоюзах как инструменте партии: оставаясь формально непартийными, они становятся коммунистическими по существу и проводят ее политику²⁴⁴. О том, что профсоюзы лишь формально беспартийные организации, Ленин писал в книге «Детская болезнь "левизны" в коммунизме»: "Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую очередь, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии"²⁴⁵.

Со всей определенностью Ленин обозначил роль профсоюзов как инструмента осуществления партией своей диктатуры в самом конце гражданской войны (30 декабря 1920 г.): "Получается такая вещь, что

партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата и, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно через советский аппарат"²⁴⁶.

"Правда" 18 января 1921 г. опубликовала тезисы ЦК РКП(б), в которых подчеркивалось: всю деятельность профсоюзов направляет партия. Это была констатация совершившегося.

Проводился жесткий курс РКП(б) на вытеснение из руководства профсоюзных звеньев всех уровней меньшевиков, все еще пытавшихся отстоять какие-то позиции в рабочих организациях. У правящей партии было монопольное распоряжение разветвленными органами политического воздействия на массы, а главное – репрессивным государственным аппаратом. Если же не удавалось устранить меньшевиков политическими методами, профсоюзы подвергались гонениям, меньшевистские правления закрывались, разгонялись, а их руководители арестовывались, как это случилось с правлением союза печатников в Москве в 1920 г.²⁴⁷ Подробно о репрессиях в отношении профсоюзов меньшевистской ориентации рассказал в своей книге видный деятель меньшевиков и профсоюзов П.А. Гарви²⁴⁸.

Превращаясь в разновидность государственных органов, профессиональные союзы в конфликтных ситуациях рабочего движения волевыми занимали сторону государства. Так, они выступали против забастовок, происходивших на почве тяжелого материального положения рабочих. У нас нет статистики забастовочного движения рабочих – этот вопрос советские историки не изучали, поскольку считалось, что забастовочного движения вообще не было; если и происходили отдельные забастовки, то исключительно вследствие козней меньшевиков. В действительности забастовок было много, они происходили на всем протяжении 1918–1920 гг. в различных регионах страны и в ряде отраслей промышленности. Сошлюсь лишь на "цитадель" революционного пролетариата – Петроград. Только в марте 1919 г. кратковременные забастовки вспыхивали на Путиловском, Невском, вагоностроительном (бывшем Речкина) заводах, "Тругольнике", фабрике "Скороход", в Рождественском трамвайном парке, в главных мастерских Николаевской железной дороги и других предприятиях. На 15 предприятиях города, где происходили эти забастовки, числилось 34 704 рабочих, был потерян 173 091 рабочий день²⁴⁹. После забастовок на тульских Оружейном и Патронном заводах в начале весны 1919 г. на этих предприятиях снова началось брожение рабочих. Рабочие выдвинули экономические требования. Как обычно в таких случаях, "козлами отпущения" были меньшевики и эсеры. Получив телеграфное распоряжение ВЧК об аресте меньшевиков и эсеров, ГУБЧК арестовала меньшевиков – секретарей союза металлистов. Это подтолкнуло рабочих к забастовке. 2 апреля конференция союза металлистов Тулы приняла резолюцию с протестом против арестов и выразила недоверие Бюро правления союза, одобрявшему аресты на совместном заседании

с представителями центральнозаводских комитетов Оружейного и Патронного заводов. Тогда ЧК произвела новые аресты. 4 апреля заводы забастовали. После этого аресты приняли массовый характер (арестовано 290 человек). Действуя кнутом и пряником (были удовлетворены экономические требования рабочих), власти сумели забастовку прекратить. Об этих событиях Ленину докладывал член коллегии НКВД В.П. Антонов. Он же давал рекомендации по нормализации обстановки в Туле: регулярно выдавать рабочим зарплату и улучшить продовольственное снабжение, произвести "чистку" рабочего состава, что же касается меньшевиков и эсеров, то их не допускать к работе в Туле; "арестованные комитеты меньшевиков и эсеров вывезти в Москву, остальных ненужных остро в производстве удалить за пределы Тульской губернии"²⁵⁰.

Н. Осинский сообщал лично Ленину из Тулы о ситуации на Оружейном заводе и просил дать согласие "на решительную политику, принятую нами вчера: арест всех отказавшихся работать (900 чел.), учреждение ревтриба, который должен закатать всех главарей, при этом все же отказ от расстрелов, т.к. предшествующая политика по улучшению положения массы и решительные меры сейчас – стачечное движение вырвут с корнем, преувеличения же создадут нам затруднения в будущем"²⁵¹. На заводе были созданы революционный комитет с чрезвычайными полномочиями, чрезвычайная следственная комиссия и чрезвычайный революционный трибунал, на территорию завода введены отряды красноармейцев, было арестовано 23 человека, наиболее активные участники забастовки отправлены в штрафные роты²⁵².

В подобных ситуациях позиция официальных профсоюзов определялась уже сложившимися стереотипами: государство у нас рабочее, следовательно, вся его политика, все его экономические и политические меры отвечают коренным интересам рабочих, значит, забастовки рассчитаны на ослабление "диктатуры пролетариата", они на руку ее врагам, а потому контрреволюционны. Государственные профсоюзы и действовали по-государственному – вместе с органами власти.

Между тем споры, дискуссии по вопросу о роли и задачах профсоюзов среди большевиков продолжались. Сессия совета Всероссийского союза рабочих-металлистов в начале декабря 1918 г. приняла в качестве своего решения тезисы В.В. Косиора, в которых говорилось: "Все стремления к слиянию профессиональных союзов с органами власти или присвоение ими функций этих органов вытекают из непонимания роли и задач профессионального движения"²⁵³. В конце 1918 – начале 1919 г. разногласия дали о себе знать в статьях, с которыми выступали заместитель наркома труда В.А. Радус-Зенькович и председатель ВЦСПС М.П. Томский. В.А. Радус-Зенькович утверждал: необходимо слить профсоюзы с государством, превратить их в аппарат управления народным хозяйством. Другого мнения был М.П. Томский: профсоюзы сохранить по форме, резко разграничить функции профсоюзов и государства, профсоюзы должны выполнять специфические профессиональные задачи.

На Втором Всероссийском съезде профсоюзов (январь 1919 г.) Ленин начал свой доклад с резкой критики "пресловутого лозунга независимости" профсоюзов, назвав его "самообманом для одних, обманом для других", мелкобуржуазным предрассудком. Рассматривая профессиональные союзы в качестве одного из рычагов проведения "диктатуры пролетариата", он заявил: "Неизбежно огосударствление профессиональных союзов, неизбежно слияние их с органами государственной власти, неизбежен всецело переход в их руки дела строительства крупного производства". Однако, учитывая практический годовой опыт, он несколько скорректировал прежнюю свою позицию: не немедленное огосударствление профсоюзов, а в будущем. "...Если бы сейчас профессиональные союзы потребовали самочинно взять на себя функцию государственной власти, из этого вышла бы только каша... Нужно сделать еще немало шагов, прежде чем можно будет сказать: профессиональное объединение трудящихся окончательно слилось со всем государственным аппаратом"²⁵⁴.

От меньшевиков на съезде с докладом выступил Ю. Мартов. Его доклад содержал критические положения, относившиеся к профсоюзной партийно-государственной политике. В частности, исходя из убеждения, что диктатура пролетариата в чистом виде невозможна, докладчик считал, что рабочему классу придется делиться властью с другими социальными силами, особенно с крестьянством. Да и сама Советская власть, утверждал он, не является представительницей интересов только рабочего класса. Это, не говоря уже о других обстоятельствах, диктует необходимость политической самостоятельности профсоюзов. Чтобы стоять на страже интересов рабочих, профсоюзы должны быть независимы от государства. Докладчик не исключал возможность реставрации капитализма или частичного его возрождения в рамках советского строя – и в этом случае рабочим потребуются сильные, боевитые, независимые профсоюзы²⁵⁵.

С критикой курса на огосударствление профсоюзов выступали на съезде представители социал-демократов интернационалистов, анархистов-синдикалистов, левых эсеров-максималистов, от имени этих течений предлагались соответствующие проекты резолюций, отвергавшиеся съездом. Подавляющее большинство его делегатов были коммунистами, и они проголосовали за резолюцию, составленную в духе ленинской позиции. Она предлагала профсоюзам принять еще более энергичное участие в работе Советской власти путем непосредственной работы во всех государственных органах, содействовать их перестройке и "постепенной замене их своими организациями путем слияния органов союзов с органами государственной власти". И далее: "Однако было бы ошибкой на данной стадии развития профессионального движения, при недостаточно оформившихся организациях как немедленное превращение союзов в органы государственной власти и слияние их с таковыми, так равно и самовольное присоединение союзами функций государственных органов"²⁵⁶. По существу съезд взял курс на сращивание профсоюзов с государственным аппаратом.

Дискуссии продолжались на VIII съезде РКП(б). Н.И. Бухарин

возражал здесь Д.Б. Рязанову, в позиции которого он усмотрел отражение меньшевистского лозунга независимости профсоюзов. Он утверждал, что эта позиция "мешает советской власти, ее хозяйственной деятельности, которая является самой существенной, отнять у профсоюзов функции организации производства – это значит отдать дело управления на съедение бюрократическим крысам"²⁵⁷.

В программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б), этот вопрос звучал так: профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым²⁵⁸. Правда, такое понимание вопроса как до, так и после съезда разделялось далеко не всеми партийными и особенно хозяйственными работниками. В 1919 и 1920 гг. в ряде отраслей промышленности, в первую очередь на оборонных предприятиях, принимались решения о невмешательстве заводских комитетов в область управления. Но линия на превращение союзов в государственные органы превалировала, что на практике означало подчинение союзов государству, превращение их в придаток государству.

Н.И. Бухарин в работе "Теория пролетарской диктатуры" в 1919 г. писал: "Нет ни одной массовой организации, которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих – важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении экономической диктатуры – Высшем совете народного хозяйства, фактически ведущие работу Комиссариата труда, фабрично-заводские комитеты – нижние ячейки государственного регулирования..."²⁵⁹

В том же году в сентябре, выступая в Петрограде во Дворце труда, Г.Е. Зиновьев говорил: «Профсоюзы по инерции держатся за свою старую защитную функцию, думают, что по-прежнему "защищают" интересы наемных рабочих, но это только по инерции. Теперь не приходится "защищать" интересы в старом смысле слова». Далее он дал определение советских профсоюзов: "Будучи школой коммунизма для самых широких слоев пролетариата и полупролетариата, современные профессиональные союзы постепенно входят составной частью в общий механизм государственной власти, становятся одним из органов пролетарской государственности, подчиняясь Советам как исторически данной форме диктатуры пролетариата"²⁶⁰.

Однако вследствие продолжавшихся возражений против такого понимания роли профсоюзов в государстве, исходивших не только от представителей меньшевиков, но и ряда деятелей самой Коммунистической партии, ЦК РКП(б) решил включить этот вопрос в повестку пленума, состоявшегося 20 ноября 1919 г. Один из пунктов принятого им постановления гласил: "Предложение т. Томского особой резолюцией подтвердить, что политика ЦК по отношению к профессиональным союзам осталось тою же, какою была во время Второго съезда профессиональных союзов"²⁶¹.

В преддверии IX съезда РКП(б) и Третьего Всероссийского съезда профсоюзов дискуссии обострились в связи с милитаризацией труда и

переходом к единоначалию в управлении. Подробно о них рассказано в книге А.Ф. Киселева²⁶². На IX съезде РКП(б) доклад о профсоюзах и их задачах сделал Н.И. Бухарин. Свою позицию (огосударствление) он аргументировал постулатом: пролетарское государство – всеобъемлющая рабочая организация, оно вбирает в себя и подчиняет себе все другие организации, в том числе профсоюзы²⁶³. Оппонентом опять выступил Д.Б. Рязанов. VIII съезд партии, говорил он, допустил ошибку, когда записал в программе о роли профсоюзов "в той области, которая им не свойственна... Это нас запутывает в противоречиях", профсоюзы не имеют права вмешиваться в управление промышленностью, в ход всего производства"²⁶⁴. Ему возражал Ю.Х. Лутовинов: "Перед кем нуждается пролетариат в защите своих интересов? Перед советской властью, которая является костью от кости, плотью от плоти пролетариата"²⁶⁵. Он – за огосударствление. А Л. Троцкий высказывался безоговорочно: милитаризация труда требует милитаризации профсоюзов²⁶⁶. Решительно за огосударствление высказался и А.И. Рыков: "Для нас необходимо, чтобы профессиональные союзы являлись организациями пролетарской дисциплины, пользующиеся методом принуждения. Поэтому со всей решительностью из профессиональных союзов нужно выгнать всех товарищей вроде Рязанова и др., которые сопротивляются этой точке зрения и развращают профессиональные союзы. Я настаиваю, чтобы они теперь были огосударствлены"²⁶⁷.

На Третьем съезде профсоюзов вопрос о задачах профсоюзов и их взаимоотношениях с государством был центральным. Коммунисты пришли на съезд, имея решения своего высшего органа, которым они обязаны были руководствоваться. Поэтому на профсоюзном съезде дискуссии в основном шли между коммунистами и их идейными противниками – представителями небольшевистских партий*

Основной огонь критики меньшевики направили против огосударствления профсоюзов. В тезисах их ЦК "Задачи профсоюзов", принятых накануне съезда, говорилось: "Принудительное членство, финансовая зависимость от государства, выполнение предначертаний высших органов власти и организационное переплетение с органами государственной власти, убив самостоятельность организованных в союзы масс и лишив союзы самостоятельности... превратили их в бюрократические учреждения с неопределенным кругом обязанностей, принудительно устанавливаемых государственной властью"²⁶⁸. На съезде профсоюзов после отчетного доклада М.П. Томского "О задачах профессионального движения", выдержанного в духе решения IX съезда РКП, с содокладом выступил Ф.И. Дан. Он привел убедительные доводы против огосударствления профсоюзов, в частности:

– защита экономических интересов рабочего класса должна остаться функцией профсоюзов, превращение рабоче-крестьянского го-

---

* Партийный состав съезда: коммунистов и сочувствующих – 940 с решающим голосом и 240 с совещательным, меньшевиков и сочувствующих – 45 и 12, представителей других партий – 50 и 19, беспартийных – 191 и 81 (Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 110).

сударства в нанимателя ничего не меняет – наемный труд все равно остается;

– в России много отсталых форм хозяйствования, следовательно, процесс создания социалистического общества длительный;

– Россия – часть мирового рынка. Советская власть будет вынуждена расширять переговоры о заключении концессий, экспортно-импортных связей, рано или поздно придется признать товарно-денежные отношения. Все это обязывает профсоюзы защищать рабочий класс от государства. Что же касается независимости профсоюзов, продолжал он, это означает: они должны существовать "как особый специфический орган, не подчиняющийся влиянию государственной власти, в особенности партийной диктатуре"²⁶⁹.

Критикуя содоклад Ф.И. Дана, Н.И. Бухарин и М.П. Томский в еще более резкой и категоричной форме выразили официальную позицию своей партии: защитником рабочих является пролетарское государство, все рассуждения о защитных функциях профсоюзов при диктатуре пролетариата могут внести лишь раскол в рабочий класс.

Решения Третьего Всероссийского съезда профсоюзов в целом были направлены к дальнейшему огосударствлению профсоюзов, превращению их в послушное орудие проведения всеобщей трудовой повинности, милитаризации труда и других чрезвычайных заданий партийно-государственной власти. Все это они должны осуществлять методами командования от имени трудящихся.

Решения Третьего съезда профсоюзов не только не снимали противоречия, нараставшие в профсоюзном движении, но еще больше их обостряли, усиливали недовольство курсом правящей партии и послушным профсоюзным руководством. Да и многие лидеры профсоюзов все отчетливее понимали, что этот курс ведет не только к потере самостоятельности этих объединений трудящихся, но и к их ликвидации. Наглядный пример того, куда ведет этот курс, давал профсоюз железнодорожников, оказавшийся по существу на военном положении. В сентябре 1920 г. он слился с профсоюзом водников. Руководящий орган этого объединения – Цектран (Центральный комитет объединенного профессионального союза работников железнодорожного и водного транспорта) действовал чисто бюрократическими методами, методами приказов и репрессий. Профсоюзное движение переживало глубокий кризис. В руководстве профсоюзами назревал раскол.

Острая дискуссия о роли профсоюзов, развернувшаяся осенью 1920 г., не возникла вдруг. Она явилась кульминацией столкновений мнений, происходивших в 1918–1920 гг. Не вдаваясь в "завязку борьбы" и в саму борьбу, довольно подробно освещенные в литературе, особенно в книге А.Ф. Киселева, отмечу лишь схематично основные позиции сторон. Л.Д. Троцкий – за огосударствление профсоюзов и передачу им дела управления промышленности по опыту Цектрана. М.П. Томский, С.А. Лозовский и др. – управлять промышленностью должны профсоюзы, но перестраивать нужно не аппарат профсоюзов, а хозяйственный аппарат на основе профессиональных союзов. Член

Президиума ВЦСПС Я.Э. Рудзутак на Пятой Всероссийской конференции профсоюзов (начало ноября 1920 г.) в докладе "О производственных задачах профсоюзов" (тезисы были одобрены ВЦСПС) утверждал, что основная деятельность профсоюзов должна быть в сфере организации труда, а не управления промышленностью. Профсоюзы не помощники госаппарата, а его партнеры²⁷⁰. Принятие конференцией этих тезисов явилось известным отходом от решений IX съезда РКП(б) и Третьего профсоюзного съезда. В самом ЦК партии и его Политбюро уже не было единства по этим вопросам. В спорах наметился поворот в позиции Ленина о роли профсоюзов. В отличие от его предшествующих высказываний он в речи "О профсоюзах, текущем моменте и об ошибках т. Троцкого" (30 декабря 1920 г.) заявил: профсоюзы не есть организация государственная, это организация воспитательная, "школа коммунизма", это не органы государственной власти, а школа, "резервуар" ее, где массы готовятся к государственному управлению. И здесь же подчеркивается задача профсоюзов, которая ранее вообще игнорировалась: "Защита рабочих от своего государства". Осознание этой задачи приходило в связи со ставшим очевидным "бюрократическим извращением" государства²⁷¹, от чего страдал и сам рабочий класс.

Н.И. Бухарин попытался соединить и "примирить" позиции Ленина и Троцкого. Развитие демократии на производстве, утверждал он, должно сочетаться с аппаратом твердого управления. Профсоюзы, с одной стороны, являются школой коммунизма, с другой – это в возрастающей степени административный аппарат. При этом упор он делал на дальнейшем сращивании профаппарата с аппаратом хозяйственного управления. Фактически эта позиция мало отличалась от позиции Троцкого.

Осенью 1920 г. заявила о себе и так называемая рабочая оппозиция, возникшая на основе недовольства "военным коммунизмом", диктатором и бюрократизацией партийного аппарата и всех ведомств. Лидер оппозиции А.Г. Шляпников во время профсоюзной дискуссии, настаивая на передаче управления экономикой профессиональным союзам, утверждал: "Самая опасная сторона бюрократизма заключается в фетишизме аппаратов государственной власти"²⁷². Не государство, не партия должны управлять народным хозяйством, а профессиональные и производственные союзы, которые избирают центральный орган, управляющий всем народным хозяйством, – Всероссийский съезд производителей. "Рабочую оппозицию" обвиняли в тред-юнионизме и анархо-синдикализме. Обвинение надуманное. Оппозиционеры не покушались на государственную собственность и формы власти. Суть их идей заключалась в том, чтобы сами трудовые коллективы были распорядителями имущества на предприятиях, отвечали за его рациональное использование и сохранность²⁷³. В этом, в частности, виделась возможность организовать управление хозяйством, развивая самоуправление рабочих. Однако и по концепции лидеров "рабочей оппозиции", несмотря на ее радикализм, профсоюзы подлежали огосударствлению, ибо превращались в государственные управленческие органы, переставая быть общественными организациями.

К платформе "рабочей оппозиции" близка были и платформа группы "демократического централизма" ("децистов") (Т.В. Сапронов, Н. Осинский, М. Максимовский, А.С. Бубнов и др.). Они выступали за коренную перестройку профсоюзных организаций на основе демократического централизма и рабочей демократии, предлагали отказаться от "назначенства" с тем, чтобы все руководящие хозяйственные органы выбирались на профсоюзных конференциях, ввести подотчетность органов управления экономикой профсоюзам.

Все эти "платформы" при всех их различиях имели много общего, поскольку их авторы, даже те, которые требовали серьезных перемен, все же не видели родовой связи критикуемых пороков взаимоотношений профсоюзов, государства и правящей партии со сложившейся "военно-коммунистической" административно-командной политической системой, не ставили вопроса об отказе от нее. Различия в основном касались путей и форм огосударствления, методов управления.

К тому времени, с учетом реалий трехлетней "диктатуры пролетариата", несколько конкретнее стали ленинские представления о ее политической системе. В отличие от прежних утверждений Ленин признает невозможность непосредственного управления обществом рабочим классом. В конце января 1921 г. на Втором Всероссийском съезде горнорабочих он скажет: "Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практически люди знают, что это сказки". "Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а профессиональные союзы сами, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но не долго"²⁷⁴.

Приближался X съезд РКП(б). Специальная комиссия Центрального комитета по профдвижению в середине января 1921 г. закончила подготовку "Проекта постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов". Под проектом стояли 10 подписей, из них 9 членов ЦК – В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, И.В. Сталина, М.П. Томского, Я.Э. Рудзутака, М.И. Калинина, Л.Б. Каменева, Г.И. Петровского, Ф.А. Артема (Сергеева) – и члена профкомиссии С.А. Лозовского. "Платформа десяти" представляла собой некий компромисс, учитывающий новые взгляды по вопросу о задачах профсоюзов с сохранением сути соответствующих решений партийных съездов. Сохранялась идея "огосударствления", но как перспектива профсоюзов подтверждалась необходимость участия профсоюзов в осуществлении трудовых мобилизаций, борьбе с трудовым дезертирством. Вместе с тем подчеркивалось, что профсоюзы – беспартийные массовые организации, "в которые свободно входят рабочие различных политических взглядов и настроений, партийные и беспартийные, грамотные и неграмотные, религиозные и нерелигиозные и т.п."²⁷⁵ Профобъединения участвуют в управлении народным хозяйством, а не управляют им, с хозяйственными органами у них должны устанавливаться партнерские взаимоотношения. Профсоюзы как школа коммунизма "должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся масс, постепенно вовлекая самые широкие слои трудящихся в дело государственного

строительства, всегда освещая им путь идеями нашей программы...²⁷⁶. "Платформа десяти" еще исходила из "военно-коммунистической" практики, хотя она и делала известный шаг вперед в понимании проблемы, все же не содержала ясной концепции роли и места профсоюзов в советской политической системе.

К X съезду РКП(б) Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин подготовили совместный проект резолюции съезда "О роли задач профсоюзов". По главному вопросу споров их позиция однозначна – профсоюзы должны в конечном счете превратиться в государственные организации, постепенно сращиваясь с советскими органами²⁷⁷.

Как бы ни оценивать все эти "платформы", ни одна из них прямо не посягала на основу политической системы – "диктатуру пролетариата", верховенство Коммунистической партии, монополизм государства. "Зачинщик" дискуссии о профсоюзах Л.Д. Троцкий в своей автобиографии "Моя жизнь" писал: "Политическое содержание дискуссии до такой степени завалено мусором, что я не завидую будущему историку, который захочет добраться до корня вещей"²⁷⁸. Действительно, историкам было трудно понять, почему, казалось бы, не первой важности вопрос довел партию до кризиса.

ГОСУДАРСТВЛЕНИЕ КООПЕРАЦИИ

Лето–осень 1918 г. – начало нового этапа в отношениях государства и кооперации. Это было связано с общим процессом втягивания страны в "военный коммунизм". Курс на максимальную централизацию и подчинение всех государственных и общественных организаций центральным ведомствам и общегосударственным задачам охватил и кооперацию. Ее деятельность перестраивалась на "военно-коммунистических" началах. Этот процесс сопровождался постепенным отказом от компромисса с "буржуазными" кооператорами, заключенного весной 1918 г.

Нехватка продовольствия, расстройство денежной системы вынуждали строить работу кооперации не на принципах свободы мелкого производителя в реализации своих товаров, а на основе товарообмена. 29 июля 1918 г. Совнарком, рассмотрев вопрос о ходе национализации запасов мануфактуры в стране, принял решение о разработке проекта декрета о запрещении кооперативам продавать мануфактуру – ее можно было только обменивать на хлеб в сыпных пунктах²⁷⁹. Тезисы Ленина по продовольственному вопросу, внесенные на обсуждение Совнаркома 2 августа 1918 г., предлагали: "Кооперативы обязать немедленно декретом: 1) устроить при каждой лавке сыпной пункт; 2) давать товары только по заборным книжкам потребителей; 3) крестьянам-посевщикам не давать ни одного товара иначе как в обмен на хлеб"²⁸⁰. Руководствуясь высказанными в этих тезисах предложениями, Совнарком 5 августа принял декрет "Об обязательном товарообмене в хлебных сельских местностях". Кооперативы рассматриваются в нем в качестве органов, осуществляющих обмен промышленных товаров на сельскохозяйственные продукты, все принятые ими продукты поступа-

ли в распоряжение государственных органов – губпродкомов. В случае нарушения установленных правил обмена члены правления кооператива подлежали преданию суду революционного трибунала, власти могли их заменить удобными людьми, а кооперативы оштрафовать²⁸¹. Тенденция к полному подчинению кооперации государственным органам набирала силу. К этому подтолкнуло и письмо ЦК РКП(б) "Всем партийным организациям и членам партии" от 25 сентября 1918 г. о работе в кооперации. В нем указывалось, что переход к планомерному распределению продуктов при социализме связан с формированием потребительских коммун. В подготовке условий для этого велика роль кооперации. "Уничтожение частного торгового аппарата, национализация важнейших отраслей промышленности, правильная постановка обмена между сельскими хозяйствами и промышленным трудом, необходимый переход к новым формам заработной платы взамен ныне действующей денежной, планомерное распределение продуктов и пр. требуют тесного контакта в деятельности государственных органов снабжения и кооперативов"²⁸². В документе довольно четко намечен возврат к первоначальной ленинской идее "потребительских коммун" и обозначен начавшийся переход к "военно-коммунистической" политике, ставится вопрос о подключении к этому процессу кооперации, а в связи с этим выдвинута задача укрепления контроля государственных органов за кооперативными и повышения роли коммунистов в кооперативном движении.

1 октября 1918 г. на заседании Собрания уполномоченных Центросоюза было доложено о состоявшихся переговорах с правительственными органами о взаимоотношениях кооперации и государственной власти. Кооперации было предъявлено требование: представители государственной власти должны войти в органы управления кооперативными организациями. Собрание уполномоченных высказалось против этого, однако вынуждено было "мириться с этим как необходимостью, предотвратить которую оно не в силах, так как это оставило бы работу всего кооперативного аппарата"²⁸³. По декрету Совнаркома от 21 ноября 1918 г. снабжение населения продуктами должны были производить советские и кооперативные распределительные пункты, которые заменяли частноторговый аппарат. Все граждане обязаны были приписаться к определенным розничным лавкам для получения продуктов²⁸⁴. В связи с возложением на кооперацию функции советских распределительных органов запрещалась национализация кооперативных лавок и складов, а уже ликвидированные кооперативы подлежали восстановлению. Этот декрет превращал ленинскую идею о принудительном объединении всего населения в потребительском обществе в закон. Вскоре, в декабре, Ленин сказал об этом со всей определенностью: "Все общество должно превратиться в единый кооператив трудящихся" – это задача победы социализма, а в создавшемся в стране положении – единственный выход – "слияние кооперации с Советской властью"²⁸⁵.

Возвращению к идее принудительного объединения всего населения в едином потребительском обществе способствовала и даже стиму-

лировала объективная ситуация в стране, втянувшейся в "военный коммунизм", который по своему существу исключал кооперативные методы деятельности. Заготовка основных предметов питания производилась Наркоматом продовольствия путем принудительного изъятия у крестьян излишков хлеба и других продуктов (продразвестка). Распределение сводилось к раздаче по карточкам нормированного продовольствия. Деньги были обесценены, товарооборот, торговля ликвидировались. В этих условиях главную роль среди всех видов кооперативных организаций играла потребительская кооперация.

Руководство кооперации пыталось сопротивляться превращению кооперации в "потребительскую коммуны". В декабре 1918 г. на Втором всероссийском съезде совнархозов и Третьем съезде рабочей кооперации, большинство которого составляли коммунисты, шли довольно острые схватки между сторонниками и противниками независимости кооперативов и введения потребительских коммун. Возражая "независимцам" (в основном это были меньшевики), делегаты-коммунисты на кооперативном съезде вопрошали: "Сейчас, когда у власти стоит сам рабочий класс, от кого рабочая кооперация должна быть независимой? От кого в настоящее время требуют полного невмешательства в жизнь рабочей кооперации? Независимости от себя самого? Своего же невмешательства?"²⁸⁶ Доводы были те же, какие коммунисты приводили, выступая против независимости профсоюзов.

В резолюции съезда рабочей кооперации подчеркивалось, что эта кооперация всю свою деятельность должна подчинять борьбе с капиталом, она не может иметь каких-то своих кооперативных целей, она "должна стать составной частью советской организации", "на долю рабочей кооперации выпадет руководящая роль в деле строительства потребительских коммун, охватывающих все население". Съезд призвал "все рабочие кооперативы к созданию единых органов снабжения – потребительских коммун"²⁸⁷. В отличие от прокоммунистической рабочей кооперации, в которой меньшевики безуспешно пытались приобрести влияние, в потребительской общегражданской "буржуазные" кооператоры упорно отстаивали свои позиции. Особенно большую активность проявляли правые эсеры. В 1918 г. при ЦК их партии была создана кооперативная комиссия, ее задачи – разработка вопросов кооперативной политики и руководство деятельностью членов партии в кооперации²⁸⁸. На "буржуазное" руководство потребительской кооперации советские власти оказывали давление различными способами; приказами, угрозами, вмешательством в их деятельность. Так, Бельская чрезвычайная комиссия (Смоленская губерния) 3 января 1919 г. предложила районному союзу кооперативов при приеме на службу в отделы и подотделы, а также при увольнении служащих запрашивать о них ЧК²⁸⁹. Наступая на потребительскую кооперацию с целью полного ее подчинения государству и вытеснения из ее руководящих органов меньшевиков и эсеров, власти в качестве своего орудия использовали прокоммунистическое руководство рабочей кооперации. Ее третий съезд предъявил Центросоюзу ультиматум: ввести в правление коммунистов в числе двух третей от общего состава. Это

означало подчинить правление коммунистам. Руководство потребительской кооперации не согласилось удовлетворить это требование, что послужило поводом для раскола. 1 февраля 1919 г. рабочая кооперация вышла из общегражданской. Этот шаг не вызывался хозяйственными соображениями, он преследовал чисто политические цели. Один из руководителей потребительской кооперации, А.В. Меркулов, так оценил случившееся: «Наш лозунг "в единении сила", а здесь произошел раскол, но по совести, мы можем сказать, что вина в этом не наша: мы стремились всеми силами не допустить раскола»²⁹⁰.

В органе потребительской кооперации "Союз потребителей" А.В. Меркулов подводил итоги ее существования в 1918 г. Слово "кооперация", писал он, стало как бы ругательным, оно окружено "рядом выразительных терминов печатного и непечатного свойства (контрреволюция, саботаж, бело-эсэро-гвардейство, селечничество и пр.). И это враждебное отношение не остается, если можно так в данном случае выразиться, платоническим; оно выражается в целой системе действий. Истекший год был в истории русской потребительской кооперации сплошным мартирологом; ее не миновал ни один из видов бичей и скорпионов вплоть до самых жестоких. Вот перечень только видов репрессий: неразрешения собраний, неутверждение выборных лиц, назначение правлений, отмена распоряжений органов управления, вмешательство во внутреннюю жизнь, наложение штрафов и контрибуций, реквизиция товаров, конфискация движимого и недвижимого имущества, закрытие газет и журналов, аресты и высылки кооператоров" и даже расстрелы²⁹¹. Редакционная статья того же номера "Союз потребителей" отмечала, что правительственный механизм, упорно отрицая и не понимая задач и сути кооперации, "не терпит прежде всего и больше всего свободной и независимой самостоятельности масс населения, он стремится вытеснить с поля все организации последнего и заместить их своими органами, действующими по указке и принуждению государства"²⁹².

На заседании Совнаркома 29 января 1919 г. была поставлена задача разработать меры перехода от буржуазной кооперации к коммунистическому потребительско-производительному объединению всего населения²⁹³. 2 февраля 1919 г. Ленин написал письмо "О мерах перестройки хода от буржуазно-кооперативного к пролетарски-коммунистическому снабжению и распределению", адресованное наркоматам продовольствия, финансов и ВСНХ. "Вся трудность задачи (и все содержание настоящей, немедленно перед нами становящейся задачи), – говорилось в письме, – состоит в том, чтобы выработать систему *практичных мер перехода* от старой кооперации (по необходимости буржуазной, поскольку выделяется слой *пайщиков*, составляющих *меньшинство* населения, а также по другим причинам) к новой и к настоящей *коммуне*, – мер перехода от буржуазно-кооперативного к пролетарски-коммунистическому снабжению и распределению"²⁹⁴.

Итак, все точки над *i* расставлены. Компромиссу, заключенному с

кооперацией весной 1918 г., приходил конец. Верх взяли идеологические установки на превращение кооперации в коммуны. Отныне попытки кооперации действовать в собственных хозяйственных интересах пресекались. По поводу одной из таких попыток Ленин в феврале 1919 г. писал народным комиссарам финансов (Н.Н. Крестинский), юстиции (Д.И. Курский) и заместителю председателя ВСНХ (В.П. Милютин): "Необходимо 1) повести усиленную агитацию в газетах по этому поводу: травлю кооперативных вождей, разоблачение их до конца (отличать от использования их аппарата); 2) назначить следственную комиссию"²⁹⁵.

В самом руководстве потребительской кооперации шла борьба между коммунистами, находившимися пока в меньшинстве, со "старыми" кооператорами, не соглашавшимися на превращение кооперации в подсобный орган государственной власти. Н.Л. Мещеряков в статье, опубликованной в начале 1919 г., утверждал: "Кооперация должна отбросить все свои старые отжившие принципы добровольности вступления в члены, независимости, беспартийности и т.п. и построить всю свою работу на новых принципах, которые диктуют ей изменившиеся условия классовой борьбы пролетариата". Перед кооперацией дилемма: или подчиниться, или она "погибнет преждевременной смертью"²⁹⁶. Диктатура пролетариата, считал он, использует кооперацию в качестве орудия "для преобразования капиталистического общества в социалистическое, а после установления социалистического строя кооперация должна исчезнуть"²⁹⁷. Н.Л. Мещерякову возражали: "Нет и не может быть социализма без кооперации, с какими-то баррикадами против нее. Кооперация и социализм развиваются рука об руку и не могут никогда стоять друг против друга. Против кооперации может стоять лишь лжесоциализм"²⁹⁸. В этой полемике открывается новая грань в позиции "буржуазных" кооператоров, которым не была чужда социалистическая идея. Вместе с тем становится очевидным, что идея Ленина о кооперации, высказанная в 1923 г., не была "открытием Америки", чем-то совершенно новым. Кооператоры утверждали что-то подобное значительно раньше.

И в вопросах кооперативной политики подход большевиков был традиционный: если "не по-нашему", значит, "по-буржуазному", а руководители кооперации, которые отстаивают независимость своих организаций и кооперативные принципы деятельности, – контрреволюционеры. На VIII съезде РКП(б) Ленин говорил: "Кооперативы в большинстве случаев имеют в качестве своих вождей буржуазных специалистов, сплошь и рядом действительных белогвардейцев. Отсюда явилась ненависть к ним, законная ненависть, отсюда явилась борьба с ними"²⁹⁹.

Принятая на VIII съезде РКП(б) программа партии провозглашала, что целью является организация всего населения "в единую сеть потребительских коммун". Кооперативы – это "переходное средство к достижению этой цели", а в основе "должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация". Ставилась задача: "Добиваться, чтобы все население охватывалось кооперативами и

чтобы эти кооперативы сливались в единый, сверху донизу охватывающий всю Советскую республику кооператив..."³⁰⁰

Таковы условия появления 16 марта 1919 г. декрета Совнаркома "О потребительских коммунах"³⁰¹, в основу которого положены идеи Ленина о перестройке кооперации. Потребительская кооперация должна была охватить все население города и деревни. Отменялись вступительные и паевые взносы. Все потребительские общества данной местности принудительно сливались в один кооператив, получивший название "потребительская коммуна": Эти коммуны – также принудительно – объединялись в губернские союзы. Единым хозяйственным центром кооперации являлся Центральный союз потребительских коммун – Центросоюз. Лица, лишенные по Конституции избирательных прав, не могли входить в руководящие органы кооперации и их союзы. Все должностные лица и служащие кооперативов приравнивались к служащим государственных продовольственных органов. Совнарком мог пополнить Центросоюз своими представителями. На потребительские коммуны возлагалось распределение продовольствия и предметов потребления в стране. Их хозяйственная деятельность осуществлялась на средства и под контролем государственных органов.

Декрет о потребительских коммунах решительно изменял характер кооперации, законодательно превращал ее в государственную организацию. Уже само название "потребительские коммуны" вступало в противоречие с интересами трудящихся, особенно крестьян, поскольку оно ассоциировалось с сельскохозяйственными коммунами, с уничтожением частной собственности в деревне*

Откликаясь на декрет, журнал "Союз потребителей" писал: «Кольцо декретного законодательства о потребительской кооперации замыкается. Идея потребительских коммун, провозглашенная четырнадцать месяцев тому назад в проекте Шлихтера, претворяется в жизнь" Компромисса, допущенного апрельским декретом 1918 г., больше нет; "декрет о потребительских коммунах является плодом чисто советского творчества", работники потребкооперации "останутся на своем посту. Но пусть потребитель знает, что кооперация кончается там, где начинается потребительская коммуна"³⁰².

Чтобы провести декрет от 16 марта в жизнь, нужно было преодолеть сопротивление большинства "буржуазного" правления Центросоюза, и Совнарком решил административным путем изменить его состав в пользу коммунистов. 3 апреля 1919 г. он постановил пополнить правление Центросоюза тремя членами от правительства и четырьмя от рабочей кооперации (коммунисты П.Л. Войков, М.И. Фрумкин, В.П. Милютин, П.Н. Кирсанов, Н.Л. Мещеряков, О.Ю. Шмидт, И.А. Саммер)³⁰³. На заседании Совета Центросоюза 5 мая 1919 г., где обсуждался мартовский декрет, О.Ю. Шмидт в качестве одного из

* Учтя недовольство масс, ВЦИК 30 июня 1919 г. заменил название "потребительская коммуна" на "потребительское общество". См.: Декреты советской власти. Т. 5. С. 317–318.

доводов его принятия привел такой: кооперация представляет хаос, власть желает внести необходимый порядок. На это член Совета Центросоюза А.А. Булатов сказал: "В этом кажущемся беспорядке и есть сама жизнь. Вспомните аракчеевские поселения, разве там не было порядка. Нет, там слишком много было порядка, и распланировки и не было жизни... Так будет и тут"³⁰⁴. Совет Центросоюза, в котором коммунисты еще не имели большинства, отнесясь к декрету отрицательно³⁰⁵.

5 августа 1919 г. Совнарком принял новый декрет, определявший порядок, которым должна была руководствоваться кооперация, снабжая сельское население промышленными товарами и продовольствием. Подтверждалось, что снабжение должно производиться лишь при условии обязательной сдачи населением продуктов сельского хозяйства и промыслов. Наркомат продовольствия направлял товары кооперативным центрам и губпродкомам для распределения между потребительскими обществами. Сдатчики сельскохозяйственных продуктов получали на заготовительных пунктах учетные квитанции. Потребительские общества снабжались товарами лишь по предъявлении учетных квитанций на соответствующую сумму, а затем распределяли их между членами общества по установленным нормам за наличный расчет. Пролетарские и полупролетарские элементы деревни и лица, жившие на заработную плату и пособие от государства, получали товары независимо от сдачи ими продуктов. Лица, имевшие излишки и не сдавшие их, не имели права на получение товаров³⁰⁶.

В условиях распадавшегося рынка и сведения деятельности кооперации в основном к распределению государственных ресурсов и за счет государственных средств терялся смысл в существовании разных видов кооперации: потребительской, кустарно-промышленной, сельскохозяйственной, кредитной. Их функции унифицировались. Декрет Совнаркома от 29 января 1920 г., продолжая линию на превращение кооперативных организаций в "лучший технический аппарат для осуществления государственных задач в области распределения", исходил из нецелесообразности сохранения различных кооперативных организаций, "весьма часто по своему составу и строению отражающих интересы не трудящихся, а их классовых врагов". Это не отвечает задачам власти. А потому кредитные и ссудо-сберегательные кооперативные товарищества сливались с потребительскими кооперативами и подчинялись единому центру – Центросоюзу. Всероссийский центр сельскохозяйственных, промысловых и других видов кооперации сливался с Центросоюзом на правах его секций. Под его руководством потребительские общества должны были осуществлять и операции по закупке, сбыту, посредничеству и т.п., "кои не утратили своего значения с изменением политического и общественного строя в России"³⁰⁷. Принятие этого декрета вселяло в Ленина уверенность, что "вся Советская республика, может быть, через небольшое число месяцев превратится в один великий кооператив трудящихся"³⁰⁸. Это говорилось 2 февраля 1920 г. в докладе о работе ВЦИК и Совнаркома. И в том же докладе в противоречии с выраженной уверенностью Ленин высказывается за то, чтобы

объединение различных видов кооперации происходило "с надлежащей постепенностью и осторожностью", т.е. без форсирования процесса. Следует также отметить противоречивость позиции Ленина и по следующему вопросу. Фактически кооперация уже по декрету от 16 марта 1919 г. была огосударвлена, и все же он предостерегал против немедленного огосударствления. На IX съезде РКП(б) в марте 1920 г. он говорил: "Чучин неправ. Когда проповедует немедленное огосударствление. Это было бы хорошо, но невозможно в силу того, что мы имеем дело с классом, менее доступным нам и ни в коем случае не поддающимся национализации... Сейчас говорить о национализации кооперации не представляется возможным"³⁰⁹.

Превратив кооперацию в часть своего хозяйственного механизма, государство было заинтересовано в росте численности кооперативов с тем, чтобы они охватили возможно больше населения.

Таблица 3. Численность кооперативов в 1918 и 1920 гг.³¹⁰

Вид кооператива	На 1 января 1918 г.	На 1 января 1920 г.
Потребительские общества	25 000	53 000
Кредитные товарищества	16 500	17 500
Сельскохозяйственные общества	6 000	Нет свед.
Сельскохозяйственные товарищества и артели по закупке, переработке и сбыту	2 400	3 000
Молочные артели	3 500	4 000
Прочие	1 500	4 500
В с е г о	54 900	82 000

В литературе приводятся цифры охвата кооперацией населения: 6–7 млн крестьянских хозяйств, или около 26 млн человек³¹¹. Из них 18,5 млн членов потребительской кооперации³¹². Рост численности кооперативов сопровождался сокращением их хозяйственных функций – они свелись в основном к распределительным.

Ленин полагал, что кооперация после объединения "своей работой хозяйственного строительства и привлечения к ней большинства рабочих и крестьян добьется того – это мы ставили одной из важнейших задач, – чтобы кооперация оказалась, между прочим, важнейшим фактором в борьбе против бюрократизма..."³¹³. Это предположение было явно несостоятельно, огосударствление кооперации и подчинение ее единому центру могли дать результаты прямо противоположные: сама кооперация в этом случае была обречена на бюрократизацию. Являясь лишь техническим аппаратом по распределению продуктов, поступающих от государственных органов, она потеряла необходимость решать хозяйственные задачи на свой страх и риск, что сделало ее аппарат неподвижным и безынициативным, он приходил в упадок. Может быть, и этим, в частности, объясняется то, что и при новом, коммунистическом, руководстве кооперации с ней, как отмечалось в ее органе

"Союз потребителей", различные ведомства мало считались, а в партийных кругах продолжали относиться к ней с недоверием, а отсюда частые реквизиции товаров и инвентаря, выселения из помещений, мобилизации служащих и пр.³¹⁴

IX съезд РКП(б) поставил перед партией задачи, во-первых, закрепить ее руководящую роль во всех кооперативных организациях снизу доверху и, во-вторых, продолжать линию на превращение их в технические хозяйственные органы центральных экономических государственных ведомств (Наркомпрод, ВСНХ, Наркомзем). И как перспектива – превращение кооперации в организации, "отвечающие хозяйственным и политическим условиям диктатуры пролетариата и могущие в дальнейшем послужить основой организации снабжения населения на коммунистических началах"³¹⁵.

Хотя по существу кооперация была огосударствлена уже мартовским (1919 г.) декретом Совнаркома, на IX съезде РКП(б) при обсуждении вопроса об отношении к кооперации решено было не называть своим именем то, что уже было и что являлось целью политики. В этом отношении характерно выступление Н.Н. Крестинского: не следует сейчас говорить об огосударствлении кооперации, крестьянство "формальное огосударствление считало бы покушением на свои права, на свою самостоятельность, на свое, наконец, имущество. Для нас не имеет никакого значения то, какой внешний вид, какой официальный юридический характер имеют кооперативы. Для нас важна сущность"³¹⁶. То, что стало "сущностью" кооперации, в резолюции было сформулировано без упоминания об огосударствлении: государственные хозяйственные органы всемерно используют "кооперативный аппарат в качестве подчиненного технического аппарата"³¹⁷.

Закрепляя свою "руководящую роль" в кооперации, РКП(б) вытесняла во всех кооперативных звеньях из органов управления некоммунистов, заменяя их своими членами. Состоявшееся в июле 1920 г. заседание Всероссийского собрания уполномоченных Центросоюза своим составом свидетельствовало, что поставленная IX съездом РКП задача – "закрепить ее руководящую роль в кооперации" – успешно решалась. Этому способствовали и принятые собранием решения. По докладам В.П. Ногина и Л.Б. Красина оно одобрило постановление Совнаркома от 27 апреля 1920 г. об отстранении от исполнения обязанностей членов правления Центросоюза находившихся за границей А.М. Беркенгейма, В.Н. Зельгейма, Е.О. Ленской и др. и клеймило их "позором за преступное поведение и преступную деятельность... захвативших в свои руки находящиеся за границей имущество и капиталы Центросоюза"³¹⁸. Собрание отказалось ходатайствовать об освобождении бывших членов правления Д.С. Коробова, А.Н. Лаврухина и В.А. Кузнецова, арестованных ВЧК по обвинению в связях с членами правления, пребывавшими за границей³¹⁹. Содержание и терминология принятых резолюций вполне соответствовали партийным директивам о превращении кооперации в "организацию единой социалистической хозяйственной системы, создаваемой пролетариатом"³²⁰. Собрание уполномоченных избрало новое правление в основном из коммунистов под

председательством бывшего меньшевика, но ставшего правоверным большевиком Л.М. Хинчука.

Как и весь государственный аппарат, кооперация в политическом отношении была подчинена Коммунистической партии. Л.М. Хинчук на X партийной конференции (май 1921 г.) констатировал: "Аппарат находится в наших руках, верхушка его в наших руках... мы, имея в своих руках верхушку, можем заставить привести в движение весь аппарат и заставить работать по нашим заданиям"³²¹.

Превратившись в ячейку "военно-коммунистической" хозяйственной и политической системы, Центросоюз руководил кооперацией свойственными этой системе методами: административно-приказными. Получая директивы Наркомпрода, он отдавал приказания губсоюзам, а последние – райсоюзам. Самодеятельность, общественный почин в кооперации почти полностью замерли. Как хозяйственная организация, основанная на кооперативных интересах, кооперация прекратила существование.

Итак, в ходе огосударствления кооперация включилась в систему "военного коммунизма", стала ее составной частью. Как и всеми сферами жизни страны, руководство ею со стороны Коммунистической партии и Советского государства осуществлялось командно-административными, а не экономическими методами. Сращивание аппарата кооперации с государственными хозяйственными органами, централизованное управление путем партийно-коммунистического диктата, приказа хозяйственных ведомств лишили ее качеств общественной самодеятельной организации населения. Это явилось следствием использования Коммунистической партией объективных потребностей военного времени для реализации своих идеологических доктрин. Кооперация органически вписалась в сложившуюся административно-командную советскую политическую систему.

¹ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 371–373.

² Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958. С. 16–20.

³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 10. Д. 93. Л. 169.

⁴ Декреты советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 268.

⁵ Там же. М., 1968. Т. 4. С. 92–94.

⁶ Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 427.

⁷ Изв. ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 181.

⁸ Власть Советов. 1920. № 8. С. 9.

⁹ Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 197, 198, 202, 212 и др.

¹⁰ Там же. С. 197.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 76.

¹² Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1921. С. 222.

¹³ *Большаков А.М.* Деревня в 1917–1927 гг. М., 1927. С. 177, 178.

¹⁴ *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991.

¹⁵ *Гимпельсон Е.Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 490, 492.

¹⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

- 17 Коммунист. 1918. № 1. С. 8, 15, 16.
- 18 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1, Д. 28. Л. 128.
- 19 VIII конференция РКП(б): Протоколы. М., 1961. С. 119.
- 20 РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 399. Л. 4.
- 21 Девятый съезд РКП(б): Протоколы. М., 1960. С. 51.
- 22 Седьмой Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и трудовых Казачьих депутатов. М., 1920. С. 229, 230.
- 23 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 310.
- 24 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 6. Д. 11. Л. 90.
- 25 Декреты советской власти. Т. 3. С. 458.
- 26 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 506. Л. 28.
- 27 Там же. Д. 64. Л. 61 об.
- 28 Ежедневник чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 2. С. 11, 12; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 194. Л. 56.
- 29 Держинский Ф.Э. Избр. произведения. М., 1967. Т. 1. С. 538.
- 30 СУ РСФСР. 1918. № 44. Ст. 533.
- 31 Декреты советской власти. Т. 4. С. 400–401.
- 32 Декреты советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 11–15.
- 33 Там же. М., 1974. Т. 7. С. 356. 361.
- 34 Там же. Т. 4. С. 97–110.
- 35 Изв. ВЦИК. 1921. 5 февр.
- 36 Ежедневник советской юстиции. 1922. № 11. С. 11.
- 37 Цит. по: Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия в России. М., 1990. С. 35.
- 38 РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 330. Л. 24.
- 39 Портнов В.П., Славин М.М. Указ. соч. С. 51.
- 40 Ежедневник советской юстиции. 1922. № 1. С. 3.
- 41 Декреты советской власти. М., 1980. Т. 10. С. 48–49.
- 42 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 1в. Л. 113–114.
- 43 Декреты советской власти. Т. 5. С. 508–509.
- 44 Там же. Т. 3. С. 224–226.
- 45 Там же. С. 373.
- 46 Троцкий Л.Д. Соч. М.; Л., 1926. Т. 17, ч. 2. С. 326.
- 47 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 166.
- 48 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 129. Л. 43, 44.
- 49 Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 173.
- 50 ГАРФ. Ф. 4085. Оп. 2. Д. 31. Л. 17–19.
- 51 Там же. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 12. Л. 1.
- 52 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 303. Сводки за апрель–май 1920 г. Пометки на нх Ленина: "В архив. Секретно".
- 53 Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 164, 168.
- 54 Девятый съезд РКП(б), март–апрель 1920; Протоколы. М., 1960. С. 93, 94.
- 55 Там же. С. 556.
- 56 Леннинский сборник. XL. С. 419.
- 57 Там же.
- 58 Вестн. труда. 1920. № 1. С. 24.
- 59 Девятый съезд РКП(б): Протоколы. С. 115.
- 60 Weber M. Wer und Person: Dokumente ausgewählt und kommentirt von E. Baumgarten. Tübingen, 1964. S. 254.
- 61 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 13. Д. 578. Л. 234.
- 62 Там же. Д. 542. Л. 242.
- 63 Там же. Ф. 130. Оп. 2. Д. 277. Л. 178–179.

- 64 Труды ЦСУ: Статистический ежегодник, 1918–1922 гг. М., 1922. Т. VIII, вып. 2. С. 302–304.
- 65 ГАРФ. Ф. 4390. Оп. 2. Д. 27. Л. 43.
- 66 Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 206; Т. 42. С. 260; Т. 43. С. 49.
- 67 Декреты советской власти. Т. 4. С. 166.
- 68 Изв. ВЦИК. 1919. 9 апр.
- 69 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 25. Л. 40.
- 70 РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 39. Л. 92.
- 71 Декреты советской власти. Т. 7. С. 61–65.
- 72 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 97. Л. 139.
- 73 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 39.
- 74 Восьмой Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. С. 212.
- 75 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 312.
- 76 Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 96.
- 77 Современные записки. Париж, 1922. Т. IX. С. 47.
- 78 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 74–75.
- 79 Покровский М.Н. Советская глава нашей истории // Коммунист. 1988. № 16. С. 87.
- 80 Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 75–79.
- 81 Там же. С. 90.
- 82 Кропоткин П.А. Письма о текущем моменте. М., 1918. С. 102.
- 83 Wagenlehner J. Das sowietische Wirtschaftssystem und Karl Marx. Köln; В., 1960. S. 11.
- 84 Nove A.A. Economic History of the USSR. L., 1969. P. 47.
- 85 Декреты советской власти. Т. 5. С. 340–341.
- 86 Рыков А.И. Ст. и речи. М., 1927. Т. 1. С. 391.
- 87 Селюнин В. Истоки // Новый мир. 1988. № 5. С. 180.
- 88 Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 230.
- 89 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 83, 86, 88, 89.
- 90 Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 38. С. 153.
- 91 Изв. Народиого комиссариата фииансов. 1920. № 1(17). С. 1–2.
- 92 Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1961. С. 296.
- 93 РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 584. Л. 54–55; Терещенко Ю.И. Великий Октябрь и становление социалистической экономики на Украине. Киев, 1986. С. 32.
- 94 Декреты советской власти. М., 1986. Т. 12. С. 47.
- 95 РЦХИДНИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 300. Л. 24–25; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 168. Л. 44.
- 96 Рыков А.И. Ст. и речи. Т. 1. С. 353.
- 97 Ленинский сборник. XX. С. 108.
- 98 Боффа Д. История Советского Союза. М., 1990. Т. 1. С. 123.
- 99 Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.
- 100 Хайек Ф.А. Дорога к рабству. Лондон, 1983. С. 21.
- 101 Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 129.
- 102 Троцкий Л.Д. Новая экономическая политика и перспективы мировой революции. М., 1923. С. 16.
- 103 Карр Э. Большевистская революция, 1917–1923. М., 1990. С. 448. Примерно такая же оценка в фундаментальных трудах американца С. Коэна (Коэн С. А.И. Бухарин: Политическая биография. М., 1990) и итальянки С. Мелла (Malle S. The Economic Organisation of war Communism, 1918–1921. L., 1985).
- 104 Рассел Б. Практика и теория большевизма. С. 45–46.
- 105 Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 41. С. 30–31.
- 106 Изв. ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 194.
- 107 5 лет власти Советов. М., 1922. С. 89; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов: Сб. документов. М., 1957. С. 19; Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 83; Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских,

- солдатских и казачьих депутатов; Стеногр. отчет. М., 1918. С. 163; Шестой Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: Стеногр. отчет. М., 1919. С. 179; 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1920. С. 254; Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. С. 293; *Гимпельсон Е.Г.* Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. С. 88, 89, 200.
- 108 *Гимпельсон Е.Г.* Из истории образования однопартийной системы в СССР // *Вопр. истории.* 1965. № 11. С. 29.
- 109 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 403.
- 110 Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. С. 85.
- 111 Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. М., 1990. Т. 1. С. 13.
- 112 Изв. ЦК РКП(б). 1919. 20 дек.
- 113 Девятый съезд РКП(б): Протоколы. С. 32.
- 114 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 277. Л. 181–182.
- 115 *Свердлов Я.М.* Избр. произведения. М., 1960. Т. 3. С. 42.
- 116 Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (ноябрь–декабрь 1918 г.): Сб. документов. М., 1970. Т. 5. С. 37.
- 117 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 74. Л. 315.
- 118 Белевский пролетарий. 1918. 27 окт.; ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 2. Л. 16–17.
- 119 Советы в эпоху военного коммунизма: Сб. документов. М., 1928. Ч. 1. С. 413.
- 120 Изв. ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 145, 153, 157, 158.
- 121 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 273. Л. 513.
- 122 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 108.
- 123 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 251. Л. 35.
- 124 Там же. Д. 190. Л. 2.
- 125 ГАРФ. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.
- 126 *Сталин И.В.* Соч. М., 1947. Т. 5. С. 71.
- 127 См.: КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 103, 108.
- 128 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 404; Т. 42. С. 166.
- 129 Девятая конференция РКП(б): Протоколы. М., 1972. С. 149.
- 130 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 299, 301, 302.
- 131 Там же. С. 325.
- 132 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 42.
- 133 Звезда. 1930. № 6. С. 187.
- 134 Девятый съезд РКП(б): Протоколы. С. 51.
- 135 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 199.
- 136 Изв. ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 166.
- 137 *Пайнс Р.* Создание однопартийного государства в советской России // *Полит. исслед.* 1991. № 1. С. 216.
- 138 *Карр Э.* Большеви́стская революция, 1917–1923. С. 158.
- 139 Веч. изв. Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 1918. 22 нояб.
- 140 РЦХИДНИ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.
- 141 Декреты советской власти. Т. 4. С. 96.
- 142 Там же. С. 437.
- 143 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16567. Л. 1.
- 144 Там же. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.
- 145 Там же. Л. 40.
- 146 Там же. Д. 2. Л. 43; Д. 7. Л. 22.
- 147 *Буревой К.* Распад. М., 1923. С. 85–87.
- 148 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16567. Л. 1.
- 149 Там же. Оп. 2. Д. 288. Л. 4–5.

- 150 Там же. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 62; Рев. Россия. 1920. № 1 (декабрь).
- 151 Цит по: *Симонов Н.С.* Демократическая альтернатива тоталитарному нэпу // История СССР. 1992. № 1. С. 48; РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.
- 152 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14015. Л. 1–2.
- 153 Там же. Л. 3.
- 154 Соц. вестн. 1922. № 19 (41). С. 7.
- 155 РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2.
- 156 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12320. Л. 6.
- 157 Там же. Л. 7.
- 158 *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887–1921 гг.). М.; Л., 1927. С. 198.
- 159 РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.
- 160 Рев. Россия. 1920. Прил. 1. С. 3.
- 161 РЦХИДНИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
- 162 Там же. Л. 36.
- 163 Декреты советской властн. М., 1973. Т. 6. С. 316.
- 164 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 37. Д. 1. Л. 1.
- 165 7-й Всероссийский съезд Советов... С. 60–62.
- 166 *Троцкий Л.Д.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 102.
- 167 *Подболотов П.А., Спирин Л.М.* Крах меньшевизма в советской России. Л., 1988. С. 131.
- 168 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 128. Л. 1.
- 169 Там же. Оп. 1. Д. 9380. Л. 1.
- 170 Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.
- 171 Там же. Ф. 274. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.
- 172 Там же. Ф. 275. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.
- 173 Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16567. Л. 1–2.
- 174 Там же. Л. 2, 5.
- 175 Там же. Л. 6–7.
- 176 Воля труда. 1920. Окт.
- 177 Изв. ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 120.
- 178 *Дишинов Б.* От легальности к подполью (1921–1922). Стенфорд, 1968. С. 23.
- 179 *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. М., 1991. С. 330.
- 180 *Свердлов Я.М.* Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 242.
- 181 Там же.
- 182 *Локкарт Р.* Буря над Россией. Рига, 1932. С. 227.
- 183 Пятый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. М., 1919. С. 9.
- 184 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. с. 143–144.
- 185 *Ильин-Женевский А.Ф.* Большевики у власти: Воспоминания о 1918 г. Л., 1929. с. 132; Изв. ВЦИК. 1918. 3 и 7 сент.
- 186 Декреты советской власти. Т. 3. С. 291–292.
- 187 Родина. 1989. № 1. С. 29.
- 188 СУ РСФСР. 1919. № 53. Ст. 504.
- 189 *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. С. 329, 331.
- 190 *Kautsky K.* Terrorismus und Kommunismus: Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. В., 1919.
- 191 *Троцкий Л.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 23.
- 192 Изв. ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 181.
- 193 Съезды Советов в документах, 1917–1922. М., 1959. Т. 1. С. 89–90.
- 194 Цит. по публикации отрывка из книги Ф.И. Дана "Демократизация исторически станет возможна": Коммунист. 1990. № 7. С. 75.
- 195 *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1952. Т. 17. С. 33.
- 196 Изв. ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 163.

- 197 Декреты советской власти. Т. 3. С. 450, 451.
- 198 Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 74.
- 199 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410.
- 200 Там же. Т. 38. с. 295.
- 201 Бердлев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101, 102.
- 202 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 133. Л. 1.
- 203 Там же. Д. 134. Л. 1.
- 204 Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 26. Л. 2.
- 205 Декреты советской власти. Т. 4. С. 301.
- 206 Власть Советов. 1919. № 5. С. 16.
- 207 Декреты советской власти. Т. 4. С. 400–401.
- 208 Там же. Т. 5. С. 295–296.
- 209 Там же. М., 1973. Т. 6. С. 217–218.
- 210 Там же. М., 1974. Т. 7. С. 355–356.
- 211 В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов, 1917–1922. М., 1987. С. 324.
- 212 Короленко В.Г. Шесть писем к Луначарскому // Соврем. зап. Париж, 1922. Т. IX. С. 46; Новый мир. 1988. № 10. С. 198–218.
- 213 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15101. Л. 3.
- 214 Звезда. 1930. № 6. С. 193–194.
- 215 Изв. ВЦИК. 1920. 6 февр.
- 216 Лацис М. [Судрабс]. Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 9.
- 217 Мельгунов С.П. "Красный террор" в России, 1918–1923. Берлин, 1924. С. 77.
- 218 Правда. 1918. 13 нояб.
- 219 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 51. Л. 111, 114.
- 220 Там же. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 90. Л. 266.
- 221 Соврем. зап. Париж, 1922. Т. X. С. 6.
- 222 Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1989. С. 90.
- 223 Изв. Народного комиссариата по продовольствию. 1920. № 6. С. 15, 16.
- 224 Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс, 1918–1920 гг. М., 1974. С. 80.
- 225 Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958. С. 98; Тр. ЦСУ. М., 1926. Т. XXVI, вып. 1. С. 32, 33; Т. 3, вып. 8. С. 218–219.
- 226 Тр. ЦСУ. Т. XXVII, вып. 1. С. 18–33.
- 227 Гухман Б.А. Численность и заработная плата пролетариата СССР. М., 1925. С. 74.
- 228 Андреев А.А. Профсоюзы за 4 года пролетарской революции // Вестн. труда. 1921. № 10/11 (13/14). С. 8.
- 229 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 128. Л. 16–20.
- 230 ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 171. Л. 10.
- 231 Томский М.П. Избр. ст. и речи. М., 1928. С. 448.
- 232 Отчет Всероссийского Центрального совета профессиональных союзов за 1919 г. М., 1920. С. VIII.
- 233 Третий Всероссийский съезд профсоюзов, 6–13 апреля 1920 г.: Стеногр. отчет. М., 1921. С. 33.
- 234 Отчет Всероссийского центрального совета профессиональных союзов за 1919 год. С. 34.
- 235 Декреты советской власти. Т. 7. С. 274.
- 236 Цит. по: Гарви П.А. Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917–1921). Нью-Йорк, 1981. С. 53.
- 237 Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов, 16–25 января 1919: Стеногр. отчет. М., 1921. Ч. 1. С. 22.
- 238 Томский М.П. Избр. ст. и речи. С. 144.
- 239 Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство: (Дискуссии 1917–1920 гг.). М., 1991. С. 80.

- 240 *Зиновьев Г* Партия и профсоюзы // Соч. М., 1929. Т. 6. С. 317.
- 241 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 362; Т. 40. С. 255.
- 242 РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 330. Л. 9.
- 243 ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 4. Д. 2. Л. 14.
- 244 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 255.
- 245 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 31.
- 246 Там же. Т. 42. С. 203–204.
- 247 *Гарви П.А.* Указ. соч. С. 50.
- 248 Там же. С. 116–120.
- 249 *Гоголевский Н.В.* Петроградский Совет в годы гражданской войны. Л., 1982. С. 176.
- 250 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24095. Л. 5–12.
- 251 Там же. Д. 24385. Л. 3.
- 252 История Тульского оружейного завода, 1712–1972. М., 1973. С. 154.
- 253 *Металлист / Орган ЦК ВСРМ.* 1919. № 9(1). С. 13.
- 254 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 436, 449, 450.
- 255 Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов... С. 59.
- 256 Резолюции 2-го Всероссийского съезда профессиональных союзов, 16–25 января 1919 г. М., 1919. С. 2.
- 257 Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 112.
- 258 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 84.
- 259 *Бухарин Н.И.* Избр. произведения. М., 1988. С. 21.
- 260 *Зиновьев Г.* Указ. соч. С. 306, 308.
- 261 Изв. ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 181.
- 262 См.: *Киселев А.Ф.* Указ. соч. С. 161–174.
- 263 Девятый съезд РКП(б): Протоколы. С. 215–216.
- 264 Там же. С. 229, 232.
- 265 Там же. С. 240.
- 266 Там же. С. 94.
- 267 Там же. С. 129.
- 268 РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 75. Л. 24.
- 269 Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов. С. 65–67.
- 270 Пятая Всероссийская конференция профессиональных союзов (3–7 ноября 1920 г.): Стеногр. отчет. М., 1921. С. 65–74.
- 271 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 203, 204, 208.
- 272 Дискуссия о профсоюзах: Материалы и документы, 1920–1921 гг. М., 1927. С. 185.
- 273 Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет (8–16 марта 1921 г.). М., 1921. С. 362–363.
- 274 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.
- 275 Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 665.
- 276 Там же. С. 665–666.
- 277 Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 355.
- 278 *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1991. С. 439.
- 279 Декреты советской власти. Т. 3. С. 67.
- 280 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 32.
- 281 Декреты советской власти. Т. 3. С. 178–180.
- 282 Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями, август–октябрь 1918 г. М., 1969. Т. 4. С. 47.
- 283 РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
- 284 Декреты советской власти. Т. 4. С. 41–46.
- 285 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 346, 347, 351.
- 286 Проф. вестн. Царицын, 1919. № 2. С. 13.
- 287 Цит. по: *Балабанов М.* История рабочей кооперации в России. М., 1928. С. 325, 327.
- 288 РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2573. Л. 83.
- 289 Союз потребителей. 1919. № 1/2. С. 51.

- 290 РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1. Л. 152.
- 291 Союз потребителей. 1919. № 1/2. С. 7.
- 292 Там же. С. 3.
- 293 Изв. ВЦИК. 1919. 2 февр.
- 294 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 471–472.
- 295 Там же. Т. 50. С. 251.
- 296 Союз потребителей. 1919. № 3/4. С. 3.
- 297 Там же. № 6/7. С. 29.
- 298 Там же.
- 299 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 165.
- 300 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 88.
- 301 Декреты советской власти. Т. 4. С. 503–507. В литературе обычно приводится другая дата – 20 марта – по публикации в "Известиях ВЦИК".
- 302 Союз потребителей. 1919. № 9/10. С. 4, 10.
- 303 Декреты советской власти. Т. 5. С. 11; РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.
- 304 РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 84. Л. 19об.
- 305 Там же. Д. 87. Л. 12.
- 306 Декреты советской власти. Т. 6. С. 12–15.
- 307 Там же. Т. 7. С. 148.
- 308 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 102–103.
- 309 Там же. С. 279.
- 310 Месяцев П.А. Аграрная политика в России. М., 1924. С. 273.
- 311 История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1. С. 105.
- 312 РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 193. Л. 3.
- 313 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 103.
- 314 Союз потребителей. 1920. № 4. С. 16.
- 315 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 259, 260.
- 316 Девятый съезд РКП(б): Протоколы. С. 367.
- 317 Там же. С. 423.
- 318 РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 128. Л. 11–12.
- 319 Там же. Л. 9.
- 320 Резолюции I Всероссийского собрания уполномоченных Центросоюза. М., 1921. С. 1.
- 321 Протоколы Десятой Всероссийской конференции РКП(б). М., 1933. С. 28.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И НЭП: НЕАДЕКВАТНОСТЬ РЕФОРМ

СИМБИОЗ НЭПА И ЧК

В результате первой мировой и гражданской войн, “военного коммунизма” Советская страна оказалась в тяжелейшем экономическом, социальном и политическом кризисе. Людские потери составили примерно 25 млн человек. Экономика находилась в катастрофическом состоянии. Была потеряна четвертая часть довоенного богатства страны (свыше 40 млрд золотых рублей). По сравнению с 1913 г. промышленное производство в 1920 г. сократилось в 7 раз, угля добыто всего 30%, объем железнодорожных перевозок упал до уровня 90-х годов XIX в. Резко сократились посевные площади. Производительные силы были подорваны.

“Диктатура пролетариата” всей своей тяжестью ударила по еще недавно господствовавшим буржуазно-помещичьим классам, лишив их не только власти и позиций в экономике, но и имущества, средств к существованию. Да и рабочий класс, вынесший на своих плечах основную тяжесть революции и гражданской войны, вышел из них обескровленным, в значительной степени деклассированным. Он понес большие потери не только на фронтах, но и от голода. Сотни тысяч рабочих, бросив остававшиеся или разрушенные заводы и фабрики, ушли в деревню, переставая быть рабочими. Осталось примерно 1,5 млн промышленных рабочих (в 1913 г. – свыше 3 млн), из них менее половины кадровых. “Диктатура пролетариата” с ее политикой “военного коммунизма” ударила по самому рабочему классу, вызвав его недовольство.

Особенно велико было недовольство крестьянства. Оно оказалось обманутым Советской властью. Получив после Октябрьского переворота дополнительные наделы земли, крестьяне затем по продразвертке вынуждены были отдавать государству по существу без вознаграждения полученный своим трудом на этой земле хлеб. Возмущение крестьян вылилось в массовые восстания в конце 1920 – начале 1921 г.

В глубоком кризисе оказалась и сама правящая Коммунистическая партия. Проявлением его были усилившаяся внутривнутрипартийная борьба, разложение в ее рядах, охватившее даже “старую партийную гвардию”, не выдержавшую “испытания властью”. Неуклонно шла бюрократизация ее аппарата, все зримей проявлялись высокомерное отношение “верхов” к рядовым членам партии и беспартийным трудящимся, злоупотребление ими своим привилегированным положением. Всеобщий политический и экономический кризис охватил государственную власть и управление, взаимоотношения партии и Советского государства с

рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией. Все требовали перемен, и прежде всего отмены “военного коммунизма”. Не случайно дискуссия о профсоюзах вышла далеко за рамки роли этих организаций. По существу были подняты вопросы о сути Советской власти, о путях движения к социализму, о государстве “диктатуры пролетариата”.

Поиски выхода из тупика, в котором оказалась страна, увенчались переходом к новой экономической политике, провозглашенным X съездом РКП(б). Концепция нэпа развивалась в работах Ленина 1921–1923 гг., особенно в последних его статьях, и включала идеи об использовании товарно-денежных отношений, всех форм собственности – государственной, кооперативной, частной, смешанной, – хозрасчета, о социализме как обществе “цивилизованных кооператоров”. Предполагалось временно отступить от достигнутых “завоеваний социализма”, сделать шаг назад с тем, чтобы набраться сил для скачка к той же стратегической цели – социализму. По идее Ленина, следовало «сделать “веревку” лишь более свободной, не **разрывая** ее, “отпустить” “полегче”»¹.

Нэповские реформы имели спонтанный, эмпирический характер (впрочем, как и предшествующие преобразования послеоктябрьского периода). Тем не менее переход к нэпу положил начало новому периоду в развитии советской политической системы. Замена продразверстки продналогом повлекла за собой новые и новые шаги экономического характера. И как только железные цепи, стягивавшие и умертвлявшие товарно-рыночные отношения, были ослаблены, сразу стала оживать экономическая жизнь, открывались магазины. Характерна зарисовка в романе А. Платонова “Чевенгур”. В родной город вернулся герой произведения: «Сначала он подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булки... На вывеске кратко и кустарно написано: “Продажа всего всем гражданам. Довоенный хлеб, довоенная рыба, свежее мясо, собственные соленья”».

Обычно нэп трактуется как чисто экономическая политика. Именно в этом плане он рассматривается в обширной посвященной ему историографии. Однако это явление более широкое. Нэп органически предполагал реформу и политической системы, хотя осознание этого руководству давалось с трудом, – реформирование не только хозяйственного, но и всего государственного механизма управления, отказ от административных чрезвычайных мер внеэкономического принуждения, признание решающего значения личного интереса в экономической жизни, укрепление права и законности.

Все же ни в первые, ни в последующие годы потенциал нэпа полностью не был раскрыт. Спустя два года после перехода к этой политике Ленин скажет: нэп – это “всерьез и надолго”. Но “всерьез” его соратники и преемники ее не воспринимали, считая, что это временное отступление, вызванное, в частности, задержкой “мировой пролетарской революции”. Стратегическая цель партии и государства – социализм оставалась. Вот почему они не давали выйти нэпу за пределы, опасные этой цели. Рыночные методы экономического

регулирования сочетались с внеэкономическими, с административным вмешательством в хозяйственную жизнь. Преобладание государственной собственности на средства производства сохранялось, являясь объективной основой такого вмешательства. Считалось, что и в рыночных отношениях роль государства прежняя, как и при “военном коммунизме”, а экономическую реформу оно должно проводить в рамках “социалистичности”. Играли роль уже сложившиеся централистские, силовые традиции и стереотипы “вождей”, приспособившихся к приказным методам управления.

Оставалось представление о социализме как “государственно-капиталистической монополии, обращенной на пользу всего народа” Правда, на X съезде РКП(б) Ленин заметит: “Теоретически не обязательно принимать, что государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма”². Но это сделанное мимоходом замечание не получило разъяснения. Только в январе 1923 г. в статье “О кооперации” оно было как бы дополнено также мимоходом: “Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм”³.

В письме наркомю юстиции Д.И. Курскому Ленин 20 февраля 1922 г. наряду с установкой на “усиление репрессий против политических врагов и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров)” выражал недовольство тем, что в деятельности наркомата “не видно понимания того, что мы признаем и будем признавать лишь **государственный капитализм**”. Он призывал расширить вмешательство государства в “частноправовые отношения”. «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»⁴. В день написания этого письма управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов довел устно до сведения Курского предложения Ленина о работе наркомата, сообщив и детали, не содержащиеся в письме: “НКЮст должен быть ударным органом для травли частной торговли. НКЮст должен ставить образцовые процессы и на этих процессах травить до конца, не ограничиваясь штрафами в сотни миллионов, брать до 90% прибыли, а то и пустить по миру, чтобы до смерти помнили. Ловить, выслеживать, устраивать западни и ловушки”⁵.

Инициатор и архитектор нэпа Ленин несомненно отдавал себе отчет в том, что переход к экономическим отношениям требует реформ в политической и административной сферах. В августе 1921 г., имея в виду необходимость реформирования политических отношений, он заметит: «Кто не понимает смены лозунга “гражданской войны” лозунгом “гражданский мир”, тот смешон, если не хуже»⁶. Однако эта мысль не была развита ни Лениным, ни его соратниками. Она не была воспринята руководством партии, да и сам Ленин на практике продолжал придерживаться прежнего лозунга. Более того, первоначально в политическом руководстве преобладало мнение, что сложившиеся и устоявшиеся политические структуры менять не нужно. Реформы в этой области стали проводиться прагматически, нерешительно. Не было последовательного отказа от “военно-коммуни-

стических” чрезвычайных методов, оказавшихся весьма эффективными в условиях войны.

Поворот к нэпу был осуществлен под жестким давлением всеобщего недовольства крестьян, рабочих, интеллигенции, а не в результате пересмотра политико-идеологических основ правящей партии – они остались прежними: “диктатура пролетариата”, “руководящая роль партии”, “государство – главный инструмент строительства социализма”. Продолжая курс на социализм, новая экономическая политика была рассчитана на то, чтобы путем лавирования, социального компромисса с мелкобуржуазным большинством населения двигаться к намеченной цели хотя и более медленно, но зато с меньшим риском. Суть этой политики откровенно и в циничной форме изложена в письме Ленину недавнего лидера оппозиционной группы “демократического централизма” Т.В. Сапронова. К этому письму, написанному 2 декабря 1921 г., Ленин, как свидетельствуют его подчеркивания и пометки по тексту, отнесся со всей серьезностью, посчитав его очень “важным”. Документ особенно интересен тем, что показывает отношение “верхов” партии к политической стороне экономической реформы. Если “всерьез и надолго”, писал Сапронов, то необходимо приспособить советскую систему “к новому курсу”, привлекая больше крестьян в органы власти. “Ведь ни для кого не секрет, что с новой экономической политикой мужичок крепит. И в случае два-три года хорошего урожая (даже один год поднимет мужичка) мужик как следует встанет на ноги и неизбежно будет требовать свои права в вопросах государственного строительства, постепенно будет пытаться захватить советы в свои руки или же будет выдвигать лозунг Учредилки... Каковы бы ни были наши экономические уступки, до тех пор пока наша партия будет у власти, советская система должна быть незыблемой. А раз так, то необходимо советский аппарат сделать таким гибким, чтобы он при всяких уступках был бы незыблемо в наших руках”. Далее автор разъясняет, как он понимает “уступки”: “В экономическом вопросе мы сделали реальные уступки, в политике мы этой роскоши позволить не можем, но видимость уступок создать необходимо (выделено Лениным. – Е.Г.). Эти уступки могут выразиться в игре (если хотите) (ремарка Ленина: “не хочу”. – Е.Г.) в парламентаризм, куда должна быть допущена мелкая буржуазия, не в лице, конечно, меньшевиков и эсеров (это хорошая была бы для них трибуна), но десяток-другой, а может быть, и три десятка... бородатых мужиков мы бы могли посадить во **ВЦИК**”. По паре-тройке “бородачей” посадить и в губисполкомы. “Это и было бы представительство мелкой буржуазии, деревни” Но даже игра в уступки, считает автор, не безопасна. Мужик, “вкусивши сладкого, будет дальше лезть. Но это **не страшно**, если ЦК создаст **руководящую коллегию во ВЦИК**... с целью овладения всем советским аппаратом”⁷ (всюду выделено Лениным. – Е.Г.).

Я позволил себе привести довольно длинную цитату из письма, так как в ней четко выражена мысль (впрочем, для Ленина не новая, она прослеживается в практике нэпа с начала ее введения): при любых

уступках советский аппарат, государственная власть должны остаться в руках РКП(б).

Во взаимоотношениях Коммунистической партии и государства ничего не изменилось. Она продолжала монополизировать власть. Правда, в 1922 г. в руководстве РКП(б) были высказывания о ненормальности сложившихся взаимоотношений партии и государства. А XI съезд РКП(б) в своей резолюции записал: в новый период “становится возможным и необходимым разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей приходилось брать на себя в предшествующий период. Сохраняя за собой общее руководство и направление всей политики Советского государства, партия должна провести гораздо более отчетливо разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов...”⁸. Однако диктат партийных структур в советских органах продолжался. Бесконтрольность партаппарата, его монополизм вызывали параллелизм и трения в работе, лишали советские учреждения возможности проявлять инициативу, самостоятельность. И к XII съезду РКП(б) (*апрель 1923 г.*) ничего не изменилось. Более того, в резолюции съезда по отчету ЦК повторялся тезис о “диктатуре партии”.

В марте–апреле 1923 г. в ряде статей “Правды” снова поднимался вопрос о смешении функций партии и государства. Это было расценено, в частности Г.Е. Зиновьевым, как покушение на “диктатуру пролетариата”. 2 марта он опубликовал в “Правде” статью “Наши задачи”, в которой в резкой форме отчитал тех, кто допускал такие покушения. Но “покушения” продолжались. Т.В. Сапронов в “Правде” 14 апреля в статье “Партия и Советы” заявил: в условиях нэпа “партия может и должна отказаться от смешения функций партии и Советов... Политически Советы не только по форме, но и по сути должны остаться органами диктатуры пролетариата... Что касается партии, то она должна стать идейным вождем и политическим руководителем Советов”. Однако от сложившегося стереотипа – “диктатура партии” – руководство так и не отказалось. Характерна передовая в “Правде”, посвященная прошедшему XII съезду РКП(б). В ней говорилось: «Съезд никому не позволит шутить с вопросом о диктатуре партии... голоса тех, кто хотел в этой области начать “ревизию”, прозвучали совершенно одиноко». Статья предупреждала: «Нельзя скрывать от себя того, что попытки через некоторое время вернуться к той же “новой” идее ослабления руководящей роли партии возможны и даже вероятны»⁹.

Между тем диктатура партии являлась препятствием реформирования советской политической системы. Отношения партии и государственных структур – отношения диктата и беспрекословного исполнения партийных директив и связанные с ними методы деятельности вполне устраивали партаппарат, уже привыкший пользоваться властью и проистекавшими от нее льготами, материальными преимуществами. Сказывалась и боязнь, как бы нэп, оживление мелкобуржуазной стихии и деклассирование рабочего класса не подорвали “диктатуру пролетариата” Считалось, что в этих условиях речь должна идти не об

ослабления, а об усилении диктатуры партии. Ситуация создалась противоречивая. С одной стороны, нэп, сама жизнь требовали политических преобразований. Руководство это понимало и вступило на этот путь. С другой стороны, оно проявляло крайнюю непоследовательность, тормозило этот процесс. Нечто подобное повторилось в ходе “перестройки” второй половины 80-х годов.

Частью реформирования государства были некоторые преобразования, относившиеся к Советам. Представительная система Советов во многом не соответствовала тому, что создавалось после Октября. В предыдущей главе было показано, как на Советах сказался груз последствий гражданской войны. Политическое руководство нуждалось в массовой поддержке трудящихся. Между тем классовый, преимущественно крестьянский состав населения не позволял правящей партии иметь значительную социальную базу. Недовольство населения в 1921–1922 г. усиливалось и на почве голода. Предполагалось смягчить недовольство, в частности путем “оживления” Советов, усиления их роли. Этому должны были служить законодательные акты ВЦИК: 8 февраля 1921 г. постановления “О регулярных перевыборах Советов и о созыве в установленные сроки съездов Советов”, “Об организации городских Советов рабочих и красноармейских депутатов”¹⁰, положения от 26 января 1922 г. “О Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа”, “О сельских Советах”, “Об уездных съездах Советов и их исполкомах”, “О волостных съездах Советов и волостных исполкомах”, от 31 октября 1922 г. “О губернских съездах Советов и губернских исполкомах”¹¹. Эти и другие законодательные акты уточняли компетенцию отдельных звеньев Советов, предусматривали активизацию их деятельности и вовлечение трудящихся в работу Советов.

Однако система выборов на съезды Советов и в Советы осталась прежней – открытой, многоступенчатой. Партийное руководство не склонно было менять ее, так как она позволяла манипулировать составом Советов и формировать аппарат Советов из удобных партаппарату людей. В результате участие избирателей в выборах было крайне низким: в 1922 г. в выборах в городские Советы участвовало всего 36,2% (данные по 8 губерниям), в сельские Советы – 22,3%¹².

Нетронутая реформированием система выборов в Советы еще один показатель непоследовательности курса на демократизацию, отсутствия должного учета необходимости соответствия политических преобразований экономическим. В самом деле, сохранялось конституционное положение о лишении политических прав, права участия в выборах частных собственников, торговцев – так называемых нэпманов. Но ведь именно они, согласно смыслу экономической реформы, должны были вдохнуть жизнь в хозяйственную жизнь. Вызванное политико-идеологическими установками РКП, лишение политических прав хозяйственно-активной части населения противоречило тезису о том, что нэп “всерьез и надолго”, оно противоречило самому смыслу нэпа.

Встал вопрос о необходимости упорядочения работы и взаимоот-

ношения высших органов государственной власти и управления – ВЦИК и Совнаркома. Этот вопрос в полный голос зазвучал на XI съезде РКП(б) (март–апрель 1922 г.). Н. Осинский на нем резко критиковал сложившуюся практику: “Политбюро является решающей инстанцией... Если имеется директива Политбюро решить вопрос так, то стоп машина: комиссары смолкают. Если надо пересмотреть (вопрос) по существу, попробуйте пересмотреть, – наркомы спасуют, потому что имеются особые директивы. Такое положение невозможно: не может учреждение, состоящее из 16 безответственных или малоответственных людей, представителей своих ведомств, писать и решать законы... Надо отнять у СНК законодательные функции и сосредоточить их исключительно у ВЦИКа. СНК должен быть исключительным органом ВЦИКа”¹³. Съезд высказался за повышение роли ВЦИК в хозяйственном и государственном строительстве¹⁴, однако все осталось по-прежнему.

По своему социально-экономическому содержанию и для своего развития, углубления нэп нуждался в децентрализации хозяйственного управления. Это понимали многие, в том числе председатель ВСНХ А.И. Рыков. На XII съезде РКП(б) он заявил: “Управлять страной, которая охватывает одну шестую часть суши, управлять ею из Москвы на основе бюрократического централизма невозможно”¹⁵. Но оставление в руках государства крупной промышленности, базовых отраслей требовало сохранения экономической власти центра. Пошли по пути совмещения централизованного управления с частичной децентрализацией. Такая половинчатость не позволяла остановить рост бюрократизма, хотя призывов к решительной борьбе с этим злом в решениях партийных форумов, в выступлениях Ленина было достаточно. Его возмущение бюрократизмом в связанными с ним злоупотреблениями “примазавшихся”, всякой “сволочи, которая иногда совершает отвратительные бесчинства и безобразия, надругательства над крестьянством”, даже вылилось у него в такую угрозу: “Тут нужна чистка террористическая: суд на месте и расстрел безоговорочно”¹⁶. Рост бюрократизма вызывался и качествами кадров партийно-государственного аппарата. Сформировавшиеся в условиях “военного коммунизма”, они привнесли с собой в нэповские управленческие структуры усвоенные бюрократические приемы и навыки. Их крайне низкий уровень культуры не позволял им преодолеть уже сложившиеся стереотипы сознания.

Природа бюрократизма большевистским руководством глубоко не раскрывалась, рассматривалась в основном в плане узколичностного состава советских учреждений. Отсюда такие методы борьбы с бюрократизмом, как перIODические “чистки”, замена “вычищенных” работников государственного аппарата новыми, – это мало что давало: новые работники действовали теми же бюрократическими методами. Не достигало цели и сокращение штатов, произведенное после перехода к нэпу: они снова разбухали.

Новая экономическая политика, призванная возродить товарно-рыночные отношения, потребовала соответствующего юридического

обеспечения, и прежде всего изменения отношения к законности. Суть этого сформулирована была в решении XI Всероссийской конференции РКП(б) (19–22 декабря 1921 г.). В нем подчеркивалась первоочередность задачи водворения “во всех областях жизни строгих начал революционной законности”. “Новые формы отношения, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защите в судебном порядке”¹⁷. Зрело понимание, что законность – необходимое условие хозяйственной деятельности. Однако сложившееся в ходе гражданской войны представление о “революционной законности” не претерпело изменения. Впрочем, оно вытекало и из идеи о “диктатуре пролетариата”, функционирующей не по общечеловеческим, а по своим особым законам и в соответствии с “революционным правосознанием”. Последнее же определялось тем, отвечают ли юридические акты идеологии партии и взгляду на юстицию как на классовую. Вот почему над принимавшимися (в целях “укрепления законности”) юридическими актами продолжало тяготеть “революционное правосознание”. В статье “Ежегодника советской юстиции” (начало 1922 г.) читаем: “Значит ли, что изданием писаных законов революционное правосознание как база решений и приговоров сдастся в архив? Отнюдь нет. Революцию в архив еще никто не сдал, и революционное правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении: оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено”¹⁸.

При нэпе трактовка “революционной законности” связывалась с вводимым государственным капитализмом, «ведущим к социализму» Велась разработка гражданского кодекса РСФСР, и Ленин в упомянутом письме наркомю юстиции Д.И. Курскому “О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики” дает наставления: он обязан бороться “против течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надуть тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое». Это новое гражданское право должно исходить из принципа: «Мы ничего “частного” не признаем... Мы допускаем капитализм только государственный, а государство – это мы». Поэтому в “гражданских правоотношениях” следует руководствоваться революционным правосознанием. А это значит, надо “показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов”, за отступление от “наших законов” «**карать** не позорно-глупым, “коммунистически-тупоумным” штрафом в 100–200 миллионов, а расстрелом»¹⁹.

Несколько раньше, 11 февраля 1922 г., Ленин пишет наркомю финансов Г.Я. Сокольникову по поводу неправильной отчетности и убыточного ведения дел в правлениях трестов: “Тут нужны ряд **образцовых** процессов с применением **жесточайших** кар. НКюст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует **новых** способов новой жестокости и кар”²⁰.

Инициатор нэпа не видел выхода из экономических тупиков средствами и методами экономических отношений с их законами, он

продолжал уповать на “диктатуру пролетариата” с ее государственными карательными органами, на симбиоз нэпа и ЧК. Но этот симбиоз не оправдывал возлагавшихся на него надежды, и виноваты в этом, считал Ленин, недостатки деятельности государства. На XII съезде РКП он с горечью признал: “Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют...”²¹

Все же, хотя и непоследовательно, расширялись рамки правового регулирования общественных отношений, судебные органы приспосабливались к требованиям новых политических и экономических реалий. В 1921 – начале 1922 г. издан ряд декретов и нормативных уголовно-правовых актов. В мае 1922 г. принят первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Готовилась судебная реформа: она началась принятием 11 ноября 1922 г. ВЦИК Положения о судостройстве РСФСР²². Упразднили территориальные революционные трибуналы. Сам же суд состоял из трех звеньев: народный суд, губернский и Верховный суд РСФСР. К вновь образованным губернским судам перешли функции управления народными судами. Усиливалась независимость судов от местных властей. Органам управления запрещалось вмешиваться в судебные дела; отзыв судей до окончания срока полномочий возможен был только с санкции наркома юстиции или по решению суда за преступление. Были учреждены адвокатура и прокуратура²³, в функции которой входило наблюдение за тем, чтобы соблюдалась законность.

Новым экономическим отношениям должно было способствовать законодательство и в других областях. В 1922 г. приняты новые кодексы законов: о труде, земельный, гражданский; законы о трудовом землепользовании, об основных частных имущественных правах и др. Все эти законодательные акты отражали социально-экономическую сущность и пределы новой экономической политики. Так, в нормах Гражданского кодекса провозглашалось господствующее положение государственной социалистической собственности на орудия и средства производства. В то же время Гражданский кодекс допускал в ограниченных пределах частнохозяйственную деятельность при регулирующей роли государства, усиливал защиту имущественных прав граждан*.

В общем ряду реформирования государственных учреждений, связанного с переходом к нэпу, был и пересмотр статуса и полномочий ВЧК. В январе 1921 г. председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский писал в ЦК РКП(б), что применение высшей меры наказания – расстрела “можно сейчас отменить по всем политическим преступлениям, за исключением террористических актов и открытых восстаний”, а также наиболее опасных должностных преступлений²⁴. В приказе своим

* Изменения экономических отношений отразились на характере преступности и на вердиктах судебных органов. Преобладающими стали преступления на экономической почве. Процент осужденных за контрреволюционные преступления с 0,7% во втором полугодии 1922 г. снизился до 0,3% в первом полугодии 1923 г. В тот же период процент осужденных за хозяйственные преступления возрос с 7,3 до 32,4%, причем в 1923 г. усилена была суровость наказаний за хозяйственные и имущественные преступления (Ежегодник советской юстиции. 1923. № 5/52. С. 1190; № 44. С. 1010).

местным органам Ф.Э. Дзержинский указывал, что в новых условиях нельзя действовать прежними методами: “Грубые признаки различения на своего или несвоего по классовому признаку – кулак, бывший офицер, дворянин и прочее – можно было применять, когда Советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу... Нужно иметь в руках точные улики, конкретные данные”, но “само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна”²⁵. Тем не менее ВЧК продолжала действовать прежними методами – “по классовому признаку”, не имея “в руках точные улики, конкретные данные” о виновности арестованных.

Представляет интерес проект плана ВЧК “работы по ликвидации белогвардейских организаций на вторую половину 1921 года и первую половину 1922 года”. Инициатива составления плана исходила от Ленина, им же был предложен его сценарий. 21 апреля 1921 г. на имя Дзержинского в ВЧК была передана выписка из записки Ленина Молотову следующего содержания:

“Поручить ВЧК выработать систематический план

- а) на лето и осень 1921 года,
- б) на январь (вообще начало) 1922 г. и доложить через 1–2 недели в Политбюро.

Примерный план их (т.е. ВЧК) мер:

1. Ликвидация с-р и усиление надзора;
2. То же меньшевиков;
3. Чистка партии: долой нестойких коммунистов;
4. Чистка Саратова и Самарской губернии;
5. Отряды особого назначения;
6. Курсанты в провинции;
7. Чистка аппарата государственной власти в деревне...”²⁶

Поручение Ленина было выполнено. 4 июня 1921 г. ему был представлен проект плана, адресованный также Политбюро²⁷. Он состоял из разделов в соответствии с предложенным сценарием. Это обширный документ, хранящийся в ранее недоступных архивных тайниках, предусматривал “доликвидацию” партий меньшевиков и эсеров. Тщательно, детально указано, как это будет сделано, намечен даже график проведения “массовых операций”. Речь в нем также идет об операциях против остатков других небольшевистских партий, о мерах борьбы с “черносотенным духовенством”, подавлении рабочих и крестьянских волнений, о “чистке” ответственных работников милиции, кооперации, аппарата государственной власти в деревне и аппарата управления экономикой. Даны рекомендации ЦК РКП(б), как подключить к проведению этих репрессивных мероприятий партийные организации.

Пометки Ленина на проекте плана ВЧК: “секретно”, “в архив”. В Политбюро проект не был представлен и, следовательно, официального его одобрения не получил. Но важно другое: по существу этот план, как будет показано ниже, пусть не точно по графику и по всем пунктам, осуществлялся чекистскими органами, чему способствовали государственные акты.

Все же необходимость ограничения полномочий ВЧК и сужения

рамок ее деятельности все больше осознавалась партийно-государственным руководством. Девятый Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.) признал нужным сузить круг деятельности ВЧК и ее органов. Съезд поручил Президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть Положение о ВЧК и ее органов “в направлении их реорганизации, сужения их компетенции и усиления начал революционной законности”²⁸. Имелись даже предположения урезать ассигнования ВЧК. Однажды в разговоре с Ф.Э. Дзержинским нарком финансов Г.Я. Сокольников, говоря о необходимости экономить народные деньги, высказался так: “Спрос рождает предложения. Чем больше средств получают ваши работники, тем больше будет дугих дел. Такова специфика вашего весьма важного и опасного учреждения”²⁹. Нельзя отказать ему в здравом взгляде на это учреждение*.

6 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет “Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов”. На ее базе было создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД³⁰ (после образования СССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР). На местах его органами были политические отделы. В полномочия ГПУ не входили судебно-следственные функции, его задачи были ограничены областью “политической охраны” и охраны границ государства. Согласно декрету, любой человек, арестованный ГПУ, либо через два месяца должен быть освобожден, либо дело его передается в суд. Свыше двух месяцев без передачи в суд можно было держать под арестом только по особому разрешению Президиума ВЦИК. И хотя и суженные полномочия ГПУ оставались обширными, все же появилась надежда, что с сокращением прерогатив власть “органов” не будет беспредельна. Однако уже в конце сентября Политбюро постановило расширить права ГПУ. 16 октября ВЦИК предоставил ГПУ право “внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличными на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях”³¹. Тем самым ВЦИК снова отступил от принципа осуждения только через суд, положенный в основу реорганизации ВЧК. Руководителем ГПУ оставался Ф.Э. Дзержинский. Имеются свидетельства, что осенью 1923 г. он однажды сказал К. Радеку: “Святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня, и я остаюсь с негодяями”³². В свете последующих незаконных репрессий эти слова не лишены глубокого смысла. Восприняв от ВЧК ее кадры и карательные методы, ГПУ в дальнейшем было послушным бесконтрольным орудием сталинских массовых расправ с негодными. ГПУ размещалось на Лубянке, ставшей символом трагедий сотен тысяч безвинных жертв. Страх населения, насаждавшийся

* Последним большим процессом, организованным ВЧК, был процесс так называемой Петроградской боевой организации (ПБО), по которому было арестовано свыше 200 человек, среди них крупные ученые и деятели культуры В.Н. Таганцев, М.М. Тихвинский, Д.И. Шаховский, Н.И. Лазаревский, талантливый поэт Н. Гумилев и др. Дело было явно раздуто в политических целях.

ГПУ и его местными органами, оставался постоянным подспорьем политического режима.

Функционирование нэпа, смешанной экономики сопровождалось оживлением разномыслия в идеологической области, особенно среди интеллигенции. Широко распространялись “сменовеховские” идеи. Раздавались требования свободы слова и печати. Даже сам Ленин сначала высказывался за расширение этих свобод, но “в известных пределах”. В 1936 г. Е.Д. Кускова в письме В.Л. Бурцеву между прочим писала: Ленин “в 1921 г. хотел устроить банкет со старыми общественными деятелями. Просили (жив В.М. Свердлов, через кат[орого] шли переговоры) передать ему: банкеты мы будем совместно устраивать тогда, когда выйдем из состояния рабов, рот которых завязан и кот[орые] чувствуют себя пленниками диктатуры, т.е. когда рядом с нэпом будут возвращены русскому народу свободы”³³. Автор не располагает данными, подтверждающими это любопытное сообщение. Думается, что нечто подобное могло быть. Не исключено, что после перехода к нэпу Ленин негласно пытался “прощупать почву” для каких-то примирительных контактов “со старыми общественными деятелями”. Но длилось это недолго. Испугавшись проникновения “буржуазных идей”, руководство большевиков объявляет им войну. Характерна переписка Ленина с Г.И. Мясниковым.

В начале мая 1921 г. Г.И. Мясников, рабочий, коммунист с 15-летним партстажем, направил в ЦК РКП(б) докладную записку о своих впечатлениях от посещения “Красного Петрограда”. В ней он касался ряда важных политических вопросов. В частности, он предложил предоставить крестьянам больше самостоятельности. Писал он и о взаимоотношениях партии с рабочим классом, о ее отрыве от рабочих, о волнениях рабочих в Петрограде. Они, утверждал он, “чувствовали, что власть есть, но чужая и далекая”. Во всех забастовках и “итальянках” власти “винили меньшевиков и эсеров, их зловердных агитаторов, и, желая избавиться себя от крамолы, их арестовывали. Но, несмотря на спасительные меры, забастовки не прекращались, наоборот, обострялись, а меньшевики и эсеры из людей без всякого влияния репрессиями превращались в героев”. “Полнейшая безответственность перед массой партийной и беспартийной потому, что она безмолвна” “За разговор наверняка или вышлют, или посадят. Партийной массе, середняку разрешается говорить о маленьких грешках и только о маленьких, а если покрупнее, надо молчать”. “Всякая попытка сказать критическое слово ведет к зачислению смельчака по штату меньшевиков и эсеров со всеми вытекающими отсюда последствиями”. “Если кто и дерзнет сметь свое суждение иметь – он или шукурник, еще хуже контрреволюционер-меньшевик или эсер”. “После того, как мы подавили сопротивления эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны, как после подавления Колчака отменили смертную казнь, провозгласить свободу слова и печати... от меньшевиков до анархистов включительно”³⁴.

27 июля Г.И. Мясников передал Н.И. Бухарину для публикации в “Правде” статью “Больные вопросы”. В ней он развивал доводы

докладной записки, настаивал на “гражданском мире”. Особый упор он делал на необходимости свободы слова и печати, которые будут способствовать активизации рабочих и крестьян в хозяйственной жизни. “Если бояться свободы слова и печати, – писал, он, – то только потому, что у нас очень много беспорядков, то ведь от того, что свободы слова не будет, их не уменьшатся. У нас свобода слова на рынке, на вокзале, в вагоне, на пристани существует, но на фабрике и заводе и в деревне ее нет. Там чека зорко досматривает через коммунистов на благонаравие рабочих и крестьян”³⁵.

Оргбюро ЦК создало специальную комиссию (Н.И. Бухарин, П.А. Залуцкий, А.А. Сольц) для рассмотрения материалов Г.И. Мясникова, а также его выступлений по тем же вопросам в петроградской и пермской организациях РКП(б). Комиссия 21 июля 1921 г. предложила исключить Г. Мясникова из партии³⁶.

Ленин, ознакомившись со статьей и докладной запиской Г. Мясникова, ответил ему 5 августа. Согласившись с тем, что необходимо сменить лозунг “гражданская война” на лозунг “гражданский мир”, он осудил требования “свободы печати от монархистов до анархистов”. “Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров.

Это факт неопровержимый, – писал Ленин. – Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во много раз. Дать ей еще такое оружие, как свобода политической организации (свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчать дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и потому это и не сделаем”³⁷.

Г.И. Мясников, в свою очередь, ответил Ленину на его письмо. Он продолжал настаивать на гласности в критике недостатков, считая вместе с тем, что гласность надо ввести в определенные рамки законом о свободе слова и печати. “Закон должен карать за ложь, за клевету, за призывы к неисполнению того или иного закона, но не карать за высказывания мыслей в целях оказания влияния на правительство, прессу, общественность и т.п.” Он предлагал одну из самых больших газет “сделать дискуссионной для всех оттенков общественной мысли”. Здесь же Мясников уточнял: свобода слова должна распространяться только на рабочий класс и крестьянство, среди которых существуют взгляды от “монархиста до анархиста”. “Когда дробите скулы мировой буржуазии, это хорошо, но вот беда: Вы замахиваетесь на буржуа, а бьете рабочего. Кто больше всего арестовывается за контрреволюцию теперь везде? Рабочие и крестьяне”. Что же касается интеллигенции, то “никаких рассуждений с кадетом, буржуа, адвокатом, доктором, профессором – здесь одно лекарство: мордобитие”³⁸. Как видим, демократические взгляды Г.И. Мясникова не выходили за пределы утвердившихся представлений: демократия только для трудящихся.

12 августа Ленин телеграфировал Пермскому губкому: “Прошу прочесть на заседании губкома обе статьи Мясникова и мое ответное

письмо ему. Тоже на Мотовилихинском райкоме”³⁹. Материал для проработки “диссидента” был дан. Ему было запрещено выступать в организациях губернии. О последовавших вскоре мерах губкома и реакции на них членов Мотовилихинской партийной организации, где на учете состоял Мясников, мы узнаем из заявления их делегатов на Пермской городской конференции РКП(б). Губернский комитет, говорилось в нем, запретил Мотовилихинской организации выбирать Мясникова в райком, мотивируя это тем, что у него “есть какие-то нехорошие мысли, причем общему собранию было запрещено узнать эти преступные мысли и определить, насколько они преступны. Неоднократные протесты со стороны общего собрания против зажимания рта тов. Мясникову и против недоверия общему собранию привели к тому, что губком, кроме репрессивных, не знает никаких средств борьбы с инакомыслием, если не считать ложь, клевету, шельмование... Последним мудрым решением губкома тов. Мясников был лишен мандата на общегородскую конференцию, потому что губком где-то слышал, что у какой-то комиссии при ЦК есть какой-то проект насчет исключения тов. Мясникова из партии”. В знак протеста 31 делегат конференции покинул ее заседания⁴⁰.

Фронда Мясникова окончилась для него исключением из партии по решению Политбюро. Его упорства еще хватило на то, чтобы в июне 1922 г. обратиться с жалобой в Исполком Коминтерна. Но ИККИ ограничился пересылкой его письма в ЦК РКП⁴¹.

Все же под давлением объективных экономических требований, связанных с расширением товарно-рыночных отношений, правительству пришлось пойти на некоторое ослабление запретов “свободы печати”. С осени 1921 г. были расширены возможности издательской деятельности, появилось много частных изданий. В Москве в 1922 г. их было 337, в Петрограде – 83⁴². Появились журналы критически настроенной по отношению к Советской власти интеллигенции: “Экономист”, “Новая жизнь” и др. В них либерально мыслящие ученые, философы, экономисты, публицисты выражали надежду, что новые экономические реалии побудят власти отказаться от преследования инакомыслящих, создадут условия для свободного обмена идей. В книгах и статьях критиковалась официальная идеология и хозяйственная практика. Беспартийная интеллигенция переживала эйфорию ожидания подлинной либерализации и даже коренного изменения политического режима. Все это воспринималось партийными вождями как идеологическая подготовка контрреволюционного переворота. 15 марта 1922 г. Ленин в письме Н.П. Горбунову охарактеризовал вышедший сборник статей Н.А. Бердяева, Я.М. Букшпана, Ф.А. Степуна, С.Л. Франка “Освальд Шпенглер и закат Европы” как “литературное прикрытие белогвардейской организации”. А в статье “О значении воинствующего материализма” назвал журнал “Экономист” “органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.д.”⁴³ В июне многие журналы, в том числе “Экономист”, были закрыты. Это соответствовало установке большевиков: партия руководит не только экономикой и политикой, но и идеологией,

культурой, всеми ее формами и проявлениями. Неподчиняющихся ее руководству и указаниям не должно быть. Государственным органом осуществления партийного руководства идеологией и культурой оставался Наркомпрос, возглавляемый А.В. Луначарским. Но посчитали, что этого органа недостаточно, чтобы создать непреходимый барьер на пути распространения некоммунистической идеологии. Таким барьером по решению Совнаркома от 8 июня 1922 г. должен был стать специальный комитет по делам печати “в целях объединения всех родов цензуры, существующих в России”. Было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), в обязанности которого входил “предварительный просмотр всех предназначенных для печатания и распространения литературных произведений, периодических и непериодических изданий, карт и т.п. Кроме того, Главлит выдает разрешения на издание всех родов печатных произведений, составляет списки запрещенных книг, вырабатывает постановления касательно типографий, библиотек, книжной торговли”⁴⁴. Вскоре последовали первые списки запрещенных книг. При Главлите создан и комитет по контролю за репертуаром, без разрешения которого ни одно произведение не могло быть допущено к постановке⁴⁵. Во всем этом советские власти не были оригинальны. Задолго до них, в 1796 г., утопист-коммунист Гракх Бабёф считал необходимым, чтобы ни одно печатное произведение во Франции без разрешения правительства коммунистов, когда они придут к власти, не появилось – дабы оградить население от тлетворных влияний.

Были изданы декреты, предусматривавшие меры административного надзора за обществами, союзами, их съездами и конференциями, устанавливался разрешительный порядок их организации, регистрации уставов, НКВД получил право и ему вменялось в обязанность закрывать их в случае обнаружения в их деятельности признаков, противоречащих Советской Конституции и советским законам⁴⁶. Пользоваться провозглашенной “свободой слова и печати” в Советской России оказалось небезопасно, а в дальнейшем просто невозможно.

Непоследовательность, расхождения между словом и делом проявлялись в отношении к интеллигенции в целом. Ленин неоднократно подчеркивал, что без специалистов, интеллигенции не поднять хозяйство, культуру, не будет успехов в “строительстве социализма”. Он резко критиковал “комчанство” коммунистов, не доверявших специалистам, огульно обвинявших их в контрреволюционности. По свидетельству А.М. Горького, узнав, что академик В.А. Стеклов принял предложение работать с Советской властью, Ленин сказал: “Вот так, одного за другим, мы перетянем всех русских и европейских Архимедов, тогда мир, хочет не хочет – а перевернется”⁴⁷. Девятый Всероссийский съезд Советов принял написанный Лениным “Наказ о хозяйственной работе”, указывавший на “безусловную необходимость еще более настойчивой работы по привлечению к делу хозяйственного строительства специалистов, понимая под таковыми как представителей науки и техники, так и людей, которые практической деятельностью приобрели опыт и знания в деле торговли, в деле организации

крупных предприятий, контроля за хозяйственными операциями и т.п.”⁴⁸ В 1922 г. в “Проекте тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики” Ленин писал: “Если все наши руководящие учреждения, т.е. и компартия, и соввласть, и профсоюзы, не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи”⁴⁹. В то же время в полном противоречии с такими высказываниями и призывами беречь специалистов независимо от их идейных взглядов Ленин ратовал за применение суровых мер к “чуждым коммунизму” специалистам.

Еще весной 1922 г. началась подготовка высылки из страны инакомыслящих ученых, представителей интеллигенции. В письме Ф.Э. Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Ленин предлагал конкретные меры по составлению списка “кандидатов на высылку за границу” В качестве “законнейших кандидатов на высылку” он, в частности, назвал сотрудников журнала “Экономист”. «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставит дело так, чтобы этих “военных шпионов” изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу»⁵⁰. А в письме, направленном в ГПУ 17 июля 1922 г., Ленин продолжал наставлять: «Решительно “искоренить” всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда? Петрищева и др.

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее.

То же А.Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники “Экономиста”». Далее в письме упоминаются Розанов, Рожков, Франк, Вигдорчик и даны указания:

«Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистить Россию надолго... Озеров, как и все сотрудники “Экономиста” – враги самые беспощадные. Всех их – вон из России.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выежайте, господа!»⁵¹

Резолюция XII Всероссийской конференции РКП(б) (4–7 августа 1922 г.) “Об антисоветских партиях и течениях”, в частности, гласила: “Нельзя отказаться от применения репрессий не только по отношению к политиканствующим верхушкам мнимобеспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...”⁵² Оставалось только подвести “правовую основу” для готовящейся акции. Это было сделано. 10 августа ВЦИК принял декрет “Об административной высылке лиц, признаваемых социально опасными”. При НКВД была создана особая комиссия, получившая право без суда высылать и заключать в лагеря принудительных работ “подобных лиц”⁵³.

Летом в ряде крупных городов были произведены аресты наме-

ченных деятелей науки и культуры. В ходе операции по их высылке посылались рапорты Ленину. Обычные его пометки на них: "в архив", "секретно"⁵⁴. Было выслано около 200 человек. Среди них выдающиеся философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин; историки А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов, А.В. Флоровский; социолог П.А. Сорокин, журналист М.А. Осоргин, экономист Б.Д. Бруцкус, много специалистов-практиков.

В декабре 1922 г. в сорока километрах от Архангельска на берегу Северного моря был учрежден специальный лагерь для политических заключенных. В 1923 г. открыт лагерь "особого назначения" на Соловках, более полувека являвшийся каторгой для сотен тысяч человек неугодных советским властям.

Ограничения свобод, да и прямые нарушения законности были и по отношению к церкви. Страна переживала жестокий голод, и 23 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет о конфискации церковных ценностей⁵⁵, на которые предполагалось приобрести хлеб за границей.

По предложению Л.Д. Троцкого Политбюро 13 марта постановило временно допустить "советскую часть" духовенства в органы Помгола в связи с изъятием ценностей из церквей⁵⁶. Свое предложение Троцкий мотивировал так: "Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей церквей. Так как вопрос острый, то и раскол на этой почве должен и может принять очень острый характер в той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, и уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет... Посему полагаю, что блок с этой частью попов можно временно довести до введения их в Помгол, тем более, что нужно устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчет того, что будто изъятие из церквей ценности расходятся не на нужды голодающих"⁵⁷.

20 марта 1922 г. Комиссия по изъятию, учету и сосредоточению церковных ценностей (Троцкий, Калинин, Уншлихт, Сапронов, Яковлев, Белобородов и др.) своим постановлением предложила газетам принять меры к тому, чтобы "дать более яркое и открытое выражение голосу тех попов, которые недовольны курсом Тихона и склонны провести не за страх, а за совесть декрет Советской власти об изъятии ценностей"⁵⁸. 18 мая 1922 г. за подписями секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова и председателя ВЦИК М.И. Калинина всем губкомам и губисполкомам послан "совершенно секретный" циркуляр: "Необходимо поддержать лояльное духовенство, которое точно и прямо призывает верующих к исполнению декрета ВЦИК об изъятии ценностей"⁵⁹.

Как было принято у большевиков, вся их деятельность проходила "по плану" Неудивительно, что Политбюро и на этот раз 20 марта утвердило план – "план проведения по всей стране кампании по изъятию церковных ценностей"⁶⁰. Во исполнение "плана" М.И. Калинин шифрованной телеграммой извещал губкомы и губисполкомы, что решено изъятие ценностей закончить в европейской части к 1 мая, Сибири – ко второй половине мая, последний срок для Сибири – 1 июня.

"Губкомы и губисполкомы, которые не закончат изъятие [к] указанному сроку, будут привлечены к ответственности по партийной и советской линии"⁶¹. Кроме того, несколько ранее за подписями секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова и председателя ВЦИК М.И. Калинина губкомам и губисполкомам послан "совершенно секретный" циркуляр: во многих местах комиссии по изъятию церковных ценностей соглашаются на предложения верующих выкупать ценности. Звучит угроза: "Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов"⁶².

Возмущение верующих всюду выливалось в бунты, а кое-где в кровавые столкновения с войсками. Только за три месяца выполнения "плана" было зарегистрировано 1414 острых столкновений⁶³.

15 марта 1922 г. Ленин в статье "О значении воинствующего материализма" ставит задачу усиления атеистической пропаганды. Постановка этого вопроса не противоречила законности. Но уже через несколько дней, 19 марта, он направил "строго секретное" письмо В.М. Молотову для членов Политбюро РКП(б) в связи с оказанным сопротивлением духовенства г. Шуи изъятию церковных ценностей, которое привело к серьезному выступлению толпы возбужденных верующих против властей города. Было убито 4 и ранено 10 человек. Ленин предлагал "дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий". И далее: "Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную... чтобы процесс против шуйских мятежников был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи" "... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше"⁶⁴.

Судебные процессы, связанные с сопротивлением изъятию церковных ценностей, состоялись в Москве, Петрограде, Шуе, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Старой Руссе и других городах. По обвинению в организации бунтов трибуналами на суровые наказания было осуждено много священников.

Таким образом, после перехода к нэпу в политике и деятельности партийного и советского руководства, государственных и партийных органов всех уровней боролись две противостоящие друг другу тенденции: одна – к либерализации политической системы, другая – к сохранению ее административно-бюрократических основ. Сказывались противоречивость, половинчатость, непоследовательность проведения нэпа, отсутствие цельной ее концепции и идеологическая зашоренность партийно-государственных кадров, не сумевших или не желавших отказаться от сложившихся представлений о путях и методах движения к социалистическому обществу. Возможности большевистского реформизма были ограничены, они не выходили за рамки "диктатуры пролетариата" и монопольной власти Коммунистической партии, более того,

его целью было их укрепление. На основы уже сложившейся политической системы реформы не посягали, и она продолжала функционировать методами в традициях гражданской войны.

Сработал "закон системности", согласно которому всякая система, получившая известную замкнутость, не поддается частичному реформированию. Попытки такого реформирования не предотвращают возвращение общества на круги своя. Так получилось в 20-х годах: незавершенность, неадекватность политических реформ экономическим оставляли возможность возврата к тому, что нэп отрицал и в перспективе – к установлению режима сталинщины.

РКП(б) у власти, "ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ПАРТИИ – В ТЮРЬМЕ"

Диктатура РКП(б), отождествляемая с "диктатурой пролетариата", уже к моменту перехода страны от войны к миру, эволюционировала в диктатуру партийных верхов. При огромной степени централизации руководства партией исключительная власть оказалась у центральных ее органов: Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК (создан IX съездом РКП(б) в 1920 г.). Фактически диктатуру партии осуществлял ее Центральный Комитет. "ЦК на то и ЦК, что он и для Советов, и для профсоюзов, и для кооперативов, и для губисполкомов, и для всего рабочего класса есть ЦК, – говорил на XII съезде РКП(б) Г.Е. Зиновьев. – В этом и заключается его руководящая роль, в этом и выражается диктатура партии"⁶⁵.

Крайняя централизация и полновластие руководства препятствовали развитию демократизма в партии. На XI съезде РКП(б) В.В. Косиор констатировал: "Система управления нашей партией осталась той же бюрократической, той же приказной и до известной степени военной, какой она была во время периода войны"⁶⁶. А Л.Б. Красин на XII съезде заметил: "верхи" партии продолжают действовать как подпольная организация"⁶⁷. Такое впечатление создается и у историка, знакомящегося в архивах с подлинными документами "верхов". На многих из них пестрят пометки: "секретно", "строго секретно". Лишь часть решений доводилась до партийных масс. В соответствии с решением Оргбюро ЦК от 30 ноября 1922 г. был ограничен круг лиц, которым рассылались выписки из протоколов ЦК, партийных комитетов. Запрещались письменные ссылки в советском и профсоюзном делопроизводстве на решения партии"⁶⁸. Виновные в нарушении этого порядка несли строжайшую партийную и государственную ответственность. Усилению власти центральных партийных органов над местными способствовала обязанность секретарей партийных комитетов ежемесячно направлять личные "строго секретные" письма на имя секретаря ЦК. В свою очередь, местные партийные комитеты воспринимались рядовыми членами как органы власти, решения и указания которых обязательны для выполнения, что создавало отчужденность между ними. Об этом писал летом 1922 г. секретарь Сибирского Бюро ЦК И.И. Ходоровский в письме, разосланном губернским и районным комитетам партии: районные

партийные комитеты "не являются в настоящее время теми центрами, куда члены партии, а также беспартийные приходили бы, как это было в первые два года революции, со своими нуждами и запросами или хотя бы с целью отдохнуть, узнать последние новости и т.д."⁶⁹

Фактически являясь "верховой властью", Политбюро ЦК манипулировало государственными структурами вплоть до высших, не только определяя их государственную политику, но и регламентируя повседневную работу. Так, 2 февраля 1922 г. Политбюро постановило, что наркомы могут передавать дела во ВЦИК лишь после предшествующего решения ЦК "для того, чтобы ВЦИКу не приходилось менять своих решений"⁷⁰. 15 марта того же года Политбюро приняло постановление, установившее порядок прохождения законопроектов через Президиум ВЦИК и Совнарком⁷¹. Народные комиссариаты давали ЦК отчеты о своей деятельности⁷².

РКП(б) использовала государственный аппарат (вопреки ранее принятым решениям) для наделения своих "верхов" новыми преимуществами и привилегиями. В августе 1922 г. XII партийная конференция предусмотрела принятое мер по улучшению материального положения "активных партработников", к числу которых были отнесены руководители различных звеньев центральных, областных, губернских, уездных партийных учреждений и местных ячеек (секретари) – всего 15 325 человек. Предлагалось их обеспечить "в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования (через Наркомпрос)"⁷³. Ответственные партийные работники получали пайки, обмундирование, их направляли в санатории Крыма и даже за границу для лечения. Все это было важным стимулом устремления карьеристских элементов на руководящие посты, а в дальнейшем одной из причин коррумпирования и разложения номенклатуры.

В связи с неурегулированностью взаимоотношений партийных и судебно-следственных органов Оргбюро ЦК РКП(б) постановлением от 31 марта 1921 г. создало комиссию (Бухарин, Дзержинский, Курский, Молотов, Соколов) для выработки по этому вопросу проекта циркулярного письма. Он был одобрен Секретариатом ЦК 3 мая⁷⁴: коммунисты могли быть преданы суду только с санкции местных партийных комитетов. 16 июня ЦК утвердил циркуляр. Однако Народный комиссариат юстиции опротестовал его в Политбюро. ЦК РКП(б) вернулся к этому вопросу и по существу подтвердил свое прежнее решение. 2 августа за подписью Молотова был послан местным партийным организациям и судебно-следственным органам циркуляр со следующими указаниями: в случае ареста коммунистов судебно-следственные учреждения должны об этом немедленно извещать партийные комитеты и давать им для ознакомления само дело подследственного; они обязаны освобождать коммунистов под поручительство партийных комитетов за персональным поручительством трех членов РКП, уполномоченных на то партийным комитетом: "Мнение комитета о направлении и судебном решении по делу есть партийная директива работников-коммунистов судебно-следственного учреждения"⁷⁵.

В середине ноября 1921 г. Ленин в записках секретарю ЦК В.М. Молотову высказался за усиление судебной ответственности коммунистов⁷⁶. Соответствующее постановление приняло Политбюро. Новый циркуляр ЦК РКП(б) от 4 января 1922 г. всем обкомам и губкомам гласил, что каждый член партии, совершивший общегражданский проступок, подлежит "суду народного суда или Ревтрибунала (по подсудности дела) на общих со всеми гражданами основаниях". Однако "общие со всеми основания" по существу тут же отрицались: "Следственные учреждения обязаны изменить меру пресечения в отношении членов РКП и освобождать от ареста с заменой его поручительством в случае представления поручительства не менее чем трех членов РКП"⁷⁷. Итак, все вернулось на круги своя. Характерно, что под партийным циркуляром стоят подписи не только секретаря ЦК Молотова, но и наркома юстиции Д.И. Курского и председателя Верховного Трибунала Н.В. Крыленко. Тем самым циркуляр как бы приобретал характер государственного документа. Постановление Оргбюро ЦК от 16 марта 1923 г. предусматривало особый порядок привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов: прежде чем дать делу ход, губернский прокурор обязан был направить материалы и свое заключение прокурору республики для согласования с ЦК⁷⁸. Вмешательства партийных комитетов в судопроизводство были повседневным явлением. Партийные привилегии, особенно номенклатуры, становились чертой политической системы и фактором поддержания ее устойчивости.

Привилегии и связанная с ними вседозволенность способствовали прогрессирующему разложению многих партийных организаций, начавшемуся еще в годы гражданской войны. Поступавшие в ЦК РКП(б) сообщения о состоянии местных организаций полны сведений о распространении в них пьянства, склок, конфликтов. Секретари губкомов сообщали: "самогон льется рекой" (Рязань), "усиливается пьянство среди ответственных работников", "на почве пьянства разложилось ГПУ" (Кустанай), "пьянство в организации приводит к уголовным преступлениям, растратам, взяточничеству" (Тюмень, Астрахань)⁷⁹.

На состоянии дел в партии уже в 1922 г. отрицательно сказалась болезнь Ленина. В Политбюро все вопросы решал триумvirат: Л.Б. Каменев (зам. председателя Совнаркома), И.В. Сталин (возглавлял Секретариат и Оргбюро ЦК) и Г.Е. Зиновьев (возглавлял исполком Коминтерна). С лета Ленин все чаще изолируется от дел, не имея возможности получать достаточно полной и объективной информации. Многое им воспринималось с подачи "тройки".

Между тем партия на переломе от войны к миру оказалась в трудном положении. Проявлением и отражением недовольства масс явились появившиеся в партии оппозиционные фракции "рабочей оппозиции", "децистов", развернувшаяся дискуссия о профсоюзах. Возникла угроза раскола партии, и Ленин на X съезде РКП(б) предложил принять решение "О единстве партии", проект которого он же написал. Литература об этом партийном документе обширна, но несет она на себе печать времени, когда советская историография создавалась под

влиянием "Краткого курса истории РКП(б)" Решение съезда превозносилось как необходимый, абсолютно правильный и спасительный для партии и Советского государства акт. В действительности это решение имело крайне негативные последствия не только для партии, но и для политической системы в целом.

Предписав немедленно распустить все образовавшиеся на той или иной платформе группы и запретив какие-либо фракционные выступления, съезд дал ЦК полномочия исключать из партии за фракционность и нарушения партийной дисциплины. В решении "О единстве партии" съезд определял фракционность как "возникновение групп с особой платформой и стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину"⁸⁰. Но в принципе решение не запрещало членам партии объединяться на основе особых платформ, если они действуют открыто и в рамках единой для всей партии дисциплины. Наличие особой политической платформы не рассматривалось как фракционность. Д.Б. Рязанов на съезде предложил поправку: "Осуждая самым решительным образом всякую фракционность, съезд в то же время высказывается также решительно против выборов на съезд по платформам"⁸¹. Ленин отверг это предложение. "Я думаю, – говорил он, – что пожелание т. Рязанова, как это ни жаль, неосуществимо. Лишать партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем. Я не представляю себе, каким образом мы можем это сделать. Нынешний съезд не может связывать чем-либо выборы на будущий съезд, а если будет такой вопрос, как, скажем, заключение Брестского мира?.. Возможно, что тогда придется выбирать по платформам... Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя! Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть"⁸².

Принимая решение "О единстве", запрещавшую образование оппозиционных фракций и предлагавшую исключать оппозиционистов из партии, съезд имел в виду конкретную ситуацию начала 1921 г., когда возникла опасность раскола. Это видно, в частности, из выступления Ленина на X съезде РКП(б), где он по поводу пункта решения, допускавшего исключение из партии членов ЦК пленумом ЦК и ЦКК, заметил: "Это – крайняя мера, которая принимается специально в сознании опасности обстановки"⁸³. Однако текст решения оставлял возможность толковать его расширительно и во времени и в отношении справедливых требований меньшинства. Не случайно К. Радек при обсуждении проекта резолюции многозначительно заметил: "Здесь устанавливается правило, которое неизвестно еще против кого может обернуться"⁸⁴. Он как в воду глядел. Решение X съезда РКП(б), предусматривавшее меру чрезвычайную, обусловленную обстоятельствами времени, сделалось абсолютным законом партии. Оно использовалось для подавления инакомыслия в партии, а Сталин на него опирался для уничтожения всех, кто в чем-либо не был с ним согласен.

Следует учесть, что решение запрещало пропаганду взглядов оппо-

зий, но не означало отречения от них, как это было истолковано в дальнейшем Сталиным в борьбе со своими оппонентами.

X съезд РКП(б) явился поворотным моментом в истории оппозиции в партии. До этого наличие оппозиции не считалось чем-то незаконным, враждебным. На VIII съезде партии Г.Е. Зиновьев говорил: "Оппозиция – вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и созывается, чтобы каждая группа нашей партии сказала свое мнение"⁸⁵. Правом на оппозицию неоднократно пользовались. Достаточно вспомнить оппозицию "левых" коммунистов, особую позицию Троцкого и Бухарина в период Бреста, "военную оппозицию" – об исключении даже речи не было. На X съезде партии Ленин поддержал деловые предложения "рабочей оппозиции", направленные на улучшение материального положения рабочих, на борьбу с бюрократизмом и развитие демократизма. Активисты "рабочей оппозиции" А.Г. Шляпников, И.И. Кутузов были избраны членами ЦК, а А.С. Киселев – кандидатом в члены ЦК РКП(б). Примечательно: платформа "рабочей оппозиции" собрала на съезде всего 18 голосов, тем не менее ее лидер А.Г. Шляпников получил 354 голоса из 479⁸⁶.

Но... у страха глаза велики. Боязнь раскола, о возможности которого предупреждал съезд, вопреки официальной точке зрения о допустимости различных мнений, дискуссий, оборачивалась против инакомыслия – оно стало рассматриваться как подрыв "единства" и даже использоваться против оппонентов по чисто практическим вопросам. Так было, в частности, в 1921 г. в связи с конфликтом между секретариатом Петроградского губкома партии, возглавляемого Н.А. Углановым, и председателем Петроградского Совета Г.Е. Зиновьевым. Конфликт возник на почве взаимных обвинений в недостатках в работе. На собрании партийного актива Петрограда большинство поддержало Угланова. Тогда Зиновьев обвинил его в "уклоне". Обвинение в "уклоне", фракционности стало той дубинкой, которой можно было бить по инакомыслящим партийцам.

Хотя с "рабочей оппозицией" было покончено, в руководстве партии оставалось немало недовольных его политикой. Открытым проявлением этого недовольства явилось "Заявление 22-х", среди которых были и участники бывшей "рабочей оппозиции". Оно было направлено в Исполком Коминтерна. Приведу выдержки из "Заявления", характеризующие методы, применявшиеся руководством против "инакомыслия" в партии. «...Наши руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры.

Стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется "анархо-синдикализмом", а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию... Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии»⁸⁷.

Через два дня после окончания XI съезда РКП, 4 апреля, "Правда"

поместила маленькое сообщение: "Избранный XI съездом РКП Центральный комитет утвердил Секретариат ЦК РКП в составе: т. Сталина (генеральный секретарь), т. Молотова и т. Куйбышева". Так среди секретарей ЦК появился "генеральный". Через месяц и двадцать два дня, 26 мая 1922 г., у Ленина произошел первый приступ, после которого он мог лишь эпизодически работать... Путь к единовластию Сталина был открыт...

Осенью 1923 г. (15 октября) в Политбюро ЦК РКП(б) поступило "Заявление 46-ти", подписанное видными партийными и государственными деятелями: Е.А. Преображенским, Л.П. Серебряковым, С.В. Бреславом, А.Г. Белобородовым, А.П. Розенгольцем, В.А. Антоновым-Овсеенко, И.Н. Смирновым, Г.Л. Пятаковым, В.В. Оболенским (Осинским), Н.И. Мураловым, Т.В. Сапроновым, Л.С. Сосновским и др. Проблематика книги не предполагает подробное освещение внутривнутрипартийных баталлий, и это позволяет мне ограничиться выдержкой из документа, поскольку она дает достаточно объективное представление о состоянии самой партии, стоящей у власти и правившей страной: «Под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искаженного такими узкими расчетами партийного руководства партия в значительной степени перестает быть тем живым самодеятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и "мирян", на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни... свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло... Режим, установившийся в партии, совершенно нетерпим; он убивает самодеятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом...»⁸⁸

С критикой "партийного режима" выступил и Л.Д. Троцкий. Не останавливаясь на развернувшейся партийной дискуссии, отмечу лишь, что она не привела к консолидации партии.

С начала 1921 г. резко усилилось наступление РКП(б), Советской власти против остававшихся еще на легальном положении остатков небольшевистских партий. Помимо постоянного принципа большевиков "кто не с нами, тот наш враг", связано это было с тем, что руководство партии боялось усиления влияния социалистических партий, когда недовольство рабочих и крестьян "военным коммунизмом" достигло критической степени и вело их к участию в восстаниях (Тамбовская губерния, Сибирь, Кронштадт) под лозунгами "Советы без коммунистов". Вина за организацию восстаний возлагалась прежде всего на эсеров и меньшевиков. Как уже было отмечено, с переходом к нэпу, когда возможности легальной критики Коммунистической партии и Советской власти расширились, Ленин еще более ожесточился против этих партий. Они трактовали нэп как отступление к капитализму,

предлагали изменить политическую систему, отказаться от "диктатуры пролетариата", расширить демократию. Их высказывания воспринимались партийным и советским руководством как угроза большевистской власти. К тому же оно и само боялось перерождения в условиях нэпа "государства диктатуры пролетариата" Все это, по его мнению, требовало не ослабления, а укрепления этой диктатуры. А понимание законности как классовой категории, подчиненной интересам "классовой борьбы пролетариата", как бы оправдывало преследования небольшевистских партий.

В статье "О продовольственном налоге" Ленин изложил свою позицию по отношению к так называемым мелкобуржуазным партиям. «Весенние события 1921 года показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить "передвижку власти" в пользу капиталистов и помещиков». И далее: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в "беспартийных" в тюрьме»⁸⁹. Характерно заявление К. Радека на X партийной конференции (май 1921 г.): партии эсеров и меньшевиков, "оформляя движение мелкобуржуазных масс", "умеют настолько ослабить советскую власть, что она свалится в оамой России", "по отношению к меньшевикам и эсерам есть одна тактика – тактика беспощадной борьбы"⁹⁰.

Не все в руководящих партийных кругах разделяли мнение, что в условиях нэпа борьбу с оппозиционными партиями следует вести только репрессивными методами. Работник агитпропа ЦК и уполномоченный, референт ВЧК И.В. Вардин (Мгеладзе) в своей докладной записке (11 апреля 1921 г.) предложил предоставить меньшевикам, эсерам, анархистам, по крайней мере левым их группам, возможность вести легальную политическую деятельность. В связи с выборами в Московский Совет, писал он, встает общий вопрос: «должны ли мы предоставить нашим политическим врагам известную "свободу выборов" Я полагаю, что на эти вопросы следует ответить **утвердительно**... По моему мнению, крайне важно, чтобы в выборах в Совет участвовали "все партии", а не "одна партия". В Советах нам **необходима** оппозиция. Когда беспартийный рабочий протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах тех партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды».

Предоставление меньшевикам и эсерам некоторых "свобод", считал И.В. Вардин, в интересах Советской власти: «"Свободные выборы", "Конституция", когда мы это проводим в жизнь, это усиливает нашу позицию, это ослабляет шансы нового Кронштадта». К тому же "оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции расколов и расхождений в рядах враждебных нам партий".

Вместе с тем Вардин полагал, что, "легализуя, возжи, понятно, мы должны держать натянутыми. Нашим врагам мы должны сказать: "Господа, в пределах наших законов вы свободны. За всякую попытку

призыва к гражданской войне, к забастовкам, к нарушению наших законов мы вас будем привлекать к трибуналу"⁹¹. 17 апреля Ленин написал на докладной Вардина резолюцию: «Молотову для Политбюро: По-моему, автор неправ. Он формалистичен. Если бы были брошюры "левее Мартова", мы бы посмотрели. А теперь предложение автора не годится. Он не вник в дело как следует»⁹².

Тем временем появлялись новые факты участия отдельных организаций меньшевиков и эсеров в различных антисоветских акциях. Впрочем, такими акциями органы РКП и ВЧК объявляли любые их критические выступления в адрес Советской власти, оправдывая тем самым проводимые репрессии. В действительности в результате предшествующих репрессий организации меньшевиков и эсеров были крайне немногочисленны и слабы. Однако наметилась тенденция к усилению их влияния среди рабочих и крестьян, что очень тревожило большевистское руководство. Не доверяя им, оно негативно относилось к попыткам лидеров меньшевиков пойти на какие-то компромиссы с Советской властью. Осталось им "незамеченным" обращение Ю. Мартова и Ф. Абрамовича (по поручению ЦК РСДРП и Бунда) с письмом к социалистическим партиям и профсоюзам всех стран с признанием Советской России и возобновлению торговли с ней⁹³. Давая показания о политике партии меньшевиков, член ее ЦК Ф.И. Дан на допросе 21 апреля 1921 г. в Петроградской ЧК заявил: "Для настоящего момента считаю необходимым, в интересах трудящихся и особенно пролетариата, сохранение советской системы, но с тем, чтобы эта система была, согласно и теории ее, и Конституции, действительным свободным самоуправлением трудящихся, а не замаскированной формой партийной диктатуры..." Что касается крестьянских восстаний, то партия меньшевиков "не только не брала на себя инициативы таких восстаний или руководства ими, но решительно высказывалась против них". В отношении же рабочих забастовок, показал он далее, партия признает право на забастовки в Советском государстве, "на практике неустанно старается удержать рабочие массы от пользования этим правом, от всякого забастовочного движения, считая, что в обстановке крайнего разрушения производительных сил, распыленности, дезорганизованности и социально-политического упадка пролетариата забастовки неизбежно будут для рабочего класса не только бесполезны, но и вредны, а также неизбежно будут использованы классовыми врагами пролетариата"⁹⁴. Партия меньшевиков придерживалась легальности и отказа от вооруженной борьбы. В конце ноября 1921 г. Бюро ЦК РСДРП приняло циркуляр для партийных организаций о задачах партии и методах борьбы, подчеркивавший, что партия легальна, к попыткам уйти в подполье ЦК относится отрицательно. "Вы должны рассматривать себя как партию, стоящую на почве советской конституции, партию легальной рабочей социалистической оппозиции, относящуюся совершенно отрицательно к методам вооруженной борьбы и вооруженным восстаниям, которые в настоящих условиях неизбежно повлекли бы к торжеству реакции"⁹⁵.

Но меньшевики продолжали критиковать непоследовательность

властей в проведении экономической политики, требовать отказа от большевистской диктатуры и расширения демократии, что воспринималось властями как опасность для их господства.

В отличие от меньшевиков правые эсеры в принципе допускали вооруженную борьбу, а многие из них принимали активное участие в организациях антисоветских восстаний. Партия считала своей задачей готовиться к свержению большевистской власти вооруженным путем. В августе 1921 г. очередной (10-й) Совет партии сформулировал эту задачу в своей резолюции: "Вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей жизненной необходимостью становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии"⁹⁶.

Партийно-государственные органы не делали различия между меньшевиками и эсерами, одинаково наносили удары по тем и другим. В упоминавшемся плане ВЧК "работы по ликвидации белогвардейских организаций" основной упор сделан на "доликвидации" партий меньшевиков и эсеров. В день представления "плана" Ленину, 4 июня 1921 г., Политбюро дало директиву ВЧК усилить борьбу против меньшевиков "ввиду активизации их контрреволюционной деятельности"⁹⁷. Совпадение чисел, возможно, случайное, но не случайное то, что содержание двух документов – в одном русле. Во второй половине 1921 г. участились случаи арестов меньшевиков и эсеров (в первые месяцы 1922 г. они стали массовыми). 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП(б) постановил: "а) предпринять вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров. б) Поручить комиссии в составе тт. Дзержинского, Каменева и Сталина определить момент опубликования"⁹⁸.

В письме в Политбюро 17 марта 1922 г. Ленин требовал "самой беспощадной борьбы" с меньшевиками и эсерами и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)⁹⁹. К этой борьбе был подключен и Исполком Коминтерна. 18 апреля 1922 г. Президиум ИККИ обсуждал вопрос "О литературной кампании против меньшевиков, эсеров и анархистов" и постановил признать "задачей первой необходимости издать целую серию брошюр и листовок с тем, чтобы этой работе отдать предпочтение перед всеми остальными"¹⁰⁰.

На 3-й сессии ВЦИК IX созыва (12–26 мая 1922 г.) обсуждался разработанный Наркоматом юстиции проект Уголовного кодекса РСФСР. 15 мая в записке Д.И. Курскому Ленин предлагал добавить к проекту УК статьи, суть которых – расширение применения расстрела как высшей меры наказания с правом замены расстрела высылкой за границу "по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)". Относилось это, в частности, "ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т.п.". Предлагалось "найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.)". Через день, 17 мая, вторая записка. В ней набросок дополнительного параграфа к

проекту уголовного кодекса. Его основная мысль: "открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее **суть и оправдание террора**, его необходимость, его пределы". Этот параграф гласил, что "карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу" – "пропаганда или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т.под. средствами"¹⁰¹.

В первые месяцы 1922 г. были произведены массовые аресты среди меньшевиков. Многие из них отправлены в отдаленные районы страны, часть видных меньшевиков получила разрешение эмигрировать, часть выслана за границу. Тезисы ЦК РКП(б) к XI съезду партии "Об укреплении и новых задачах партии" констатировали, что партии "пришлось лишить свободы" все политические группировки, враждебные Советской власти. РКП "оставила единственной легальной политической партией в стране"¹⁰². Участие оставшихся еще на свободе остатков других партий была предрешена. Откровенно об этом говорил на съезде Г.Е. Зиновьев: «Мы имеем "монополию легальности", мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами. Мы зажали рот меньшевикам и эсерам... Диктатура пролетариата, как говорит товарищ Ленин, есть очень жестокая вещь. Для того, чтобы обеспечить победу диктатуры пролетариата, нельзя обойтись без того, чтобы не переломать хребет всем противникам этой диктатуры... Никто не может указать то время, когда мы сможем пересмотреть наши взгляды в этом вопросе»¹⁰³. Это время для партии никогда не наступило. Она потерпела крах в конце 80-х – начале 90-х годов, так и не пересмотрев свои "взгляды в этом вопросе".

Между тем в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. готовился процесс над руководством правых эсеров. Верховный Трибунал ВЦИК 8 июня – 7 августа рассматривал дела 11 членов Центрального Комитета и нескольких десятков активистов партии. Им предъявлены были обвинения в преступлениях, совершенных в ходе гражданской войны: участие в вооруженной борьбе против Советской власти, изменнические сношения с иностранными государствами, организация убийств, вооруженных ограблений. Обвиняемым грозила смертная казнь. Предстоящая расправа вызвала бурю возмущения в России и Европе. Приведу лишь никогда не публиковавшееся в советской печати письмо М. Горького заместителю председателя Совнаркома А.И. Рыкову: "Если процесс социалистическо-революционеров будет закончен убийством – это будет убийство с заранее обдуманным намерением, гнусное убийство.

Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение.

Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране"¹⁰⁴.

Волне возмущения в Западной Европе Президиум ИККИ решил противопоставить сфабрикованные материалы о терроре в отношении коммунистов в буржуазных странах. 6 мая 1922 г. он постановил: "Добиться того, чтобы каждый член ИККИ дал в письменном виде подробнейший материал о своей стране, указывающий на гонения коммунистов, аресты, убийства, проявления белого террора и главную роль социалистов 2 и 2 1/2 Интернационала во всем этом"¹⁰⁵.

Трибунал ВЦИК 3 человек оправдал, 12 приговорил к расстрелу, остальных – к различным срокам заключения. Президиум ВЦИК 10 человек помиловал и отложил исполнение расстрела всех осужденных к этой мере.

8 августа 1922 г. ВЦИК утвердил приговор, но отсрочил приведение его в исполнение. "Если партия социалистов-революционеров, – говорилось в декрете ВЦИК, – фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать"¹⁰⁶. Декрет, таким образом, имел в виду держать руководителей эсеровской партии в тюрьме, но сохранить им жизнь в обмен на отказ эсеров от анти-советской деятельности. Объясняя смысл такого решения, Л.Д. Троцкий позже писал: "Перебежчики из лагеря самих эсеров раскрыли нам, что важнейшие террористические акты (имеются в виду убийство Урицкого, Володарского, ранение Ленина в 1918 г. – Е.Г.) были организованы не одиночками, как мы склонны были думать сначала, а партией, хотя она и не решалась брать на себя официальную ответственность за совершавшиеся ею убийства. Смертный приговор со стороны трибунала был неизбежен. Но приведение его в исполнение означало бы неотвратимо ответную волну террора. Ограничиться тюрьмой, хотя бы и долголетней, значило просто поощрить террористов, ибо они меньше всего верили в долголетие Советской власти. Не оставалось другого выхода, как поставить выполнение приговора в зависимость от того, будет или не будет партия продолжать террористическую борьбу. Другими словами, вождя партии превратить в заложников"¹⁰⁷.

Процесс правых эсеров – это лишь звено осуществлявшегося курса на окончательную ликвидацию всех меньшевистских партий.

XII конференция РКП(б) (4–7 августа 1922 г.) ориентировала на продолжение репрессий против меньшевистских партий. По болезни Ленин на ней отсутствовал. Доклад об антисоветских партиях и течениях делал Г.Е. Зиновьев. Принятая в духе доклада резолюция утверждала, что эти «партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контрре-

волюционных интересах и держат курс на "врастание" в Советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению»¹⁰⁸. Резолюция ставила задачу в "сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков как политические факторы"¹⁰⁹. Постановления ВЦИК и Совнаркома о регистрации обществ и союзов, согласно которым объединения, которые "по своим целям или методам деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам", не подлежали регистрации¹¹⁰, подвели юридическую базу для запрета партий и организаций.

Убедившись в бесперспективности борьбы, правые эсеры в 1923 г. приняли решение о самороспуске своей партии в Советской Республике. Оставшиеся на свободе лидеры перебрались на Запад. На этом закончилась история самой крупной в 1917 г. партии России.

Приближался конец и партии меньшевиков. Во второй половине 1922 г. остатки ее переходят на нелегальное положение. Разочарование в партию и чувство бесперспективности ее деятельности охватили не только рядовых членов, но и многих ее лидеров.

Меньшевик О.А. Ерманский вспоминал: "Когда я, после отъезда Мартова, оглядывался на окружавших меня членов ЦК, меня поражало явное понижение его общего политического и морального уровня. Тут еще уехал Абрамович, изъят был Дан: уровень членов ЦК совсем измельчал. А крен вправо рос не по дням, а по часам"¹¹¹. К концу 1922 г. 10 из 24 членов ЦК, избранных в мае 1918 г., вышли из партии¹¹². В 20-х годах в стране оставалось немного меньшевистских групп, но партия фактически перестала существовать*. Оказавшиеся за рубежом меньшевики пытались подавать признаки жизни, издавая свой орган – "Социалистический вестник".

После гражданской войны еще оставались различные течения анархизма. Отношение к ним Советской власти было довольно терпимым. Их организации действовали легально или полуполюгально, в некоторых местах имелись клубы анархистов, книжные склады, издавалась периодическая печать. Но уверенные в том, что Советская власть вышла из войны ослабленной, анархисты усилили борьбу с ней – и не только методами агитации и пропаганды, но и участием в заговорах и мятежах. В 1921 г. были арестованы активные анархисты в ряде городов. Но те группы анархистов, которые ограничивались пропагандой своих идей, не преследовались, однако притока новых сил не было, и на территории РСФСР они вскоре прекратили существование.

По-своему завершилась эволюция левых эсеров – партии, которая вместе с большевиками совершала Октябрьскую революцию, одно

---

* В начале марта 1931 г. состоялся судебный процесс так называемого Союзного бюро социал-демократов меньшевиков. На срок от 5 до 10 лет тюрьмы были осуждены 14 человек. Ставшие уже стандартными обвинения: вредительство, подготовка империалистической интервенции, связь с "контрреволюционной кулацко-эсеровской" партией Кондратьева-Чаянова и Промпартией.

время в блоке с ними участвовала в Советском правительстве, а затем подняла против него вооруженное восстание. До середины 1920 г. лево-эсеровские организации лишь кое-где напоминали о себе. Летом 1920 г. среди левых эсеров взяли верх лидеры во главе с И.З. Штейнбергом, высказавшиеся за прекращение борьбы с Советской властью. Они обратились в ЦК РКП(б) с просьбой разрешить им легальное существование. В октябре эта просьба была удовлетворена¹¹³. Но лево-эсеровские группы были малочисленны, их деятельность была мало заметна. Не помогло им и объединение с некоторыми родственными группами (с максималистами и др.), также малочисленными и тоже подававшими слабые признаки жизни. Объединенные организации продолжали таять, многие левые эсеры вступали в Коммунистическую партию. В августе 1923 г. Центральное бюро объединенных организаций левых эсеров и максималистов вынуждено было признать полный развал как своих, так и всех социалистических организаций и продолжавшийся переход их членов в РКП(б). В письме "К психологии переходящих" оно выражало недоумение по поводу причин перехода: "Для многих, даже не социалистов, даже не революционеров, вопрос о продолжающемся переходе членов разных партий в РКП(б) так и остается вопросом нерешенным, неясным, необъяснимым... Слишком сложны мотивы, побуждающие человека отказаться от того, во что верил полтора-два десятка лет"¹¹⁴.

Так сходили с политической арены небольшеви́стские партии, так в Советской России к середине 20-х годов осталась одна "стоявшая у власти" партия – Коммунистическая. "Мы все побеждены Советской властью, – констатировал один из наиболее непримиримых ее врагов, Б. Савинков. – Побеждены и белые, и зеленые, и беспартийные, и эсеры, и кадеты, и меньшевики. Побеждены в Москве, и в Белоруссии, и на Кавказе, и на Украине, и в Сибири. Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и открытых восстаниях... Прошло семь лет. Мы распылены. Мы – живые трупы. А Советская власть крепнет с часу на час"¹¹⁵.

В констатации Б. Савинкова – признание того, что не только репрессии привели к гибели небольшеви́стских партий. Такой результат репрессий стал возможен вследствие потери связей этих партий с массой, изоляции от них. Колебания, смена тактических установок, попытки играть роль "третьей", промежуточной силы в обстановке ожесточенной классовой борьбы не спасали положения.

"...В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме"¹¹⁶. Так в 1927 г. М.П. Томский сформулировал позицию Коммунистической партии по вопросу "диктатура пролетариата" и политические партии. Это как бы обобщение послеоктябрьской практики и своеобразный "теоретический" вывод из нее.

Ликвидация всех без исключения небольшеви́стских партий означала ликвидацию последних остатков возможности общественного контроля над властью.

ПРОФСОЮЗЫ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

На Восьмом съезде Советов в декабре 1920 г. Ленину был задан вопрос: "Как вы смотрите на профсоюзы в данный момент в связи с концессиями?" Последовал ответ: "На профсоюз, когда концессии будут заключены, естественно падут особо ответственные задачи проверки, контроля и связи с теми нашими рабочими, которые на этих концессиях будут работать. Как практически эта задача развернется, в настоящий момент не знаю. Этот вопрос ставить сейчас в порядок дня не рационально, так как перед профсоюзами лежат задачи более важные"¹¹⁷. Вопрос оказался для Ленина неожиданным, этим можно объяснить неопределенность его ответа. Концессия – это элемент, выходящий за пределы "военного коммунизма", элемент будущего нэп. Было ясно, что концессии с государственными управленческими функциями профсоюзов несовместимы. Но в то же время отказа от прежней позиции в отношении профсоюзов еще не было. В ответе Ленина заметна попытка совмещения государственных функций профсоюзов ("проверка", "контроль") с защитными функциями.

X съезд РКП(б) принял развернутую резолюцию "О роли и задачах профсоюзов". В ней в хронологическом порядке говорится о решениях, принятых по вопросу о профсоюзах Первым Всероссийским съездом профсоюзов, VIII съездом РКП(б) (в программе партии), IX съездом РКП(б), Вторым и Третьим всероссийскими съездами профсоюзов, суть их – профессиональные союзы должны стать органами власти, должны в конечном итоге сосредоточить в своих руках управление народным хозяйством. Резолюция подчеркивала правильность задач, определенных во всех этих решениях. Считая, что государственные функции профсоюзов будут постепенно увеличиваться, съезд вместе с тем предостерегал от искусственного ускорения темпа огосударствления, "нисколько не улучшая хозяйственного положения республики". Особый упор в резолюции сделан на роль профсоюзов как "школы коммунизма" Они "должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся масс... всегда освещая им путь идеями нашей программы, ведя их от частных к общему, постепенно поднимая их от беспартийности к коммунизму"¹¹⁸. Подчеркивалась необходимость в профсоюзах "нормальных методов пролетарской демократии".

В целом съезд, оставаясь на старых позициях "огосударствления", поворачивал внимание профсоюзов к задачам восстановления народного хозяйства, но еще не связывал все это с сущностью нэп. Это понятно, ибо идея нэп находилась в зародышевом состоянии. У РКП не было концепции нэп, поэтому не могло еще появиться понимание необходимости изменения задач профсоюзов в условиях новой экономической политики.

Неудивительно, что противники огосударствления профсоюзов, полного их подчинения государству (Коммунистической партии) продолжали требовать независимости этих организаций. Прежде всего это относилось к меньшевикам. Но и правые эсеры, искавшие социальную опору и среди рабочих, этому вопросу стали уделять больше внимания.

Инструкция ЦК ПСР, данная 11 марта 1921 г. партийным организациям "О лозунгах текущей работы", содержала такой пункт: "Свобода и независимость от государства профессиональных союзов; свободные перевыборы всех правлений профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов; свобода стачек и других форм борьбы против коммунистической и всякой иной эксплуатации рабочего класса; решительная ликвидация всех видов милитаризации труда"¹¹⁹.

Понимание того, что новая экономическая политика требует от профсоюзов изменения методов деятельности, других взаимоотношений с хозяйственными организациями, прекращения непосредственного вмешательства в ход производства, пришло не сразу. По мере появления частного сектора в промышленности возникали противоречия, конфликты между рабочими и предпринимателями. Конфликты происходили и на государственных предприятиях, переходивших на хозяйственный расчет, что затрагивало материальные интересы рабочих. Недовольство рабочих вызывала и нехватка продовольствия. Особенно сильным оно было на транспорте. В июльской сводке (1921 г.) транспортно-градского отдела ВЧК о положении на транспорте сообщалось: Петроградский округ: "в настроении рабочих остаются прежде всего недовольство и возбуждение, выливающиеся в мелкие вспышки"; Юго-Восточная железная дорога: "брожение происходило по всей дороге, причем производительность пала до минимума. В мастерских невыход на работы достиг 50%"; Сызрано-Вяземская железная дорога: в июне "волнения пронесли по всей дороге". Западная железная дорога: "отношение к РКП враждебное, можно ожидать в дальнейшем осложнений"; Южные железные дороги: "в ряде мест рабочие приостанавливают работу"; Владикавказская железная дорога: "возбужденные рабочие грозят бросить работы"¹²⁰.

В связи с забастовками на транспорте фракция коммунистов Цектрана и транспортный отдел ВЧК направили секретный циркуляр комфракциям профсоюзов и руководству всех подразделений железнодорожного, водного и речного транспорта о проводимых НКПС совместно с Цектраном мерах по освобождению от "нежелательных" рабочих: сокращение штатов, "облегчение" переводов по службе. "Необходимо, – говорилось в циркуляре, – принять активное участие в проведении этих мер и воспользоваться ими для изъятия всех элементов, являющихся или могущих по своему социальному положению (крестьяне, бывшие лавочники и т.д.) явиться элементом разложения"¹²¹.

Приведенный документ показывает, что на транспорте и в 1921 г. партийные организации (комфракции), государственные органы (НКПС) и руководящий профсоюзный орган (Цектран) мыслили по-прежнему: недовольство рабочих пресекать совместно и репрессивными методами. Так было и в других отраслях.

Однако в партии и профсоюзах все громче раздавались голоса о необходимости освобождения массовых организаций рабочих от полного подчинения РКП. На этой почве в мае 1921 г. произошел конфликт между ЦК РКП(б) и некоторыми его членами – деятелями профсоюзов.

Коммунистическая фракция Четвертого съезда профсоюзов по предложению члена ЦК Д.Б. Рязанова приняла резолюцию с пожеланием большей независимости профсоюзов от мелочной партийной опеки. Вмешался ЦК, и резолюция была изменена. Рязанову было запрещено заниматься профсоюзной деятельностью, а М.П. Томский был смещен с поста председателя ВЦСПС за недостаточно решительное выступление против предложения Д.Б. Рязанова. ЦК РКП(б) продолжал оставаться на прежней позиции. Наказ Совнаркома от 9 августа 1921 г. "О проведении в жизнь начал новой экономической политики" даже предлагал более решительно привлекать профсоюзы "к разрешению вопросов организации управления производством, организации труда и т.д." Правда, при обсуждении этого наказа в ЦК Л.Д. Троцкий высказал мнение, что в связи с переходом к новой экономической политике следует ставить вопрос не об огосударствлении, а о разгосударствлении профсоюзов. Но это было отвергнуто¹²².

Между тем знаменем времени стала перестройка промышленных предприятий на основе хозрасчета. Постепенно восстанавливались системы денежной заработной платы, трудовых соглашений между рабочими и предпринимателями. В этих условиях профсоюзы стали заниматься вопросами по заключению коллективных трудовых соглашений с государственными и частными предприятиями от имени рабочих.

Одиннадцатая Всероссийская конференция РКП(б), проходившая 19–22 декабря 1921 г., специальной резолюции о профсоюзах не принимала. О них говорилось в резолюции "Очередные задачи партии в связи с восстановлением хозяйства". Отмечалось, что работа профсоюзов должна целиком совпадать с новым курсом экономической политики по восстановлению и укреплению крупной промышленности "как в направлении их широкой воспитательной массовой работы, так и в отношении участия профсоюзов в организации производства и труда на основе принципа хозяйственной целесообразности и расчета". Далее перечислялись конкретные вопросы хозяйственной жизни, в решении которых профсоюзам надлежало участвовать. В этой части резолюции трудно усмотреть изменение позиции партии. Однако есть в ней новый момент: подчеркнута необходимость энергичной защиты профсоюзами интересов труда в частных и арендованных предприятиях¹²³.

28 декабря 1921 г. пленум ЦК РКП(б) рассматривал вопрос о роли и задачах профсоюзов в связи с новой экономической политикой. Были заслушаны доклады Я.Э. Рудзутака, А.А. Андреева и А.Г. Шляпникова. После обмена мнений было поручено комиссии в составе Рудзутака, Андреева и Ленина выработать проект тезисов для внесения в Политбюро. Проект тезисов "О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики" в начале января 1922 г. был составлен Лениным. Один из его тезисов гласил: при государственном капитализме "противоположность классовых интересов труда и капитала остается безусловно. Поэтому одной из самых главных задач профсоюзов является отныне всесторонняя и всемерная защита классовых интересов пролетариата в борьбе его с капиталом. Эта задача должна быть поставлена открыто на одно из первых мест, аппарат профсоюзов

должен быть соответственно перестроен", должны быть образованы стачечные фонды. В связи с переходом государственных предприятий на хозрасчет и возникновением "известной противоположности" интересов между рабочими и администрацией защита классовых интересов пролетариата ложится на профсоюзы и в отношении работающих на государственных предприятиях. Стаечная борьба – законное средство рабочих по защите своих интересов и может быть оправдана "исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства". Ставилась задача отмены принудительного поголовного членства всех работающих в профсоюзах. От вступающих в профсоюзы не следует требовать определенных политических взглядов – профсоюзы должны быть беспартийными. Вся полнота власти на предприятиях должна быть у заводоуправлений, всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями недопустимо. Профсоюзы – "школа коммунизма" и как таковые участвуют в хозяйственных и государственных органах, связанных с экономикой, с совещательным голосом "через выдвинутых ими и утвержденных компартией и Соввластью" членов соответствующих управлений. Одно из противоречий положения профсоюзов при диктатуре пролетариата: "с одной стороны, их главный метод действия – убеждение, воспитание; с другой – они не могут отказаться как участники госвласти и от участия в принуждении". Это и другие противоречия, рассматриваемые в проекте тезисов, будут порождать конфликты, трения и т.п. Чтобы их немедленно разрешать, нужна авторитетная высшая инстанция. Она названа: "Такой инстанций является компартия и международное объединение компартий всех стран, Коминтерн"¹²⁴.

Тезисы Ленина – свидетельство значительного сдвига в понимании роли профсоюзов в условиях нэпа, в то же время они показывают, что полного отказа от прежних представлений (профсоюзы – участники государственной власти, верховенство компартии) не было.

Проект тезисов Ленина, в основном одобренных Политбюро, 17 января 1922 г. был опубликован в "Правде" как постановление ЦК РКП(б) к XI съезду партии. "Команда" была дана, и 19 февраля пленум ВЦСПС принял решение о новых задачах профсоюзов в духе тезисов. В частности, в нем говорилось о переходе к индивидуальному и добровольному членству, о сокращении штатов союзных аппаратов, об отказе от государственных субсидий и о существовании за счет собственного бюджета, основанного из членских взносов¹²⁵. "Новому курсу" соответствовали выступления руководителей профсоюзов с разъяснениями задач этих организаций. Так, М.П. Томский сразу же опубликовал статью, в которой писал, что "важнейшая функция" профсоюзов, ранее отодвинутая на задний план, – "защита экономических интересов рабочих не только в отношении частного предпринимателя, но и в отношении администрации государственных предприятий" Новые задачи требуют больше чуткости к профсоюзным массам, больше знания повседневных условий их жизни и труда. Нужно перейти к новой союзной финансовой политике – от существования за счет государства к существованию за счет членских взносов, надо создавать

особые фонды: стачечные, взаимопомощи, культурно-просветительные. Дискуссии, которые велись по вопросу: допустимы ли стачки на государственных предприятиях, Томский называет талмудистскими, они и раньше проводились без разрешения, тем более не вызывает сомнения их допустимость теперь¹²⁶.

Повторяя все эти положения на XI съезде РКП(б), М.П. Томский обосновал также необходимость отказа профсоюзов от участия в управлении государственными предприятиями. Предоставление всем предприятиям – частным, смешанным, государственным – права маневрирования на вольном рынке безубыточно, говорил он, не допускает прежнего дуализма, когда управляли и хозяйственные органы и профсоюзы. Двойственность управления, двойная ответственность выродились в безответственность. Главной задачей профсоюзов должна быть защита интересов работающих, причем не только на частных, но и на государственных предприятиях. Стачки нужно разрешить не только на частных предприятиях, но и на государственных. Возражая против двойственного подхода к забастовкам, М.П. Томский подчеркивал, что принцип должен быть один, и суть его в признании стачек в качестве метода борьбы за улучшение экономического положения рабочих. Однако профсоюзы должны пытаться не допустить развития конфликтов до забастовок, разрешать их "мирным путем, т.е. посредством примирительных камер, третейского суда или еще чего-нибудь" Объяснял он это исходя из ставшей уже стереотипом идеологемы: наша промышленность в отличие от промышленности буржуазных стран "рабоче-крестьянская", "у власти стоит рабочий класс, он руководит этой промышленностью"¹²⁷.

Что касается вопроса о взаимоотношениях партии и профсоюзов – М.П. Томский его только коснулся, А.А. Андреев по нему сделал содоклад, – то речь на съезде шла о необходимости укрепления всех руководящих звеньев профсоюзов коммунистами с дореволюционным стажем, который "дал бы возможность партии быть гарантированной от всяческих неверных уклонов на ответственной профессиональной работе"¹²⁸. Практически это означало не ослабление "руководящей роли" партии, а ее усиление. Имелось в виду создать для партии "из профсоюзов твердые органы", которые в большей степени укрепили бы связь партии с широкими беспартийными массами.

XI съезд РКП(б) принял постановление о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики, в основе которого были тезисы ЦК (тезисы Ленина). Главной задачей профсоюзов отныне должна была стать "защита интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова", а главный метод действия – убеждение, воспитание. Вместе с тем оставалось старое представление о профсоюзах "как участников госвласти" и их участия в принуждении. Исключалось прямое вмешательство профсоюзов в управление производством. Устанавливались области профсоюзной компетенции: тарификация, коллективные договоры, охрана труда. Допускалась забастовочная борьба рабочих, профсоюзы же должны были содействовать наиболее быстрому и безболезненному улаживанию конфликтов. Под-

тверждалась необходимость перехода от коллективного к добровольному индивидуальному членству. Съезд также принял постановление об укреплении руководящих органов профсоюзов опытными коммунистическими работниками¹²⁹.

На Пятом Всероссийском съезде профсоюзов (сентябрь 1922 г.) "реабилитированный" М.П. Томский сделал доклад "Итоги новой союзной политики и очередные задачи профсоюзного движения". Он же возглавил ВЦСПС, избранный на съезде. Доклад был в духе последних партийных решений по вопросу о профсоюзах. Подчеркивались негативные последствия забастовок. В резолюции отмечалось, что обязанность профсоюзов – принять меры для скорейшей ликвидации забастовок, начинающихся "стихийно или против воли союзных органов"¹³⁰.

Пятый съезд профсоюзов прошел в целом в обстановке "единодушия". "Новый их курс" не вызвал возражений и бывших оппонентов-оппозиционеров. "Единодушие" определилось и составом съезда: из 775 делегатов с решающим голосом присутствовало коммунистов 727, 46 беспартийных и 2 социал-демократа¹³¹. Диссонансом прозвучало лишь выступление в прениях левого эсера-интернационалиста Рябинина (делегат с совещательным голосом), заявившего, в частности, что "правая Российская Коммунистическая партия разгромила революционно-социалистические партии и рабоче-крестьянскую общественность"; РКП стала "на реформистский путь" и подошла "к меньшевистской независимости профсоюзов", что прозвучало осуждением того и другого¹³².

Осенью 1922 г. ВЦИК принял новый Кодекс законов о труде. Кодекс 1918 г. уже не соответствовал условиям нэпа. За профсоюзами сохранялись функции охраны труда и защиты интересов трудящихся. На фабричные комитеты возложена обязанность "участия через посредничество соответствующих профсоюзов в регулировании и организации народного хозяйства"¹³³.

Но все эти решения партийных и профсоюзных форумов не означали единства в руководстве по вопросу о функциях и задачах профсоюзов. На Московской губернской партийной конференции 22 ноября 1922 г. А.И. Рыков утверждал, что вопрос о профсоюзах еще не окончательно решен ЦК партии. "...В этом вопросе я стою за то, чтобы производственные союзы руководили производством, стою за передачу им власти. В этом отношении я стою на крайне левом фланге нашего ЦК". Профессиональные союзы "должны быть приспособлены к этой специфической задаче"¹³⁴ (т.е. "власти", управлению производством).

"Новый курс" в отношении профсоюзов несколько оживил доверие к ним рабочих. В условиях развития частнокапиталистических отношений возникли надежды, что именно профсоюзы будут защищать экономические интересы рабочих. Эти надежды отражались во многих резолюциях. Так, резолюция металлистов Коломенского завода гласила: "Мы, мастеровые, рабочие, работницы и служащие, постановили: с появлением нового возрождающегося капитала мы твердо и неуклонно заявляем, что профсоюз как таковой есть наша родная, рабочая

организация, без которой при новой экономполитике обойтись не представляется возможным. Профсоюз – это единственный защитник рабочих, и посему мы все, как один человек, добровольно вступаем в члены профсоюза металлистов". Из резолюции саратовских печатников: "Профсоюзы исторически являются органом защиты рабочего класса. Считаем необходимым каждому рабочему быть членом союза, ибо без профсоюзов немыслимо существование рабочих, и потому считаем себя всех членами союза"¹³⁵.

С переходом на добровольное индивидуальное членство численность профсоюзов сокращалась, но в меньших размерах, чем можно было ожидать. В основном оно шло за счет "чисток", исключения кустарей как "собственников орудий и средств производства". К январю 1923 г. численность профсоюзов сократилась почти в два раза – с 8 млн в 1921 г. до 4,5 млн¹³⁶. Основная масса рабочих осталась в профсоюзах.

Итак, партийные решения – это шаг вперед в осознании необходимости отказа от огосударствления профсоюзов, признания за ними права на существование в качестве массовых независимых организаций трудящихся. На практике, однако, отказа от командования профсоюзами не произошло. Руководство РКП(б) продолжало считать их рычагами партии. И в дальнейшем Политбюро, ЦК партии своими решениями предваряли решения Совнаркома, ВЦСПС, относившиеся к деятельности профессиональных союзов. В соответствии с постановлением Совнаркома от 9 января 1922 г. денежные и другие материальные дела ВЦСПС и отраслевых союзов подлежали ревизиям РКП¹³⁷. Правительство продолжало финансировать ВЦСПС, правда, секретными своими постановлениями не в сметном порядке, а за счет своих резервных фондов¹³⁸. Полной свободы от опеки РКП(б) и государства профсоюзы не получили.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ КООПЕРАЦИИ К РЫНКУ КОМАНДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Переход к нэпу положил начало новому этапу в истории кооперации. С развитием рыночных отношений усиливалась мелкобуржуазная стихия, особенно в области распределения. Промышленность на $\frac{9}{10}$ оставалась государственной, частный капитал устремился в торговлю, сферу потребления. Государство не могло своими силами наладить снабженческо-распределительный аппарат. Огосударствленная же кооперация, выполнявшая его задачи в военное время, в системе "военного коммунизма", для рыночной экономики была непригодна. Однако к пониманию этого власти пришли не сразу. На X съезде РКП(б) Ленин констатировал плачевное состояние кооперации, она находится "в состоянии чрезмерного задушения". Причина этого – военная необходимость, а также ошибки, допущенные по отношению к кооперации¹³⁹. Становилось все очевидней, что кооперацию надо освободить от пут. Но как? X съезд ответа на этот вопрос не дал. Его резолюция о кооперации была краткой: необходимо выработать постанов-

ление о кооперации применительно к замене продрозверстки продналогом¹⁴⁰.

Вскоре после съезда, 7 апреля 1921 г., Совнарком принял декрет о потребительской кооперации¹⁴¹. Он подтверждал обязанность ее проводить свои операции под руководством и контролем государства (Наркомпрода). Но появилось и новое: потребкооперация самостоятельна в заготовительной деятельности и удовлетворении потребностей своих членов путем продажи им предметов заготовки. Вместе с тем подтверждалась обязательность для всех граждан участия в потребительской кооперации, но ей уже предоставлялось право взимать с них вступительные взносы. Все граждане, кроме лишенных избирательных прав, имели право избирать и быть избранными во все органы управления потребительских обществ. Президиум ВЦИК мог вводить в состав правлений своих представителей. Вместе с тем признавалась самостоятельность кооперации в своих хозяйственных операциях, действующей на свой страх и риск и выполняющей работы по обслуживанию как организованных потребителей, так и по заданиям государства, но на началах хозяйственного расчета.

Таким образом, декрет 7 апреля 1921 г. – это только первый шаг в повороте кооперации навстречу нэпу. Он еще не был свободен от идеологических и организационных основ периода "военного коммунизма". Кооперация не была полностью освобождена от вмешательства государства в свою внутреннюю жизнь. Декретировалась выборность органов управления кооперацией, вместе с тем государственные органы имели право назначать своих представителей в них.

В статье "О продовольственном налоге" Ленин пытался определить социальную сущность и положение кооперации в связи с поворотом к нэпу. Рассматривая госкапитализм как средство борьбы с мелкобуржуазной стихией, он отнес к госкапитализму кооперацию (наряду с концессиями, "капиталистом-торговцем", арендой). Кооперация мелких товаропроизводителей, считал Ленин, содействует развитию капиталистических отношений, но, облегчая объединение миллионов ("затем всего населения поголовно"), кооперативный капитализм "есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода от государственного капитализма к социализму"¹⁴². Собственно говоря, Ленин здесь повторяет высказанное им весной 1918 г. определение кооперации как госкапиталистической организации. Отныне у Ленина уже не встретить формулы "социализм – единый кооператив трудящихся", но повторяется мысль о необходимости кооперирования всего населения. Отмечается важная роль кооперации в регулировании частной торговли.

Между тем кооператоры, чутко уловив наступление нового, стали открыто выражать недовольство положением кооперации. Их не удовлетворял декрет от 7 апреля. Даже руководство потребительской кооперации, находившееся под диктатом коммунистов, имевших боль-

шинство в Центросоюзе*, считало, что декрет не учитывает новых обстоятельств. В апреле 1921 г. третья сессия Совета Центросоюза прошла под лозунгом "Долой унию с Наркомпродом, отжившую свой век!" В условиях стихийного развертывания "вольного" рынка кооператорам нужно было быстро перестроиться на коммерческих началах. Отмена карточной системы и прежнего порядка государственного распределения потребовала перестройки и кооперативных форм снабжения населения.

Все это вскоре стало учитываться законодательством. В апреле-мае 1921 г. Совнарком принял два декрета. Первый отменил некоторые ограничения свободы действий и полномочий кооперативов¹⁴³. Во втором говорилось о намерении правительства принять меры к развитию кустарной и мелкой промышленности в форме частных и кооперативных организаций¹⁴⁴. Летом были изданы декреты, стимулировавшие развитие промысловых кооперативов; они получали права юридических лиц, могли в известных пределах использовать наемный труд, при сдаче в аренду национализированных предприятий предпочтение отдавалось кооперативам¹⁴⁵. Декрет Совнаркома от 9 августа 1921 г. "Наказ Совета Народных Комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики" разрешил организацию кредитной кооперации. 16 августа 1921 г. декрет ВЦИК и Совнаркома "О сельскохозяйственной кооперации" – она осуществляет свои хозяйственные операции за свой счет и на свой страх и риск, она не подлежит предварительному контролю РКИ. По декрету Совнаркома от 26 октября 1921 г. потребительским кооперативам возвращено все имущество, ранее у них отнятое: дома, складские помещения, предприятия, сохранившееся сырье. Советские промышленные органы обязывались предлагать свои товары в первую очередь Центросоюзу или соответствующим местным кооперативам, и только в случае их отказа можно было направлять товары на свободный рынок¹⁴⁶.

«Да, мы сейчас строим кооперацию, – говорилось в статье "Текущий момент и кооперация", опубликованной в "Правде" 20 ноября 1921 г. – Мы много заимствуем здесь из старой кооперативной теории и практики. Кое-чему нам приходится спешно подучиваться. Мы не прочь воспользоваться дельными советами опытных кооператоров, дать им работу в строящейся кооперации. Это мы делаем потому, что того требует данная житейская обстановка Советской Республики».

XI Всероссийская конференция РКП(б) предлагала оказывать широкую поддержку всем видам кооперации, предоставив ей благоприятные возможности в деле заготовок и развития местной промышленности, а также обеспечить кооперации свободное распоряжение своими продуктами¹⁴⁷.

* Различные социалистические партии еще занимали крепкие позиции в сельскохозяйственной и промысловой кооперации. Так, на Всероссийском съезде сельскохозяйственной кооперации в августе 1921 г. из 84 делегатов с решающим голосом были 32 правых эсера, 3 народных социалиста, 1 левый эсер и только 2 коммуниста (*Гусев К.В.* От мелкобуржуазного революционализма к контрреволюции. М., 1975. С. 350).

Кооперация начала оживать. Приступив к организации товарооборота, она изучала рынок, рыночные цены, создавала товарообменные фонды, собственное производство, стала обеспечивать себя товарами и денежными средствами. В декабре 1921 г. вышел сборник "Кооперация о самой себе" с итогами анкетного обследования кооперативных организаций. Автор вступительной статьи сборника Д. Илимский-Кутузов писал: "После трех лет бездеятельности и выполнения только технических ролей потребительская кооперация, в сущности говоря, заново рождается к новой жизни, проходя в течение месяцев ускоренным шагом все этапы развития, какие в других условиях она проходила бы в течение ряда лет"¹⁴⁸.

Однако все еще сохранялся стереотип: кооперация подчинена рабочему государству, не получили решения вопросы добровольности членства в кооперации и паевых взносов – в декрете от 7 апреля о них сказано глухо. Резолюция Совета Центросоюза, принятая 20 ноября 1921 г., отмечала нерешенные задачи:

- еще не удалось овладеть рынком "в целях борьбы с анархическими стремлениями в товарообороте";

- низовые звенья потребительской кооперации еще не вполне приспособились к новым условиям работы;

- в ряде мест существует антагонизм кооперации с рабочими организациями;

- в хозяйственной области нет еще полной ясности во взаимоотношениях кооперации и государственных органов;

- все еще недостаточно прочна связь центра с местами¹⁴⁹.

Плохо обстояло дело с кадрами. Опытные руководители по политическим мотивам все еще вытеснялись из правлений, вместо них вводились коммунисты, в большинстве малознакомые с кооперативной хозяйственной деятельностью. Прокоммунистическое правление Центросоюза во главе с Л.М. Хинчуком уже само проявляло инициативу в стремлении на всех руководящих постах расставить коммунистов. Так, в мае 1921 г. оно обратилось в ЦК РКП(б) с просьбой откомандировать в его распоряжение коммунистов-хозяйственников и организаторов, а в июне представило в Оргбюро ЦК список на 128 человек со сведениями о их квалификации и предполагаемой работе¹⁵⁰. По данным на осень 1921 г., коммунисты уже составляли большинство и в губернских правлениях союзов кооперации РСФСР и Украины (59%)¹⁵¹. Но расчеты на коммунистов себя не оправдали. Принадлежность к РКП не заменяла нужные знания и опыт в деле руководства кооперацией в рыночных условиях. Нуждаясь в опытных кадрах, правление Центросоюза в январе 1922 г. обратилось к старому правлению, находившемуся в Берлине, с предложением участвовать в работе Центросоюза. "Буржуазные" кооператоры предложение не приняли, сделав заявление: потребительская кооперация все еще не имеет существенных признаков и свойств свободной, независимой организации, хотя она формально раскрепощена, все же вся ее система в организационном отношении построена на принудительных началах; выборы должностных лиц проводятся под гнетом правительственной партии

коммунистов; управление ведется не на основе демократического принципа снизу вверх волей большинства, а сверху вниз волей правящего меньшинства; аппарат кооперации в значительной мере вынужден работать по заданиям государственных органов¹⁵².

Между тем в 1922 г. страна глубже вошла в нэповскую реформу. Большой урожай улучшил положение деревни, промышленность перешла на хозрасчет, и перед ней встала новая задача – найти сбыт своей продукции, сбыт через рынок. Значение кооперации в этом деле возросло, причем в ее деятельности товарообмен уступил место товарообороту. Жизнь вынуждала партийно-государственное руководство отказаться от некоторых идеологических стереотипов и в вопросе о кооперации.

18 марта 1922 г. Ленин подготовил для членов Политбюро записку с предложениями по важному социально-экономическому принципу кооперации: "приток средств добровольный"; "паевые взносы добровольны. Кто сделал взнос, получит долю дохода"; торговля должна давать кооперации доход. Это новый взгляд на кооперацию как формы хозяйствования. Вместе с тем Ленин оставался на старой позиции, считая, что членство в кооперации обязательно, "члены кооперации – все"¹⁵³. Он все еще придерживался идеи о всеобщем охвате населения кооперацией, связанной с представлением о социализме как едином кооперативе. Эта идея стала основой постановления Политбюро ЦК РКП(б) от 12 мая 1922 г. "Об обязательности членства, добровольности взносов и об единстве потребкооперации"¹⁵⁴.

С расширением нэповских начал кооперация развивалась противоречно: активизация ее хозяйственной деятельности сопровождалась сокращением количества кооперативных обществ: с 25 220 на 1 января 1922 г. до 22 494 на 1 января 1923 г. и до 17 155 на 1 ноября 1923 г.¹⁵⁵ Связано это было с высокими налогами на кооперацию, неустойчивостью бумажного рубля, тяжелыми условиями кредита кооперации, слабой покупательной способностью населения.

"У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию", – этими словами Ленин начал свою статью "О кооперации" (6 января 1923 г.). Оно не соответствует тому исключительному значению, которое кооперация приобретает для построения социализма. Когда крупные средства производства в руках государства, а государственная власть в руках пролетариата, писал он, простой рост кооперации тождествен с ростом социализма, кооперативные предприятия превращаются в социалистические предприятия. Нужно поддерживать и поощрять кооперацию, в которой "действительно участвуют действительные массы населения". По Ленину, "строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма". Исходя из новой роли кооперации, простой рост которой "тождествен с ростом социализма", Ленин приходит к выводу: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу,

революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную "культурную" работу»¹⁵⁶. Ленин уже не говорит о кооперации как госкапиталистической форме хозяйствования, поскольку он относит ее к "строю социализма".

Мысль о "поголовном" участии населения в кооперации остается и в этой статье, но "для этого требуется целая историческая эпоха", нужны поголовная грамотность, более высокая культура, материальная основа. Это исключало прежнее требование чуть ли немедленного объединения всего населения в кооперации. А постановление Совнаркома СССР от 28 декабря 1923 г. "О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства" отменяло обязательную приписку граждан к единым потребительским обществам. Вводилась добровольность вступления и выхода из кооперативов¹⁵⁷. Вступительные паевые взносы стали обязательными.

С переходом на добровольность членства потребительская кооперация избавилась от множества "мертвых душ". В то же время заметился значительный рост количества пайщиков – с 4 936 255 на 1 января 1923 г. до 6 907 476 на 1 апреля 1924 г.¹⁵⁸

Однако идеологические и политические рогадки полностью не были сняты. Предъявлялись требования не допускать в кооперативы "нетрудовой элемент, не имеющий права по Конституции выбирать и быть избранным в Советы". Кооперативным органам навязывалась бюрократическая задача составления планов, рассчитанных на несколько лет, исходя из необходимости "поголовного" кооперирования населения проводить периодические кампании по вовлечению населения в кооперацию. В противоречии с уже принятыми юридическими актами руководство страны продолжало смотреть на кооперацию как на звено "в системе государственных учреждений"¹⁵⁹. И в отношении кооперации государственная политика исходила от ЦК РКП(б). Соответствующие вопросы с предложениями для ЦК разрабатывались в созданной решением Оргбюро в ноябре 1921 г. "комиссии по партийной работе в кооперации"¹⁶⁰.

Итак, непоследовательность, противоречивость партийно-государственной политики характерны и в отношении кооперации. И в этой области партийная идеология и "военно-коммунистическая" практика не были полностью преодолены, что также являлось тормозом в проведении нэпа в целом.

К "СОЮЗУ НЕРУШИМОМУ"

В период становления советской политической системы большевики приступили, как они полагали, к решению национального вопроса, являвшегося "миной замедленного действия" в Российской империи и перешедшего в "наследство" Советской власти. Ее законодательные акты, провозглашавшие ликвидацию какого-либо политического неравенства народов, представлявшие им право на национальное самоопре-

деление, были весомой частью демократического потенциала Октябрьской революции. Они способствовали тому, что значительные массы нерусских национальностей поддержали революцию, но, конечно, не как социалистическую, а общедемократическую, несущую им избавление от национального неравноправия и угнетения и возможность получить национальную самостоятельность. Создание специального центрального советского органа по оказанию народам помощи в решении национальных проблем – Народного комиссариата по делам национальностей, – казалось бы, шло навстречу интересам народов. Но в деятельность наркомата с самого начала были внесены идеологические мотивы, вытекавшие из классового подхода большевиков к содержанию "национального самоопределения". К тому времени В.И. Ленин уже отошел от сформулированной в первой программе партии сути самоопределения как самоуправления пролетариата. Однако большинство партийного руководства и сам нарком национальностей оставались на старой позиции, имея в виду самоопределение не нации в целом, а только трудящихся данной нации.

На Третьем Всероссийском съезде Советов Россия была объявлена федеративным государством. Но в понимании федерации ясности не было. Связано это было, в частности, с тем, что до Октябрьского переворота большевики вообще отрицали принцип федерализма, считая, что будущее государство должно быть унитарным. По сути дела, на этой позиции многие руководители остались и при Советской власти, что видно из заявления Сталина в апреле 1918 г.: федерализм в России – переходная ступень "к будущему социалистическому унитаризму"¹⁶¹.

Одобренная Третьим съездом Советов Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа предоставляла право решать вопрос об участии в "федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях... рабочим и крестьянам каждой нации" на своих советских съездах. Другими словами, подтверждался классовый подход к вопросу о самоопределении. Это подчеркивало и постановление съезда об одобрении национальной политики Советского правительства: принцип самоопределения народов понимается "в духе самоопределения трудовых масс всех народностей России"¹⁶².

Если классовый подход к самоопределению наций не вызвал возражений в среде советского руководства, то в понимании субъекта федерации высказывались различные мнения. Так, видный большевик М.И. Лацис в "Известиях ВЦИК" выступил против участия в федерации всех народов. По его мнению, субъектом федерации могут быть только наиболее многочисленные нации и национальности. "Заговорили о своей республике и киргизы, а чем же хуже их башкиры, сарты, буряты, якуты и многие, многие другие?"

Но подите только на уступки этим стремлениям, потакайте им, и от вашей пролетарской диктатуры, без которой Советская власть немыслима, не останется и помину"¹⁶³.

В 1918 г. были сделаны первые шаги в строительстве Российской

Федерации: выработан проект создания Татаро-Башкирской автономной республики, образованы Туркестанская автономная советская республика, Трудовая коммуна немцев Поволжья. До этого, в декабре 1917 г., признана в качестве независимой Украинская Советская Республика, в январе 1919 г. – Белорусская, но и та и другая как "советские социалистические".

В самое напряженное время гражданской войны национальная проблематика в деятельности руководства РКП(б) и государства была отодвинута на задний план военными обстоятельствами. До конца 1919 г. она возникала эпизодически, заняв серьезное место лишь на VIII съезде партии в связи с обсуждением и принятием ее программы. На съезде разгорелась дискуссия вокруг понимания самоопределения наций. Г.Л. Пятаков был в принципе против права наций на самоопределение: «Раз мы экономически объединяем, строим один аппарат, один высший совет народного хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т.д., то все это пресловутое "самоопределение" не стоит выеденного яйца. Это или просто дипломатическая игра, которую в некоторых случаях нужно играть, или это хуже, чем игра, если мы берем это всерьез»¹⁶⁴. Против права наций на самоопределение выступали М.П. Томский, Д.Б. Рязанов, Н. Осинский, Н.И. Бухарин высказался против самоопределения наций, за "самоопределение трудящихся" "Понятие нации, – говорил он, – включает в себя все классы данного общества. Поэтому, поскольку мы держим сейчас курс на пролетарскую диктатуру, мне кажется, мы не можем выставлять лозунг права нации на самоопределение...

В комиссии я, опираясь на заявление, сделанное т. Сталиным на Третьем съезде Советов, предлагал формулу: самоопределение трудящихся классов каждой национальности"¹⁶⁵.

Практически лишь Ленин на съезде высказывался за право наций на самоопределение. "Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно... – говорил он. – Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, а только трудящиеся массы – это будет пустяковиннейшей вещью. Не признавать того, что есть, нельзя: оно само заставит себя признать"¹⁶⁶.

Принятая на съезде программа партии провозглашала необходимость для всех стран уничтожения "всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение". В то же время программа в перспективе видела переход "к полному единству", т.е. к унитаризму, а в качестве одной из переходных форм к этому она выставляла "федеративное объединение государств, организованных по советскому типу" Касаясь вопроса о том, "кто является носителем воли наций к отделению", программа подтверждала, что РКП стоит "на исторически классовой точке зрения"¹⁶⁷. О сути этой "точки зрения" выше уже говорилось. Программа не содержала права государств советского типа на "самоопределение

трудящихся", что было определенным компромиссом между приверженцами Ленина в этом вопросе и леворадикальной частью съезда*

В свете национальной проблемы большое значение имело и решение VIII съезда РКП(б) в пользу "единой централизованной Коммунистической партии с единым ЦК... Центральные комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП(б)"¹⁶⁸. Это усиливало власть центра над "независимыми" республиками, ибо, как уже отмечалось, этой властью фактически было руководство РКП(б).

С национальной проблемой непосредственно была связана подготовка постановления о военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, принятого ВЦИК 1 июня 1919 г. Постановление признало необходимым провести объединение вооруженных сил, советов народного хозяйства, железнодорожного управления и хозяйства, финансов и комиссариатов труда для борьбы против общих врагов¹⁶⁹. Отмечу здесь следующий момент. ВЦИК признавал необходимым объединение "стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс", а не нации.

В самом конце 1919 – начале 1920 г., когда несколько спало военное напряжение и почти на всю территорию страны распространилась власть Советов, РКП и Советское правительство стали больше уделять внимания национальным отношениям, причем преимущественно в плане национально-государственного строительства.

В декабре 1919 г. на заседании Политбюро рассматривался вопрос о Татаро-Башкирской республике. Принято постановление: "Ввиду того, что значительная часть Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока и, в частности, все представители коммунистов Башкирии против создания Татаро-Башкирской республики, таковой не создавать и декрет Народного Комиссариата по национальным делам от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской Советской республике отменить"¹⁷⁰.

Практическую работу по государственному устройству национальностей вел Народный комиссариат по делам национальностей. Но эйфория прежней историографии, всячески восхвалявшей деятельность Наркомнаца, не оправданна. Это ведомство во многих вопросах дублировало другие наркоматы. Авторитет его был невысок. Не случайно от самого Наркомнаца летом 1919 г. исходило предложение о его ликвидации. В сентябре этот вопрос рассматривался на Политбюро, оно высказалось за приостановку ликвидации Наркомнаца¹⁷¹. В конечном счете вопрос решился не в плане ликвидации Наркомата, а его укрепления, улучшения работы, поднятия авторитета. Этому должна была служить реорганизация Наркомнаца, проведенная постановлением ВЦИК от 19 мая 1920 г.¹⁷² Но авторитет наркомата даже у самого Политбюро оставался низким. Об этом можно судить по таким фактам.

---

* В дальнейшем "классовая точка зрения", а именно понимание "самоопределения наций" как "самоопределение трудящихся классов", стала для партий эталоном марксистского подхода к национальному вопросу.

25 мая Политбюро приняло решение о создании комиссий по вопросам Туркестана и Азербайджана. В обоих случаях представителю Наркомнаца было разрешено на заседаниях комиссий только присутствовать¹⁷³. 9 июня член коллегии Наркомнаца А.З. Каменский писал в Политбюро, что оно решает вопросы по делам национальностей, не согласовывая их с Наркомнацем, даже не заслушивая его мнение. Так, 8 июня оно приняло решение о Чувашской республике и ряд положений о Татарской республике, не заслушав на этот счет Наркомнац. Решение Политбюро о Чувашской республике, игнорируя Наркомнац, поручало Наркомвнуделу созвать соответствующее совещание¹⁷⁴. В письме в ЦК РКП(б) 20 ноября 1920 г. А.З. Каменский привел и такой факт: 30 октября Оргбюро ЦК рассматривало вопрос об отделах Наркомнаца, не пригласив на заседание его представителя¹⁷⁵. Думается, игнорирование Наркомнаца по вопросам, находившимся непосредственно в его компетенции, не случайно, оно во многом определялось неудовлетворенностью деятельностью Наркомата. В декабре 1920 г. на Всероссийском совещании представителей автономных республик А.З. Каменский, подвергнув критике деятельность наркомата, поставил вопрос о том, не следует ли вообще закрыть наркомат¹⁷⁶.

Как бы то ни было, в подготовке образования в 1920 г. целого ряда автономных республик – Башкирской, Татарской, Киргизской (Казахской) – и Калмыцкой, Чувашской, Марийской, Вотской (Удмуртской) автономных областей, Карельской Трудовой Коммуны участие Наркомнаца несомненно. Здесь разрабатывались проекты положений по каждой автономии, велась работа по установлению их границ, межнациональному разграничению, а местные органы наркомата разъяснительной и организационной работой готовили население к созданию своей автономии.

В 90-х годах в связи с подготовкой новой конституции демократической России и дискуссиями о предполагаемом федеративном устройстве страны ряд их участников ставили под сомнение оправданность образования государственности народов после Октябрьской революции, даже осуждали ее. Они считали, что проведенное большевиками национально-государственное строительство создало опасность для будущего единства страны, явилось одной из причин центробежных процессов в посткоммунистической России. Но нельзя не признать, что для РКП(б) тогда это было объективной необходимостью, большевики шли навстречу требованиям народов, укрепляя тем самым свои позиции и единство страны на федеративных началах.

Однако позитивный заряд национально-государственного строительства в значительной мере терял свою положительную силу вследствие проводимой РКП(б) и центральными государственными органами борьбы с так называемым буржуазным национализмом местных политических деятелей, в том числе коммунистических. Предложения некоторых из них (М. Султан-Галиев, Т. Рыскулов и др.) в практике осуществления партийной коммунистической доктрины больше учитывать местные национальные особенности центральная партийно-государственная власть рассматривала как "националистические диверсии"

Последовавшие репрессии "национал-уклонистов" по партийной линии, а затем репрессии чекистских органов возмущали местное население как проявления великодержавия и колониализма. Прикрывались эти действия терминологическим флером об "интернациональном единстве". В письме к Ленину от 12 июня 1920 г. Сталин был открытен: "Для наций, входивших в состав старой России, наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным как путь к интернациональному единству. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли ее давно, ввиду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений"¹⁷⁷.

П. Милоков имел достаточно оснований позже писать: на деле «никакой "федерации" в пределах РСФСР не существовало. Местные власти, исключительно состоявшие из коммунистов, просто регистрировали и принимали к исполнению декреты центральных учреждений, подготовленные, в свою очередь, коммунистической партией. Все прежние вожди и руководители национального движения, принадлежавшие к буржуазной или хотя бы социалистической интеллигенции, должны были скрываться или эмигрировать. Все дореволюционные формы национального движения вроде национально-культурной автономии и т.п. были формально объявлены на 10-м партийном съезде (март 1921 г.) буржуазными выдумками, совершенно излишними при коммунизме»¹⁷⁸.

В 1920–1921 гг. в связи с окончанием гражданской войны и образованием новых советских республик в Закавказье – Азербайджанской, Армянской, Грузинской – встал вопрос о принципах объединения независимых республик, формах их связей, взаимоотношений. Определенной вехой в их выработке были договоры между РСФСР и Азербайджанской Советской Социалистической Республикой, заключенные в сентябре 1920 г. Был установлен принцип "тесного военного и финансово-экономического союза" между двумя государствами. Предлагалось в кратчайший срок осуществить объединение военной организации и военного командования, органов, ведающих национальной экономикой и внешней торговлей, органов снабжения, железнодорожного и водного транспортов и управления почтово-телеграфной связью и финансов. Представитель РСФСР назначался в азербайджанский Совнарком с правом решающего голоса¹⁷⁹.

Три месяца спустя был заключен договор с Украинской ССР. Если договор с Азербайджаном подписали наркомы иностранных дел двух республик, то договор с Украиной 28 декабря 1920 г. подписали Ленин от РСФСР и председатель СНК Украины Х.Г. Раковский. Согласно договору, объединенные комиссариаты "входят в состав Совнаркома РСФСР и имеют в Совете Народных Комиссаров УССР своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых украинскими ЦИК и съездом Советов". В свою очередь, Украинская ССР имела своих представителей во ВЦИК и на Всероссийском съезде Советов. Украине оставалось больше прав: она сохранила ряд республиканских наркоматов¹⁸⁰.

С некоторыми изменениями в 1921 г. были заключены договоры с Белорусской, Грузинской и Армянской ССР. На Девятом Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. присутствовали делегаты всех договорных республик, и съезд решил увеличить число членов ВЦИК за счет представителей этих республик.

Договоры со всеми республиками не предусматривали объединения иностранных комиссариатов. Однако только Украина воспользовалась правом самостоятельно проводить внешнюю политику. 25 ноября 1921 г. она заключила договор с Эстонией, некоторое время она имела собственных представителей в Праге, Берлине и Варшаве. В феврале 1922 г. все советские республики поручили РСФСР представлять и защищать их интересы на Генуэзской конференции и подписать за них все возможные там соглашения.

В 1922 г. Грузия, Армения, Азербайджан объединились в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). К концу 1922 г. существовали четыре независимые республики – РСФСР, Украина, Белоруссия, ЗСФСР – 13 автономных республик и 16 автономных областей. На деле независимость республик центральными ведомствами РСФСР всерьез не принималась. То один, то другой российский наркомат вмешивался в компетенцию соответствующих республиканских наркоматов. На этой почве возникали конфликты, против вмешательства выступали с протестами руководители республик. Конфликты становились предметом обсуждения на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б)¹⁸¹. Практика заключения договорных отношений между РСФСР и другими советскими "независимыми" республиками шла на фоне острых дискуссий о характере предполагавшегося их объединения. Выявились три подхода: создание союза в форме аморфной конфедерации, объединение на правах автономий и федерация равноправных суверенных республик. Первый вскоре отпал. Основные столкновения мнений шли между сторонниками второго подхода, главным приверженцем которого был И.В. Сталин, и сторонниками третьего подхода, который отстаивал Ленин.

Написанный Сталиным "проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками" (не ранее 1 августа 1922 г.) предлагал "признать целесообразным формальное вступление независимых Советских республик: Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР"¹⁸². А в телеграмме в Заккрайком РКП(б) 29 августа 1922 г. он писал о согласии с Орджоникидзе и Кировым о едином руководящем центре в Москве для Советских республик, о распространении компетенции Совнаркома, Совета Оборона, ВЦИК Москвы на все советские республики¹⁸³.

По Сталину, республики должны были объединиться на основе "автономизации", без права на независимость, права на отделение. Его идея "автономизации" предполагала создание союза республик как чисто централизованное, унитарное государство.

В связи с имперской позицией И.В. Сталина примечателен так называемый грузинский инцидент. Руководство ЦК КП(б) Грузии во главе с П. Мдивани, Ф. Махарадзе было против сталинского проекта

"автономизации", высказывалось за вхождение Грузии в создаваемый Союз ССР самостоятельно, а не через Закавказскую Федерацию. Их позиция определялась стремлением укрепить независимость республики в рамках многонационального государства и не противоречила ленинскому пониманию характера будущего Союза как федерации независимых равноправных республик. И.В. Сталин обвинил грузинское руководство в национализме.

Комиссия Оргбюро ЦК РКП(б), обсуждавшая вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых национальных советских республик, большинством голосов приняла проект резолюции, составленный И.В. Сталиным. Его суть: все советские республики вступают в состав РСФСР. Таким образом, протаскивалась идея "автономизации".

Имеется документ – письмо Сталина Ленину от 22 сентября 1922 г., – в котором нарком национальностей, обосновывая идею "автономизации", откровенно писал о своем понимании национальной политики в годы гражданской войны как вынужденную "демонстрацию либерализма", а независимость республик – как "игру в независимость". "За четыре года гражданской войны, – утверждал он, – когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимовцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП(б) как обман и лицемерие со стороны Москвы. Мы переживаем такую полосу развития, – продолжал Сталин, – когда форма, закон, Конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно принимая слова о независимости за чистую монету и также упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик". Его предложение: перестать играть в независимость, вместо нее признать "реальную автономию"¹⁸⁴.

Однако для Ленина это не было игрой. Он был против "автономизации", за образование многонационального государства на основе добровольности, равноправия и суверенности всех советских республик, включая РСФСР. «...Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, "Союз Советских Республик Европы и Азии", – писал он членам Политбюро 26 сентября 1922 г. – Важно, чтобы мы "не уничтожали их независимости, а создавали еще **новый этаж**, федерацию **равноправных республик**»¹⁸⁵. Формирование федерации должно было идти "снизу", т.е. через добровольное делегирование республиками определенных общих функций Союзу. Вместе с тем как само собой разумеющееся предполагалось, что все субъекты Союза будут "советскими", "социалистическими" и руководить ими будут коммунисты.

Вопрос о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками обсуждался на пленуме ЦК РКП(б) 6 октября 1922 г. Пленум поддержал позицию Ленина и на основе его предложений при-

нял соответствующую резолюцию. 19 октября 1922 г. секретарь ЦК компартии Грузии М. Окуджава на пленуме ЦК КПГ рассказывал: "Комиссия (Сталин, Орджоникидзе и Мясников) решила применить автономизацию, но т. Ленин настоял на союзе независимых республик. Мнение т. Ленина несомненно склоняется к федерации отдельными республиками, а не через Закавказскую федерацию... она не жизнenna в то время, как отдельные республики – Грузия, Армения и Азербайджан – живые организмы, естественные образования"¹⁸⁶.

Вскоре после пленума ЦК РКП(б) обострился "грузинский конфликт". Руководители Грузии продолжали выступать против "автономизации". Возглавлявший закавказский краевой комитет партии Г.К. Орджоникидзе в споре с ними ударил одного из них. В ноябре 1922 г. Политбюро направило в Грузию специальную комиссию во главе с Ф.Э. Дзержинским для расследования конфликта, но должного беспристрастия комиссия не проявила. Ленин был возмущен великодержавным рукоприкладством Г.К. Орджоникидзе, даже требовал "примерно наказать" его. Несколько позже, 6 марта 1923 г., тяжело больной Ленин продиктовал письмо П.Г. Мдивани и Ф.И. Махарадзе: "Уважаемые товарищи! Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского"¹⁸⁷. Это последний документ Ленина.

Состоявшийся 30 декабря 1922 г. Первый съезд Советов СССР принял Декларацию об образовании СССР и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Декларация говорила о добровольности объединения равноправных народов, что за каждой республикой обеспечивается право свободного выхода из Союза и что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, "как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем". Исходя из идеи неизбежности мировой революции, документ декларировал, что новое союзное государство "послужит верным оплотом против мирового капитализма к новым решительным шагам по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику"¹⁸⁸.

Союзный договор определял структуру союзных и республиканских органов власти и управления, их полномочия, взаимоотношения, механизм разрешения разногласий между Союзом и республиками.

Докладчик И.В. Сталин заявил, что новый Союз – это "прообраз грядущей мировой Советской Социалистической республики". О такой перспективе с воодушевлением говорили и другие делегаты. С.М. Киров даже заявил, что Большой театр тесноват для будущих встреч представителей трудящихся всего мира, а потому надо построить новый дворец на лучшей площади Москвы. Крестьянин Черниговской губернии Одинец сказал, что ангелом-хранителем Союза будет товарищ Ленин и что объединение народов только начинается: "Мы будем шагать от Москвы к Варшаве, к Кракову, к Берлину, от Берлина к Лондону и т.д. и т.п."¹⁸⁹

Между тем в тот самый день больной Ленин в Горках начал диктовать письмо, начинавшееся такими словами: "Я, кажется, сильно вино-

ват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик". «Видимо, вся эта затея "автономизации" в корне была неверна и несвоевременна». «При таких условиях очень естественно, что "свобода выхода из союза", которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой...» Один из вопросов: «...приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять».

Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма". Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль»¹⁹⁰.

На следующий день, 31 декабря, Ленин продолжал свои записки: "Не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т.е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов"¹⁹¹. Но ни на следующем, ни на последующих съездах Советов к вопросу о реализации этого предложения не вернулись.

В апреле 1923 г. национальный вопрос обсуждался на XII съезде РКП(б). Больной Ленин готовился к выступлению с резкой критикой действий Сталина. Не будучи в состоянии быть на съезде, он некоторые материалы по национальному вопросу передал Л.Д. Троцкому с просьбой выступить в защиту грузинских коммунистов и изложить взгляды Ленина. Троцкий отмолчался. Национальную политику партии критиковал, в частности, Х. Раковский. Он утверждал, что партия "в национальном вопросе совершает фатальные ошибки". Между тем это один из тех вопросов, который чреват самыми крупными осложнениями для Советской России и для партии вплоть до гражданской войны. Считается, говорил Х. Раковский, что Октябрьская революция решила национальный вопрос. Но в чем она его решила? Между программой партии по национальному вопросу и осуществлением ее государственным аппаратом имеется коренное расхождение. "Если бы я рассказал вам историю борьбы, которую приходится республикам вести с нашим центральным аппаратом, это была бы история борьбы за их существование, переживаемая нами на окраинах". "Что случилось после создания Союза Республик? Союз – это было понято многими центральными органами в том смысле, что они могут обрушиться всей своей тяжестью на отдельные республики", что они могут решать все вопросы за республики и не считаясь с ними. "Уездный исполком больше знает свои права, чем национальные республики"¹⁹².

Отвечая критикам, И.В. Сталин утверждал, что политической основой пролетарской диктатуры являются центральные промышленные районы, а не окраины с их крестьянским населением, что право народов на самоопределение подчинено "праву рабочего класса на

укрепление своей власти"¹⁹³. Это было "обоснованием" необходимости централизованного государства.

В целом XII съезд РКП(б) исходил из ленинской позиции образования Союза Советских республик на основе добровольности объединения, их равноправия и сотрудничества в рамках единого союзного государства. Резолюция съезда, констатируя реалии и как бы предостерегая, указывала: «Союз республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого "единого-неделимого"»¹⁹⁴.

Однако в июне четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей под давлением сталинской группы партийного руководства порвало с ленинским курсом национальной политики¹⁹⁵. Если, по Ленину, желательно "пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосоливать"¹⁹⁶, то на совещании прозвучали голоса в поддержку противоположного мнения Сталина, за отказ от "национального либерализма" Ленина, с критикой решения XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. Здесь победила линия на имперский централизм. С того времени жупел "национал-уклонизма" стал той дубиной, которой пользовались для расправы с противниками великодержавного централизма. Здесь же, на совещании, было устроено судилище по "делу Султан-Галиева", руководителя татарских большевиков, работавшего с 1918 г. в Наркомнаце. Он обвинялся в татарском "буржуазном национализме", антипартийной деятельности и попытках установления связи с туркестанскими басмачами, Ираном и Турцией с целью свержения Советской власти. Это была одна из фабрикаций "преступлений", ставших методом устранения несогласных в чем-либо с установками ЦК.

Итак, большинство партийного руководства было на стороне Сталина. Статья Ленина против "автономизации" была скрыта от читателей (она опубликована только спустя более 30 лет). Все несогласные с "автономизацией" позднее были репрессированы. Созданный "союз независимых республик" таковым был лишь формально. На деле же десятки лет велась игра в "независимость", а проводилась имперская политика.

Подготовка текста Конституции велась в специальных комиссиях, созданных избранным на Первом съезде Советов ВЦИК СССР. Здесь сталкивались противоположные мнения по многим вопросам союзного устройства: о полномочиях союзных и республиканских ведомств, компетенции центральных наркоматов, быть ли единому советскому гражданству. (Примечательно, что все это вопросы, вновь вставшие при обсуждении проекта Конституции России в 90-х годах.) Представители Украины настаивали на предоставлении более широких прав республикам; татарские представители предлагали предоставить автономиям статус субъекта федерации; грузины считали, что закавказские республики должны вступить в СССР отдельно, а не в составе ЗСФСР.

Союз Советских республик был создан на договорных началах

между формально суверенными государствами. Конституция СССР, принятая ВЦИК 6 июля 1923 г. и официально утвержденная Вторым Всесоюзным съездом Советов 31 января 1924 г., декларировала суверенитет республик, ограниченный определенными пределами. За республиками признавалось право на отделение. Но при этом центральная власть наделялась полномочиями, благоприятствовавшими переходу к унитаризму, на позициях которого по существу оставалось сталинское руководство РКП(б), сформировавшееся при Ленине и полностью утвердившееся после него. Добровольность объединения и суверенность республик обречены были на чистую формальность вопреки благим пожеланиям Ленина. И дело заключалось не только, вернее, не столько в великодержавных централизаторских устремлениях Сталина и его соратников. Главная причина – в характере правившей всеми республиками единой, выражавшей классовые, а не национальные интересы Коммунистической партии. Будучи многонациональной, она была организована и действовала на строго централизаторских принципах и подчиняла все республиканские компартии их единому центру – ЦК РКП(б), а следовательно, подчиняла ему и сами республики. Монопольная власть ЦК, распространявшаяся на все советские республики, единая "диктатура пролетариата" со всем арсеналом орудий политической системы, арсеналом политического, административного, военного и экономического командования скрепляли все части Союза. СССР превратился в унитарное государство по сути с имперскими структурами. Народы бывшей царской империи были включены в границы "единой и неделимой" России, но под красным знаменем "диктатуры пролетариата" и социализма. Вместо подлинно демократического объединения наций был создан их союз, в котором равенство и суверенитет республик провозглашались, но не соблюдались. Тем самым оставалась почва для вызревания семян недовольства и стремления к подлинной независимости. К чему это привело – хорошо известно. СССР мог существовать до тех пор, пока функционировала административно-командная политическая система, удерживавшая все республики в "добровольном" единстве. С ликвидацией этой системы распад Союза стал неизбежным.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 372.

² Там же. С. 70–71.

³ Там же. Т. 45. С. 376.

⁴ Там же. Т. 44. С. 397, 398.

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 360. Л. 1.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 78.

⁷ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22425. Л. 1–2.

⁸ Одиннадцатый съезд РКП(б), март–апрель 1992 г.: Стеногр. отчет. М., 1961. С. 525.

⁹ Правда. 1923. 27 апр.

¹⁰ Декреты Советской власти. М., 1989. Т. 13. С. 39–42.

¹¹ СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90–93; № 72–73. Ст. 407.

¹² Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С. 199.

¹³ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 88.

- 14 Там же. С. 526.
- 15 Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1968. С. 468.
- 16 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 244.
- 17 КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 471–472.
- 18 Ежегодник советской юстиции. 1922. № 1. С. 7.
- 19 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 398, 400.
- 20 Там же. Т. 54. С. 160.
- 21 Там же. Т. 45. С. 86.
- 22 См.: СУ РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.
- 23 Там же. № 36. Ст. 424, 425.
- 24 Ленин и ВЧК: Сб. документов, 1917–1922. М., 1987. С. 380, 381.
- 25 Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, 1917–1921 гг.: Сб. документов. М., 1958. С. 418–420.
- 26 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25915.
- 27 Там же. Оп. 2. Д. 641.
- 28 Съезды Советов в документах: Сб. документов, 1917–1922 гг. М., 1959. Т. 1. С. 184.
- 29 Родионов П.Н. Как начинался застой // Знамя. 1989. № 8. С. 207.
- 30 СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.
- 31 Там же. № 65. Ст. 844.
- 32 Конквист Р. Большой террор. Рига, 1990. Т. 2. С. 385.
- 33 См.: Владимир Бурцев и его корреспонденты // Отеч. история. 1992. № 6. С. 118.
- 34 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 826. Л. 2–3 докладной записки (в деле нет сплошной нумерации).
- 35 Там же. Л. 11 докладной записки; Соц. вестн. 1922. № 4. С. 3.
- 36 См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 539 (примечания).
- 37 Там же. С. 78, 79.
- 38 Соц. вестн. 1922. № 4. С. 4.
- 39 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 20300. Л. 2.
- 40 Там же. Д. 24617. Л. 1.
- 41 Там же. Д. 23887. Л. 83.
- 42 Всероссийская конференция РКП(б) (4–7 августа 1922 г.). Бюллетень № 2. М., 1922. С. 80.
- 43 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 198; Т. 45. С. 31.
- 44 СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 461.
- 45 Там же. 1923. № 14. Ст. 177.
- 46 Там же. 1922. № 40. Ст. 477.
- 47 В.И. Ленин и А.М. Горький: Письма, воспоминания, документы. М., 1969. С. 319–320.
- 48 Съезды Советов в документах... Т. 1. С. 199.
- 49 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 351.
- 50 Там же. Т. 54. С. 266.
- 51 РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1–2.
- 52 КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 593.
- 53 СУ РСФСР. 1922. № 65. Ст. 844.
- 54 РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2603. Л. 13–14.
- 55 СУ РСФСР. 1922. № 19. Ст. 217.
- 56 РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 13.
- 57 Там же. Д. 48. Л. 10.
- 58 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 4559. Л. 89.
- 59 Там же. Д. 59. Л. 20.
- 60 РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 18.
- 61 ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.

- ⁶² Там же. Л. 18.
- ⁶³ Правда. 1922. 17 нояб.
- ⁶⁴ Изв. ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 191–193.
- ⁶⁵ Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 228.
- ⁶⁶ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 126.
- ⁶⁷ Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 125.
- ⁶⁸ Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. М., 1990. Т. 1. С. 22.
- ⁶⁹ Цит. по: Павлова И.В. Сталиннизм: тайна власти // Экономка и организация промышленного производства (ЭКО). Новосибирск, 1991. № 5. С. 147.
- ⁷⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.
- ⁷¹ Там же. Л. 7.
- ⁷² Там же. Ф. 393. Оп. 1. Д. 43. Отчеты НКВД ЦК РКП(б) о деятельности в августе–декабре 1922 г.
- ⁷³ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 595–598.
- ⁷⁴ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 21918. Л. 1.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 335. Л. 23.
- ⁷⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 243.
- ⁷⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 110. Л. 2–3.
- ⁷⁸ См: Павлова И.В. Указ. соч. С. 149.
- ⁷⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 34. Д. 110. Л. 2–3.
- ⁸⁰ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 335.
- ⁸¹ Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 539.
- ⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 112.
- ⁸³ Там же. С. 108.
- ⁸⁴ Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 533.
- ⁸⁵ Восьмой съезд РКП(б), март 1919 г.: Протоколы. М., 1959. С. 325.
- ⁸⁶ Десятый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 402.
- ⁸⁷ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 749 (примечания).
- ⁸⁸ Изв. ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190.
- ⁸⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 241, 242.
- ⁹⁰ Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б). М., 1933. С. 78, 79.
- ⁹¹ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18265. Л. 1–2.
- ⁹² В.И. Ленин и ВЧК (1917–1922): Сб. документов. М., 1975. С. 445.
- ⁹³ РЦХИДНИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 177. Л. 1–2.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24530. Л. 3–5.
- ⁹⁵ Цит. по: Двинов Б. От легальности к подполью (1921–1922). Стенфорд. 1968. С. 73.
- ⁹⁶ Рев. Россия. 1921. № 11. С. 3.
- ⁹⁷ В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов. С. 468–469.
- ⁹⁸ Там же. С. 546.
- ⁹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 50.
- ¹⁰⁰ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23887. Л. 61.
- ¹⁰¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189, 190.
- ¹⁰² Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 681.
- ¹⁰³ Там же. С. 391.
- ¹⁰⁴ Соц. вестн. 1922. № 3(14). С. 12.
- ¹⁰⁵ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2387. Л. 64–65.
- ¹⁰⁶ Процесс ПСР: Речи государственных обвинителей. М., 1922. С. 243–244.
- ¹⁰⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 451.
- ¹⁰⁸ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 588.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 591.
- ¹¹⁰ СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 477; № 49. Ст. 622, 623, 624.
- ¹¹¹ Ерманский О.А. Из пережитого, 1887–1921. М.; Л., 1927. С. 199.

- ¹¹² *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 394.
- ¹¹³ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 124.
- ¹¹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 15. Л. 87.
- ¹¹⁵ Дело Бориса Савинкова. М., 1924. С. 150.
- ¹¹⁶ Первая ленинградская областная конференция ВКП(б), 15–19 ноября 1927 г.: Стеногр. отчет. Л., 1927. С. 28.
- ¹¹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 171.
- ¹¹⁸ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 346, 345.
- ¹¹⁹ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 548. Л. 3.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 55. Л. 27–29.
- ¹²¹ Там же. Л. 26.
- ¹²² Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 271.
- ¹²³ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 471.
- ¹²⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 342, 344, 347, 350.
- ¹²⁵ Бюллетень 2-го Пленума ВЦСПС. М., 1922. № 4–5.
- ¹²⁶ Вестн. труда / орган ВЦСПС. 1922. № 1(16). С. 4, 6, 7, 10.
- ¹²⁷ Одиннадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 239.
- ¹²⁸ Там же. С. 246.
- ¹²⁹ Там же. С. 528–527.
- ¹³⁰ Стенографический отчет Пятого Всероссийского съезда профессиональных союзов, 17–22 сентября 1922. М., 1922. С. 530.
- ¹³¹ Там же. С. 276.
- ¹³² Там же. С. 131.
- ¹³³ СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
- ¹³⁴ *Рыков А.И.* Ст. и речи. М., 1927. Т. 1. С. 358.
- ¹³⁵ Вестн. труда. 1922. № 7(22). С. 17.
- ¹³⁶ *Томский М.П.* Современное положение российских профессиональных союзов. М., 1923. С. 7.
- ¹³⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 1-а. Л. 16.
- ¹³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 211. Л. 3; Д. 222. Л. 4.
- ¹³⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 64.
- ¹⁴⁰ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 372.
- ¹⁴¹ СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.
- ¹⁴² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 225–226.
- ¹⁴³ СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150.
- ¹⁴⁴ Там же. № 47. Ст. 230.
- ¹⁴⁵ Там же. № 53. Ст. 322.
- ¹⁴⁶ Там же. № 59. Ст. 403; № 61. Ст. 434; № 72. Ст. 570.
- ¹⁴⁷ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 469.
- ¹⁴⁸ Кооперация о самой себе: Предварительные итоги анкеты организационного управления к IV сессии Совета Центросоюза. М., 1921. С. 5.
- ¹⁴⁹ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 165. Л. 11–12.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 199. Л. 17–19, 22.
- ¹⁵¹ Резолюция 1-го Всероссийского собрания уполномоченных Центросоюза. М., 1921. С. 1.
- ¹⁵² Союз потребителей. 1922. № 6. С. 7.
- ¹⁵³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 54.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 510 (примечания).
- ¹⁵⁵ Союз потребителей. 1924. № 5. С. 6.
- ¹⁵⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369, 373, 376.
- ¹⁵⁷ СУ СССР. 1924. № 17. Ст. 173.
- ¹⁵⁸ Союз потребителей. 1924. № 5. С. 26.
- ¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 467. Л. 3.

- ¹⁶⁰ Там же. Д. 159. Л. 28.
- ¹⁶¹ *Сталин И.В.* Соч. М., 1947. Т. 4. С. 73.
- ¹⁶² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 351.
- ¹⁶³ Изв. ВЦИК. 1918. 29 марта.
- ¹⁶⁴ Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. С. 80–81.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 47.
- ¹⁶⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 160, 161.
- ¹⁶⁷ КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 79.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 105.
- ¹⁶⁹ Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 5. С. 259–260.
- ¹⁷⁰ Изв. ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 163.
- ¹⁷¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 177. Л. 5.
- ¹⁷² Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 221–222.
- ¹⁷³ Изв. ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 116.
- ¹⁷⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 487. Л. 5.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 20.
- ¹⁷⁶ См.: Жизнь национальностей. 1921. 13 и 31 янв.
- ¹⁷⁷ Цит. по: Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?: (Сб. документов). М., 1992. С. 10.
- ¹⁷⁸ Там же. С. 78–79.
- ¹⁷⁹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Пг., 1921. Вып. 1. С. 1–8.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 15–16.
- ¹⁸¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 292. Л. 1–3; Д. 306. Л. 1.
- ¹⁸² Изв. ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 192–193.
- ¹⁸³ См.: Несостоявшийся юбилей. С. 104.
- ¹⁸⁴ Изв. ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 198–200.
- ¹⁸⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211, 212.
- ¹⁸⁶ Цит. по: Несостоявшийся юбилей. С. 124–125.
- ¹⁸⁷ Коммунист. 1989. № 3. С. 83.
- ¹⁸⁸ Съезды Советов СССР: Сб. документов, 1922–1936 гг. М., 1960. Т. 3. С. 17.
- ¹⁸⁹ Изв. ВЦИК. 1922. 31 дек.
- ¹⁹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356, 357.
- ¹⁹¹ Там же. С. 361–362.
- ¹⁹² Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. С. 576, 577, 580–582.
- ¹⁹³ Там же. С. 650.
- ¹⁹⁴ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 3. С. 85.
- ¹⁹⁵ Подробнее см.: *Ненароков А.П.* Крах попыток прогностического анализа межнациональных отношений // Отеч. история. 1992. № 2.
- ¹⁹⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 360.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование советской политической системы, начавшееся со дня победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и к середине 20-х годов получившее известную стабильность, в хронологических рамках 1917–1923 гг. прошло три этапа. Первый из них – ноябрь 1917 – лето 1918 г., когда государственные институты строились в соответствии с идеями и представлениями большевиков о демократии (но только для трудящихся), полноте власти Советов, приобщении трудящихся к управлению государством. В политическую систему закладывался определенный демократический потенциал, однако изначально его развитию был положен предел претензией большевиков на роль единственной "руководящей силы" в государстве, на осуществление идеологических постулатов "строительства социализма" (да еще в экономически отсталой стране), а также установкой на создание государства "диктатуры пролетариата".

Второй этап – середина 1918–1920 г., когда развернувшаяся гражданская война потребовала подчинить ей всю жизнь в стране. Обстоятельства военного времени способствовали реализации идеологических доктрин большевистской власти. Была национализирована почти вся промышленность, утвердилось монопольное господство государственной собственности, что превратило трудящихся в полностью зависимых от единственного "работодателя" – государства. На этом этапе произошло полное сращивание аппарата РКП(б) с государственными органами, были огосударвлены массовые организации трудящихся, государственный механизм функционировал методами приказов и командования. "Диктатура пролетариата" реализовалась в виде власти Коммунистической партии по иерархическим ступеням от верхней – Политбюро до нижних – местные партийные комитеты. Партийно-государственные структуры осуществляли диктатуру от имени пролетариата, который в действительности был отделен и от собственности и от власти. Такая направленность процесса формирования советской политической системы изначально определялась идеологическими постулатами большевиков ("диктатура пролетариата", монопольная государственная собственность, "руководящая роль партии", "объединение властей" в лице Советов). В годы гражданской войны, в результате дальнейшей трансформации Советской власти, сформировалась административно-командная политическая система, ставшая сутью этой власти. В конечном счете возник режим несовместимый с демократией. Были заложены основы общества, лишённого возможности оказать сопротивление совершаемым самой властью беззакониям. Созданный

отлаженный механизм управления и принуждения, беспощадный в осуществлении целей партии, помог ей победить в гражданской войне.

Однако к концу гражданской войны сформированная административно-командная политическая система оказалась в глубоком политическом и экономическом кризисе, охватившем государственную власть и управление, Коммунистическую партию, профсоюзы, взаимоотношения партии и Советского государства с рабочим классом, крестьянством, интеллигенцией. Упал революционный энтузиазм рабочих – он сменился апатией и забастовками. Крестьянских восстаний было немало на всем протяжении гражданской войны – к концу ее они приобрели угрожающие для власти масштабы. Все требовали перемен и прежде всего отмены "военного коммунизма". Не случайно дискуссия о профсоюзах вышла далеко за рамки роли этих организаций. По существу были подняты кардинальные вопросы о сути Советской власти, условиях ее дальнейшего существования.

Третий этап – 1921–1923 гг. Произошел крутой поворот в экономической политике. Наметились сдвиги в политической системе в сторону ее либерализации, отказа от чрезвычайщины и террора. Но демократизация сдерживалась идеологическими догмами "строительства социализма", "диктатуры пролетариата", партийно-государственной политической опекой. Реальная власть осталась в руках партии, сохранялись неравенство в выборах в Советы, лишение избирательных прав по "классовой принадлежности". Остались незыблемыми чрезмерная вера в государственное начало, убеждение в превосходстве Советов над парламентскими учреждениями. На этом этапе окончательно сходят с политической арены последние демократические оппозиционные партии – в результате политического прессинга коммунистов и репрессий государства. В стране и в партии не осталось места для оппозиции, что способствовало безраздельной монополизации государственной политики Коммунистической партией. Сложившаяся в годы гражданской войны традиция все вопросы решать приказами, насилием не была изжита. Подлинного отказа от командно-бюрократической политической системы, сформировавшейся в первые послеоктябрьские годы, не было. Нэп пошатнул ее основы, но не уничтожил их. Демократическая альтернатива не пошла в рост. Процесс демократизации политической системы был заблокирован.

В последних своих работах конца 1922 – начала 1923 г. "Лучше меньше да лучше", "Как нам реорганизовать Рабкрин", "О нашей революции" творец и идеолог советской политической системы Ленин продолжал поиск новой концепции социализма, начатый с переходом к нэпу. Уже тяжелобольной, он выскажется за "коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм". Однако сделано это было мельком, пояснить свою мысль он не успел, предоставив тем самым историкам, политологам, публицистам самим судить о сути ее. Все же конкретные предложения, содержащиеся в этих статьях, позволяют судить о ходе мыслей Ленина, в каком направлении они эволюционировали. Имеются в виду его предложения отказаться от командования в экономике, использовать в ней "оборот", "соревнование", т.е. по сути рыночные

начала, отказаться от попыток перехода к социализму путем "революционного" скачка, добиться демократизации партии, покончить с бесконтрольностью и безотчетностью Политбюро, ограничить власть генерального секретаря партии, провести разделение функций партийных и государственных органов, и в этом же ряду – мысль о социализме как "строе цивилизованных кооператоров". Все это вписывается в ленинское заявление о необходимости "изменений в нашем политическом строе". Эти работы дают основание полагать, что Ленин осознал (или начал осознавать) несостоятельность расчетов на возможность быстрого движения к социализму в России и на европейскую революцию, с которой были связаны планы большевиков, он убедился в том, что созданный государственный аппарат "хуже некуда", а основы социалистического уклада по существу не были созданы. Критически он был настроен и по отношению к самой партии.

Однако и в своих последних работах Ленин в основополагающих вопросах: о "диктатуре пролетариата", "руководящей и направляющей роли" Коммунистической партии, о государстве как властной силе, преобразующей общество, монополисте, владеющем средствами производства, о "классовом подходе" к решению вопросов экономики, политики и культуры – остался на старых позициях. Другими словами, глава партии и государства не посягал на основы сформированной советской политической системы. Неудивительно поэтому, что, видя необходимость коренного улучшения управления страной, он, кроме бесплодных рецептов, для этого ничего предложить не смог. В самом деле, что могло изменить увеличение численности Центрального Комитета правящей партии до сотни человек за счет рабочих-коммунистов от станка, как советовал Ленин? Видимо, он забыл свои же слова, сказанные раньше, в конце января 1921 г.: "Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практически люди знают, что это сказки"¹. В качестве меры обновления и улучшения государственного аппарата Ленин предложил создать единый орган – Центральную Контрольную Комиссию – Рабоче-Крестьянская инспекция (ЦКК – РКИ), – в котором соединились бы функции партийного и государственного контроля. Это была мертворожденная затея, ничего путного она дать не могла. По решению XII съезда партии этот орган был создан, но его деятельность лишь подтвердила его бесполезность.

В 1924 г. Ф.И. Дан в статье о Троцком писал, что он "не мог не понимать, что единственная возможность спасения – в переходе от нэпа экономического к нэпу политическому, к ликвидации диктатуры. Но он не посмел не только сказать, но и додумать этой мысли до конца"². Можно полагать, что Ленин в конце жизни "додумывал" эту мысль, когда советовал произвести "ряд перемен" в политическом строе, но также ее не "додумал", возможно, не успел "додумать".

Ленин олицетворял большевистскую партию и созданные под его руководством Советское государство и советскую административно-командную политическую систему. Его реформаторская деятельность в период нэпа – убедительное свидетельство ограниченных возможностей большевистского реформизма, запутавшегося в тенетах теории и прак-

тики "диктатуры пролетариата" и монопольной власти Коммунистической партии. Непоследовательность, противоречивость реформ не привели к радикальным переменам в политическом строе, не поколебали его административно-командные репрессивные качества.

Как бы то ни было, реформы, проведенные в первые три года нэпа, создавали возможность альтернативы: дальнейшего движения по пути либерализации, демократизации политической системы или усиления диктатуры. Партийно-советское руководство повело страну по второму пути, приведшему к сталинщине.

В Октябрьской революции и особенно в последовавшей гражданской войне рельефно проявилась закономерность, сформулированная Н.А. Бердяевым: "Революция борется против власти, ставшей злой, и она борется за власть и в ней побеждают силы, которые наиболее способны организовать власть, вытесняя и часть истребляя менее на это способных. Революции обнаруживают и высоту человеческой природы, страстное увлечение идеей лучшего строя жизни, способность к жертвенности, забвение эгоистических интересов, – и жестокость, неблагодарность, истребление высоких духовных ценностей"³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 253.

² Дан Ф. Конец Троцкого // Соц. вестн. 1924. № 22/23. С. 9.

³ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 270.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Р. 119, 125, 190, 194
Авилов (Глебов) Н.П. 21
Алуф А. 72
Альтфатер В.М. 38
Андреев А.А. 162, 198, 200
Антонов В.П. 141
Антонов-Овсенко В.А. 21, 188
Артем (Сергеев Ф.А.) 147
- Бабеф Г. 179
Бакунин М.А. 8, 69
Балабанов М.С. 73, 163
Белобородов А.Г. 181, 188
Белосусов 60
Бердников А.И. 64
Бердяев Н.А. 11, 16, 69, 130, 162, 178, 181, 226
Беркенгейм А.М. 156
Бломкин Я. 48
Богданов А.А. 18, 69, 97, 159
Боголепов Д.П. 64
Большаков А.М. 79, 109, 157
Боффа Д. 72, 159
Бреслав С.В. 188
Бруцкус Б.Д. 181
Брюханов Н.П. 103
Бубнов А.С. 147
Букшпан Я.М. 178
Булатов А.А. 154
Булгаков С.Н. 181
Буревой К.С. 115, 116, 121, 160
Бурцев В.Л. 176
Бухарин Н.И. 15, 28, 90, 91, 123, 131, 142–146, 148, 158, 159, 163, 176, 177, 184, 185, 187, 208
- Варга Е. 102
Вардин (Мгеладзе) И.В. 189, 190
Вебер М. 92, 158
Вигдорчик 180
Вегемленер Г. 98, 159
Вишняк М.В. 70
Владимирский М.Ф. 79, 86
Войков П.Л. 153
Волков И. 55
- Волобуев О.В. 72
Волович М. 73
Володарский М.М. 126, 193
Вольский В.В. 115
Врангель П.Н. 95
- Гарви П.А. 72, 73, 140, 162, 163
Геллер М. 134, 162
Гельман А. 27
Герасименко Г.А. 71
Гимпельсон Е.Г. 157, 160, 162
Глотцер А. 69
Гоголевский Н.В. 163
Голованов В. 47
Горбунов Н.П. 167, 178
Горнфельд 180
Городецкий Е.Н. 70
Горький М. 49, 129, 131, 161, 179, 192
Гумилев Н.С. 175
Гурвич Г.С. 74
Гусев К.В. 204
Гухман Б.А. 162
- Далин Д. 43, 71, 72
Дални С.А. 98
Дан Ф. И. 46, 115, 129, 144, 145, 190, 194, 225, 226
Двинов Б. 125, 161, 220
Деннкин А.И. 95, 100, 128, 174
Дзержинский Ф.Э. 32, 33, 83, 86, 123, 127, 131, 158, 173–175, 180, 184, 191
Дмитренко В.П. 73
Днепропровский С.П. 73
Дутов А.И. 29
Дыбенко П.Е. 21
- Ерманский О.А. 46, 119, 161, 194, 220
- Железняков А.Г. 28
- Залуцкий П.А. 177
Зельгейм В.Н. 59, 60, 156
Зинovieв Г.Е. 19, 22, 52, 53, 95, 106, 139, 143, 147, 162, 163, 169, 183, 185, 187, 192, 193
Знаменский О.Н. 70

- Игнатов Е.Н. 79, 95, 111
 Изгоев 180
 Илимский-Кутузов Д. 205
 Ильин-Женевский А.Ф. 41, 71, 161
 Ильяшук Г.И. 72
 Ирошников М.П. 70, 71
- Кабанов В.В. 73
 Каледин А.М. 29
 Калинин М.И. 82, 90, 147, 181, 182
 Каменев Л.Б. 19, 22, 23, 117, 123, 131
 Каменский А.З. 211
 Камков Б.Д. 48
 Карелли В.А. 22, 23
 Карр Э. 5, 7, 14, 69, 105, 113, 159, 160
 Карсавин Л.П. 181
 Каутский К. 48, 72, 127, 161
 Каяуров В.Н. 20, 70
 Керенский А.Ф. 32
 Кизветтер А.А. 181
 Киров С.М. 213, 215
 Кирсанов П.Н. 153
 Киселев А.С. 187
 Киселев А.Ф. 72, 73, 144, 145, 162, 163
 Козелев Б. 54
 Козловский М.Ю. 131
 Коллегаев А.В. 22, 23
 Колчак А.В. 95, 128
 Кондратьев Н.Д. 194
 Конквист Р. 219
 Коробов Д.С. 59, 60, 156
 Короленко В.Г. 95, 133, 134, 162
 Коснор В.В. 141, 183
 Коэн С. 7
 Красин Л.Б. 156, 183
 Красникова А.В. 72
 Краснов П.Н. 32
 Кремнев Г. 73
 Крестинский Н.Н. 93, 152, 156
 Кропоткин П.А. 97, 112, 121, 127, 133, 159
 Крыленко Н.В. 21, 130, 185
 Кузнецов В.А. 156
 Куйбышев В.В. 188
 Курский Д.И. 35, 86, 129, 152, 167, 172, 184, 185, 191
 Кускова Е.Д. 176
 Кутузов И.И. 187
- Лаврухин А.Н. 156
 Лазаревский Н.И. 175
 Ларин Ю. 23, 60
 Лацис М.И. 33, 64, 71, 130, 162, 208
 Ленин В.И. 4–6, 9, 11–14, 16–19, 21, 24, 26–28, 30, 34, 37, 40, 41, 43, 44, 48, 49, 51, 54, 58–61, 64, 68–74, 89, 91, 94–96, 100–102, 104, 106, 111–113, 118, 119, 126–131, 133, 139, 141, 146, 147, 149, 151–155, 157–164, 166–168, 171–174, 176–182, 185, 187, 189–193, 196, 198–200, 202, 203, 206, 208–210, 212–222, 224–226
- Ленская Е.О. 156
 Либбер М.И. 115
 Лозовский С.А. 51, 53, 54, 121, 145, 147
 Локкарт Р. 126, 161
 Лосский Н.О. 181
 Лукирский С.Г. 38
 Луначарский А.В. 21, 95, 131, 133, 134, 179
 Лутовников Ю.Х. 144
 Любович А.М. 81
 Люксембург Р. 29, 69, 70, 74, 125–127, 161
- Магеровский Д.А. 64
 Май-Маевский В.З. 135
 Майский И.М. 55
 Максимовский М. 147
 Манцев В.Н. 180
 Маркс К. 5, 8, 10, 13–15, 58, 69, 128
 Мартов Ю.О. 46, 52, 115, 117–119, 121, 125, 142, 190, 194
 Матрозов И. 54
 Махарадзе Ф.И. 213, 215
 Мдивани П.Г. 213, 215
 Малле С. 159
 Мельгунов С.П. 134, 162, 181
 Мельничанский Г.Н. 54
 Меркулов А.В. 59, 73, 151
 Мессинг С.А. 180
 Месяцев П.А. 164
 Мещеряков Н.Л. 81, 152, 153
 Милонов Ю.К. 72
 Милуков П.Н. 14, 69, 212
 Милютин В.П. 21, 22, 60, 61, 152, 153
 Минц И.И. 70
 Мирбах В. 47
 Молотов В.М. 181, 182, 184, 185, 188, 190
 Монтескье Ш. 17
 Морозов А.Ф. 73
 Муралов Н.И. 38, 188
 Мякотин В.А. 180
 Мясников А.Ф. 215
 Мясников Г.И. 176–178
- Натансон М. 28
 Некрич А.М. 134, 162
 Ненароков А.П. 7, 222
 Николай II 126
 Ногин В.П. 21, 22, 156
 Ноув А. 98, 159
- Оболенский В.Н. 30, 70
 Озол Ф. 54
 Окороков А.З. 72
 Окуджава М. 215
 Оппоков (Ломов) Г.И. 21

- Орджоникидзе Г.К. 213, 215
Осинский Н. (Оболенский В.В.) 80, 92, 95, 141, 147, 171, 188, 209
Осоргни М.А. 181
Оузи Р. 102
- Павлова И.В.** 220
Пажитнов К.А. 57, 73
Пайпс Р. 43, 71, 72, 160
Панина С.В. 36
Паикратова А.М. 72
Петерс Я.Х. 83
Петрищев 180
Петровский Г.И. 22, 26, 86, 89, 109, 147
Платонов А. 92, 166
Плехаиов В.Г. 12, 15, 46
Пешехонов А.В. 180
Погудин В.И. 73
Покровский М.Н. 64, 97, 159
Портнов В.П. 158
Потресов А.Н. 180
Преображенский Е.А. 108, 188
Прошьян П.П. 22, 44, 48
Пурешкевич В.М. 36
Пятаков Г.Л. 188, 209
- Рабинович А.** 7, 43, 70, 72
Радек К.Б. 175, 185, 189
Радус-Зенькович В.А. 141
Разгои А.И. 70
Ракитников Н.И. 115, 116
Раковский Х.Г. 212, 216
Раскольников Ф.Ф. 28
Рассел Б. 79, 95, 105, 106, 157, 159
Раттель Н.И. 38
Рашии А.Г. 162
Рейснер М.А. 64
Рид Д. 21, 70
Родионов П.Н. 219
Розов В. 11, 69
Рожков Н.А. 180
Рубан Н.Б. 71
Рубинштейн Н. 70
Рудзутак Я.Э. 54, 146, 147
Розанов В. 180
Розенгольц А.П. 188
Рыков А.И. 21, 22, 60, 99, 103, 111, 144, 159, 192, 201, 221
Рыскулов Т. 211
Рязанов Д.Б. 143, 144, 185, 198, 209
- Саблин Ю.В.** 48
Савинков Б.В. 133, 195
Саммер И.А. 153
Самойло А.А. 38
Сарабьянов В.Н. 102
Сапронов Т.В. 81, 95, 111, 113, 147, 168, 169, 181, 188
Свердлов В.М. 176
- Свердлов Я.М. 23, 26, 42, 44, 45, 48, 64, 70, 72, 109, 126, 160, 161
Садуль Ж. 29, 70
Святицкий Н.В. 115, 116
Селюнии В. 100, 159
Серебряков Л.П. 188
Сивохина Т.А. 71
Скворцов (Степанов) И.И. 21, 64
Скрипилев Е.А. 70
Славин М.М. 158
Слащов Я.А. 135
Смидович П.Г. 93, 109
Смирнов И.Н. 188
Смит М. 102
Сокольников Г.Я. 102, 172
Сольд А.А. 177
Сорокин П.А. 181
Сосновский Л.С. 89, 188
Спиридонова М.А. 47, 48
Спирин Л.М. 71, 72, 161, 222
Сталин И.В. 21, 39, 43, 64, 72, 108, 110, 147, 160, 185, 187, 188, 209, 212–217, 222
Стеклов В.А. 179
Стеклов Ю.М. 64
Степун Ф.А. 178
Струмилини С.Г. 102
Струмило Б. 28, 70
Стучка П.И. 22, 34–36, 47, 71, 110
Сулейман Н.А. 38
Султан-Галиев М. 211, 217
Суханов Н.Н. 12, 19, 21, 70
- Таганцев В.Н.** 175
Теодорович И.А. 21, 22
Тихвинский М.М. 175
Тихменев Ю.М. 38
Тихомирнов В.А. 67
Тихон, патриарх 181
Томский М.П. 53–56, 73, 91, 137–139, 141, 143, 145, 147, 162, 194, 198–201, 209, 221
Троцкий Л.Д. 10, 21, 24, 28, 30, 31, 37, 49, 70, 81, 88, 90, 91, 100, 104, 105, 108, 122, 128, 145, 146, 148, 158, 159, 161, 163, 181, 188, 192, 193, 198, 216, 220, 225
Трутовский В.Е. 22
Туган-Барановский М.И. 57, 58, 73
- Угланов Н.А.** 187
Уншлихт И.С. 181
Уралов Н.И. 109
Урицкий М.С. 126, 193
- Файи Л.Е.** 73
Фельштинский Ю.Г. 44, 47, 71, 72
Филиппов 135
Финиерти Д. 10

Флоровский А.В. 181
Франк С.Л. 178, 180, 181
Фрумкин М.И. 153
Фрунзе М.В. 39

Хайек Ф.А. 13, 69, 104, 159
Хаймсон Л. 71
Хейсин И.Л. 73
Хинчук Л.М. 60, 157, 205
Ходоровский И.И. 183

Церетели И.Г. 115

Чаянов А.В. 58, 73, 194
Чернов В.М. 120, 123, 133
Чиркин В. 55

Чистяков О.И. 74
Чугаев Д.А. 74

Шаховский Д.И. 175
Шлихтер А.Г. 22, 60, 153
Шляпников А.Г. 21, 146, 187, 198
Шмидт О.Ю. 153
Шрейдер А.И. 64
Штейнберг И.З. 22, 195

Щасный М. 126

Энгельс Ф. 5, 8, 14, 15, 69

Юденич Н.Н. 95, 128

Яковлев Я.А. 181

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
СТАНОВЛЕНИЕ	8
"Диктатура пролетариата". Государство. Демократия	8
Рождение государства "диктатуры пролетариата"	20
На пути к однопартийной диктатуре	40
Профсоюзы и Советское государство	49
Кооперация: какой ей быть?	57
Конституция государства "диктатуры пролетариата"	63
Глава вторая	
В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	75
Государство "диктатуры пролетариата" в гражданской войне	75
Взаимодействие формируемой политической системы и экономической политики. "Военный коммунизм"	96
"Партия, стоящая у власти"	105
О "красном терроре" и его орудии – ЧК	126
Профсоюзы – инструмент партийно-государственной политики	135
Огосударствление кооперации	148
Глава третья	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА И НЭП: НЕАДЕКВАТНОСТЬ РЕФОРМ	165
Симбиоз изпа и ЧК	165
РКП(б) у власти, "все остальные партии – в тюрьме"	183
Профсоюзы в новых условиях	196
Приспособление кооперации к рынку командно-политической системы	202
К "союзу нерушимому"	207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	223
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	227

Гимпельсон Е.Г.

Г 48   **Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. – М.: Наука, 1995. – 232 с.**
ISBN 5-02-009605-9

В книге анализируются условия, причины и предпосылки формирования в первые годы послеоктябрьской России административно-командной политической системы, оказавшей безусловное влияние на всю последующую советскую историю. В центре исследования – превращение Коммунистической партии в государственную структуру, возникновение однопартийности, крайняя централизация власти и управления, административно-репрессивные методы решения политических и экономических задач, подавление инакомыслия, огосударствление общественных организаций, бюрократизация. В книге широко использованы впервые открытые для исследователей архивные фонды правительственных и партийных органов, что позволило по-новому раскрыть события начальной истории Советской власти.

Для историков и всех интересующихся отечественной историей.

Г 0500000000-033 9-1995, I полугодие
042(02)-95

ББК 66.01

Научное издание

Гиппельсон Ефим Гилевич

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ:
1917–1923 гг.**

Утверждено к печати

Институтом российской истории РАН

Заведующая редакцией

"Наука – история" *Н. Л. Петрова*

Редактор издательства *А. В. Болдов*

Художник *А. А. Куценко*

Художественный редактор *В. Ю. Яковлев*

Технический редактор *Э. Б. Павлюк*

Корректор *Ф. Г. Сурова*

**Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике**

ИБ № 1577

Л.Р. № 020297 от 27.11.91

Подписано к печати 20.02.95

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 15,0. Усл.кр.-отт. 15,0. Уч.-изд.л. 16,3

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3427.

Издательство "Наука"

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

**Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12**

